

журнал
современной
литературы,
культуры
и общественной
мысли

СУРА

ИЗДАЁТСЯ С 1991 ГОДА

4

июль -
август

2026

1. С. Андреева
2. Н. Буянов
3. С. Гуляевский
4. В. Давыдов
5. Л. Дорошина
6. В. Дорошина
7. С. Инжеватов
8. Ю. Инюшкина

9. Т. Кадникова
10. Н. Катков
11. Е. Кирикова
12. Е. Комзалова
13. О. Макарова
14. П. Максяшев
15. В. Сидоренко
16. А. Меркушев

17. Н. Никулаенкова
18. В. Палина
19. О. Савин
20. Ф. Самарин
21. О. Сиротин
22. В. Сухов
23. Н. Сюзева
24. С. Сюзев

25. Б. Шигин

СУРА

К 35-летию журнала «Сура».
Сотрудники журнала

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

4 (194)

ИЮЛЬ — АВГУСТ

*Коллективное творчество – это чепуха,
но творчество в коллективе – это единственный вид
настоящего и плодотворного творчества.*

Пётр КАПИЦА

В НОМЕРЕ:

К 35-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «СУРА»

Борис ШИГИН. Благодарю!.....	3
Нас поздравляют	5, 124, 142

СТИХИ ПЕРВЫХ АВТОРОВ «СУРЫ»

Александр САЗОНОВ. России.....	9
Евгения МЯГКОВА. В день золотой свадьбы.....	62
Виктор АГАПОВ. Сура работает.....	100
Дина ЗЛОБИНА. Почему всю жизнь по краю... ..	112

СТИХИ СОТРУДНИКОВ «СУРЫ»

Владимир ДАВЫДОВ. Память.....	128
Сергей ГУЛЯЕВСКИЙ. Золотые журавли.....	131
Лидия ТЕРЁХИНА. Всё в свой срок.....	134
Татьяна КАДНИКОВА. Ведь в наших венах город наш течёт	136
Валерий СУХОВ. Читая Ключевского. Стихи	139

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Валерий БУТОВ. Не надо бить «кривые зеркала». Повесть	10
Виктор ТЕРЕНТЬЕВ. Моё деревенское детство. Повесть.....	63
Дмитрий ДАРИН. Подарок. Рассказ	101
Вадим БЕЛОУСОВ. Храните, люди, тишину. Стихи	113
Стихи участников литературной студии «Под Лермонтовской звездой»	115
Елена ЧЕБАЛИНА. Там, где люди становятся птицами. Стихи	121
Андрей ШАЦКОВ. Отечественные записки начала XIX века. Стихи.....	146
Сергей ОВЧИННИКОВ. Радослава. Рассказ.....	151
Александр БАЛТИН. Сгореть стихами для других. Стихи	162
Евгений СТЕПАНОВ. Символ счастья. Стихи	164

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Екатерина РОГОЖКИНА. Лепесток в бою не вянет. Очерки о героях СВО.....	167
---	-----

ДАТЫ

Дмитрий ЖАТКИН. Между прошлым и будущим.....	175
--	-----

ПАМЯТЬ

Николай ИНЮШКИН. Пензенский край: страницы творческих биографий. К 90-летию со дня рождения	192
Дмитрий МУРАШОВ. Василий Слепцов: проводник во времени. К 190-летию со дня рождения писателя	202

Об авторах.....	218
-----------------	-----

Борис ШИГИН БЛАГОДАРЮ!

В день тридцатипятилетия пензенского литературного журнала «Сура» сказать хотелось бы об очень и очень многом. И возраст приличный, и сделано немало. Но, вспоминая прошедшие годы и события, проблемы и достижения, подбирая нужные чувства и слова, поймал себя на мысли, что чаще других звучит во мне слово «благодарю». Да, я благодарен судьбе, что ровно 30 лет назад, в 1996-м, впервые стал автором нашего журнала. Благодарю судьбу за то, что в 2003-м принял предложение Министерства культуры Пензенской области возглавить редакцию и двадцать три года из тридцати пяти работаю главным редактором пензенского литературного журнала «Сура».

Благодарю прежде всего тех, кто в 1991-м после почти забвения литературно-художественного альманаха «Земля родная», который выходил в Пензе с 1947 до 1964 года, принял решение издавать в Пензе литературный журнал «Сура»: Николая Каткова, Николая Куленко, Александра Сазонова, Петра Максяшева, Олега Савина. Конечно же, Управление культуры Пензенской области и его руководителя Евгения Попова, который взял на себя труд поддержать «Суру» в критической ситуации.

Благодарю областной издательский центр и его руководителя Александра Ломовцева, который на протяжении многих лет воплощает в жизнь наши желания и мечты. Журнал обрёл новый формат, обзавёлся цветной вкладкой, стал по-настоящему презентабельным. Губернатор Василий Бочкарёв не раз называл «Суру» визитной карточкой культурной Пензы.

Благодарю пензенских художников и студентов ПХУ во главе с Сергеем Чередовым, которые размещают на цветных страницах журнала свои работы и оформляют наше писательское фойе в историческом здании областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Благодарю, конечно же, и саму библиотеку, которая в дни реорганизации журнала стала его учредителем и издателем, и в 2003 году приня-

ла редакцию, создав все условия для плодотворной работы коллектива. Кстати, за двадцать три года нашего плодотворного сотрудничества не было ни одного случая, когда бы журнал пришёл к читателю с опозданием. Благодарю за это Марину Осипову, Марину Викулову и Владимира Первушкина, который возглавляет коллектив областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова сегодня.

Благодарю пензенских литературоведов и лингвистов, историков и краеведов, философов и журналистов, которые делают журнал умным и серьёзным. До 2003 года на страницах «Суры» почти не встречались имена учёных.

Благодарю Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» и Тамару Мельникову за поддержку и развитие одной из главных тем журнала — лермонтовской. Лучшие статьи пензенских и российских лермонтоведов стали основой двух сборников «Под Лермонтовской звездой», сделанных редакцией. А сколько книжек пензенских поэтов выпустили мы в серии «Библиотечка «Суры»!

Благодарю всех поэтов и авторов песен, которые на протяжении многих лет развивали наш фестиваль поэзии и авторской песни «Часовые любви» и поддерживали работу клуба «Поющие поэты».

Благодарю президента ПГУ Александра Гулякова и заведующую кафедрой литературы Анну Тимакову за инициативу создания студии молодых поэтов «Под Лермонтовской звездой», которая уже 4 года работает при журнале «Сура».

Благодарю коллектив редакции и всех, всех, всех, кто работал в ней под руководством первого главного редактора Николая Каткова, второго главного редактора Виктора Сидоренко, а сейчас на протяжении многих лет работает со мной. Фотографии коллег украшают наш юбилейный номер. Как и фотографии самых активных авторов журнала.

Благодарю Пензенское региональное отделение Союза писателей России, Дмитрия Жаткина и всех писателей, тысячи наших авторов из 12 стран мира и 70 городов России, которые безвозмездно передают нам свои произведения. Именно эти произведения и позволяют жить журналу полноценной жизнью, всякий раз радуя читателя новыми романами и повестями, литературоведческими статьями и стихами, рецензиями и краеведческими изысканиями. Мы гордимся тем, что каждый новый номер «Суры» — это несколько новых имён. Гордимся тем, что «Литературная газета» назвала «Суру» российским журналом с пензенской пропиской.

Благодарю, конечно же, наших читателей! Всё, что мы делаем, мы делаем для них. Одним словом, как у Михаила Лермонтова: «за всё, за всё тебя благодарю я».

*Главный редактор пензенского литературного журнала «Сура»,
заслуженный работник культуры РФ Борис ШИГИН.*

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**Общероссийская
общественная организация119146, г. Москва,
Комсомольский проспект, 13**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ**

«29» мая 2026 г.

№ 032-3

Уважаемые сотрудники редакции литературного журнала «Сура»!

Уважаемый Борис Владиленович!

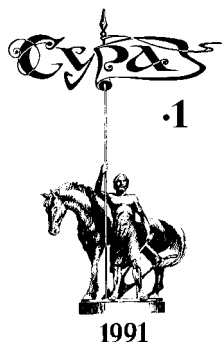
Вот уже тридцать пять лет живёт и работает в Пензенской области литературный журнал «Сура». Издаётся на земле, которая дала миру Михаила Лермонтова и Александра Радищева, Виссариона Белинского и Александра Куприна. Формировала талант Салтыкова-Щедрина, Лажечникова, Загоскина... Союз писателей России высоко ценит тот факт, что «Сура» впитала в себя и хранит лучшие традиции русского литературного журнала. А в последние двадцать лет вошла в когорту российских журналов, авторами которых становятся писатели не только родного края, но и всей многонациональной России. Сегодня «Суру» называют «Всероссийским журналом с пензенской пропиской». И это справедливо: на её страницах авторы из 13 стран мира и 70 городов и регионов России.

Ваш журнал щедро делится своими страницами не только с писателями, но и с учёными: культурологами, историками, краеведами. Эта полифония делает его интересным самому широкому кругу читателей. А просветительская деятельность журнала вызывает восхищение коллег. Всё это плоды Вашей многолетней подвижнической деятельности, которая позволила называть редакцию журнала пензенским «культурным гнездом». А пенцов «Суры», уверенно вставших на крыло, теперь уже и не счесть!

Секретариат Союза писателей России высоко ценит Ваши усилия и сердечно поздравляет редакцию Пензенского литературного журнала «Сура» с 35-летним юбилеем. Оставайтесь такими же творческими, неравнодушными, упорно выполняющими свою миссию просветителей людьми.

*С уважением —*Ответственный секретарь
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Иванов Н.Ф.

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

*Главному редактору журнала «Сура»
Шигину Б.В.*

Дорогой Борис Владиленович!

Позвольте от имени и по поручению редакционной коллегии журнала «Новая Немига литературная» и от себя лично поздравить Вас, а в Вашем лице всех причастных к изданию широко известного и пользующегося боль-

шим авторитетом журнала «Сура», с юбилеем издания.

За эти годы журнал прочно встал на ноги, сплотил вокруг себя широкий авторский актив, состоящий как из самых маститых литераторов, так и из одарённой творческой молодежи. Неудивительно, что журнал постоянно открывает новые имена талантливых писателей.

Крепнут и международные связи. Горжусь тем, что сам являюсь автором и лауреатом премии «Суры», что произведения целого ряда авторов из Беларуси стали известны российскому читателю благодаря публикациям на страницах Вашего журнала. Не сомневаюсь, что наши дружественные контакты будут крепнуть и впредь во благо того дела, которому мы с Вами посвятили свои жизни – служению великой русской литературе.

С праздником! Здоровья и новых творческих удач!

*Главный редактор,
лауреат Национальной литературной премии Беларуси
и Большой литературной премии России,
международных Лермонтовской и Цветаевской премий,
двукратный обладатель «Золотого Витязя»
Анатолий Аврутин*

Министерство культуры Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕРМОНТОВСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТАРХАНЫ»**

442280, Россия, Пензенская область,
Белинский район, с.Лермонтово

✉ mustarhany@mail.ru

☎ 8 (84153) 2-07-99

🌐 tarhany.ru

ФАКС : (84153) 2-07-90

Главному редактору журнала «Сура»
Б.В. Шигину

Уважаемый Борис Владиленович,
дорогие коллеги,
примите теплые поздравления с юбилеем журнала «Сура»!

За тридцать пять лет существования журнал доказал не только свою состоятельность, но не потерял своей актуальности и современности. Искренне рады за нашу «Суру», за весь творческий коллектив, создавший уникальное литературное издание, нашедшее многочисленных и верных читателей. Благодарим Вас за доброе и объединяющее начало, за неустанный творческий поиск, вдохновляющие идеи, неравнодушие к отечественной истории, культуре и искусству, за твердость в принятии решений. Убеждены, что вас не остановят достигнутые результаты, и вы сохраните собственный, узнаваемый стиль, а также стремление к решению многих сложных вопросов современного литературного мира.

Новых авторов, смелых идей и их творческих воплощений, актуальных статей, устойчивого читательского интереса и долгого, созидательного будущего!

От имени коллектива
музея-заповедника «Тарханы»

Ю.В. Печникова

Иск. № 035-02-П от 18 февраля 2026 г.

Главному редактору журнала «Сура»
ШИГИНУ Б. В.

Уважаемый Борис Владиленович!

Поэтическое издательство «Образ» и оргкомитет Международной поэтической премии «Образ» искренне поздравляют Вас и весь редакционный коллектив с 35-летием журнала «Сура»! Больших тиражей и резонансных публикаций!

Отрадно, что журнал «Сура» всегда оперативно откликается на актуальную повестку, а среди Ваших постоянных авторов есть как знаковые известные имена, лучшие перья страны, так и талантливая молодёжь.

Уже несколько лет Ваш журнал является надёжным партнёром издательских проектов издательства «Образ». На страницах «Суры» регулярно появляются стихотворные подборки лучших авторов издательства «Образ», лауреатов и дипломантов одноимённой поэтической премии. Среди них: Анатолий Белинский, Александр Костенко, Анатолий Лебедев, Виктор Медведев и др.

Несколько слов добавлю лично от себя. «Суру» я читаю регулярно — в основном поэтические подборки и рецензии на стихотворные сборники. На мой взгляд, Ваш журнал — один из лучших региональных «толстяков» на сегодняшний день. Важно, что помимо печатного тиража у издания есть стильный современный сайт с удобной навигацией, а также бесплатная электронная версия, что увеличивает читательскую аудиторию и расширяет территориальный охват.

С прекрасным 35-летием, дорогие коллеги!

С уважением,
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВИЧ ПОБУЖАНСКИЙ,
поэт, член Союза писателей России,
лауреат премии имени Н. С. Лескова «Левша»,
главный редактор издательства «Образ».

1991

*Стихи первых авторов «Суры»***Александр САЗОНОВ**

РОССИИ*

Не сказать, не исплакать слезами,
Как за ласку твою и приют
Обокрали тебя, истерзали,
Оболгали и в душу плюют.
Да ещё за коварную цену —
О, как замысел чёрен и лих! —
Совращают тебе на измену
Сыновей простодушных твоих.
Чередой на трибунах мелькая,
Все талдычат, талдычат одно:
Что такая, мол, ты и сякая,
И уже не поднимешься...
Но —
Ни лукавым волхвам,
ни премьерам
Я не верю. Враньё и враньё!
И не рушится чистая вера
Только в светлое имя твоё.
Были, были пророки иные!
И недаром их помнит народ:
«Да останься уезд от России,
От уезда Россия пойдёт!»

* Опубликовано в № 1 за 1991 год.

Валерий БУТОВ

НЕ НАДО БИТЬ «КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА»

Повесть

От автора

Сюжет повести «Не надо бить «кривые зеркала» — о периоде конца перестройки, однако он очень тесно переплетается с проблемами воспитания молодёжи 20-х годов нынешнего столетия.

Как найти подход к детям и установить взаимопонимание с ними? Найти правильную линию воспитания, особенно в их переходном возрасте. Кто виноват в их «вывихах»: семья, школа, двор или государство? Или все вместе?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Отец спал пьяный на полу. Кольке всегда было его жалко. Отец был не то чтобы слабым, а каким-то болезненным. И пьянел быстро. Мужчина, который пришёл с отцом и принёс две бутылки водки, был ещё трезвый. Мать тоже. Только она то беспричинно смеялась, то кричала на Кольку, который уселся на кухне и — ни с места, то уговаривала его пойти поиграть на улице.

— Ну пойдёшь, сынок. Там уже и Витька, и Петька. Пойди поиграй, чего ты на нас, пьяных, смотреть будешь?

— Не пойду!

— Иди, щенок! Раз тебе мать говорит...

Колька захлопнул дверь на кухню и схватил столовый нож.

— Ну и что мы на сегодня имеем? — инспектор уголовного розыска по делам несовершеннолетних старший лейтенант Аканов стоял в проёме бесшумно открытой им двери. Чуть покачиваясь на носках, он касал-

ся смолисто-черным ёжиком волос верхней перекладины. — Или я порысачил по взрослым делам, а то начальник совсем, говорит, запарился? Звонил мне вчера вечером домой, интересовался состоянием здоровья после командировки.

Чёрная в облипочку водолазка, затёртые до белизны джинсы, выдававшая виды спортивная сумка через плечо, выцветшие кроссовки делали его похожим на ветерана баскетбольной команды или тренера юношеской спортивной школы.

Хозяйка кабинета — полноватая средних лет светловолосая женщина в тёмно-синем костюме, — улыбаясь, смотрела на Аканова. Но Виктор Аканович заметил, что начальник инспекции по делам несовершеннолетних встревожена.

— Фу-ты... напугал. Заходи, я как раз голову ломаю. Что это — совпадение или новая группа сформировалась?

— А я-то думал: всё, перевелись у нас малолетние преступники. — Аканов бросил сумку на стул, сел на другой верхом, вытянул длинные ноги.

— Ну, я полагаю, что на эту пятилетку нам с тобой ещё работы хватит.

— Что так хмуро? Что-нибудь серьёзное?

— Как слетал? Смотрю: тоже чем-то недоволен?

— Сдал, как говорится, своим коллегам с рук на руки. Недоволен? А чего хорошего в наручниках человека по аэропортам таскать...

— Преступника.

— Знаю.

— Тогда записывай.

— Запомню.

— Тогда слушай... Позвонили из школы № 7, снова братья Юрьевы, ты их знаешь, из восьмого и девятого классов — Сергей и Вадим, — отбирали у пятиклассников копейки, двоих избили в туалете. Ну, Юрьевых я возьму на себя, схожу домой. Побеседую с родителями. Если понадобится, выпишу официальное предупреждение.

А вот это уже для тебя. На стройке, ну, это новая высотная гостиница, что пятый год строится, из прорабской исчез телефон. В профтехучилище из библиотеки украли маленький переносной телевизор в металлическом корпусе, марку сам уточнишь, и старый напольный ковёр. И последнее и самое важное: по этой краже сейчас все работают, поэтому твой шеф и поторопил тебя с выходом, ориентировки разосланы, — кража в ДК железнодорожников. Из музыкальной комнаты утащили эстрадный комплект с усилительной аппаратурой, общей стоимостью около двух с половиной тысяч.

— Прилично, — присвистнул Аканов. — Но всё это куда-то надо спрятать. Да, кстати, а почему вы берете эти кражи на своих? Есть свидетели, подозрения, версии? — старший лейтенант уже торопливо записывал в блокнот наименования похищенного.

— Дело в том, Виктор, что во всех трёх случаях использован один приём — выдавленное стекло в форточке и открытая изнутри дверь.

— Но для этого надо знать наверняка, что там есть и что такой замок открывается изнутри.

— Я тоже так думаю. Но и без подростка не обойтись. Посмотри, кто из твоих в радиолюбителях и гитаристах числится. И куда-то всё это ведь перенести надо было...

— Теперь всё, надеюсь?

— Всё... поработай, прошу тебя, вечером, хорошо?

— Товарищ капитан, задание понял. Позвонит бабушка, скажите, что задержусь. Помощников из пединститута, человек пять, часикам к восьми вечера подошлите в опорный пункт. По подвалам рейд сделаем.

— Успеха тебе! А мне вот придётся прихватить еще пару часиков для «конторской» работы. — Писемская усталым взглядом окинула кипу «наблюдательных дел» на своём столе.

«Объяснение взято у н/л Крымаря Н.С. 1974 года рождения, ученика 7-го класса. По заданному вопросу поясняю, что я сорвал урок по русскому языку. Я отвечал у доски... — здесь Колька долго молчал. — Он мне всё рожи строил. Потом я налетел на Иванова, завязалась драка, меня отвели в учительскую. Там со мной разговаривали и с другим пацаном. Нам сказали, что нас исключат из школы. Потом мы удрали из учительской и бродили во дворе школы. Потом избили пьяного мужчину. Пацан обшарил его карманы, взял пятьдесят копеек, семечки, спички, сигареты. Потом я пошел домой.

С моих слов записано верно. Крымарь».

«СПРАВКА. 22.1.1988 года посетила квартиру Крымаря Николая. В беседе с матерью узнала, что после совета общественности детской комнаты он стал вести себя намного лучше. Вчера получил «4» по литературе. Все книги у него есть, но нет красок и карандашей, так как ему их не возвращает Иванов. После школы приходит домой. Писемская!»

«Эх, Колька, Колька... если бы ты у меня был один и, если бы, — да от этого уже никуда не денешься, — если бы... не воспитание наглядностью...» — Наталья Николаевна вздохнула и взялась за авторучку.

Глава 2

Когда Колька пришёл из школы домой, мать сказала, что отца у них больше нет, что он уехал. А Колька слышал, как тётки на скамейке разговаривали.

— ...выгнала она его. Разве ей такой мужик нужен?

Иногда мать кричала на Кольку, иногда заискивала:

— Нате вам с Витькой по 50 копеек. В кино сходите, мороженое купите, а потом заночуешь у них, а...?

А потом Колька стал уходить к друзьям сам.

На заседании родительского комитета школы с повесткой «О воспитании в семье Крымаря Николая» вопрос «обсуждали без Колькиных родителей. Отец выехал неизвестно куда, мать сказалась больной... Классный руководитель выступала, словно читала доклад.

— 21 декабря Крымарь не принёс с собой кеды и трико на урок физкультуры, за что не был допущен к занятиям. Бездельничая, он нарочно перевернул в раздевалке все вешалки ребят, завязал тугими узлами рукава всех рубашек, у некоторых брюк... извините, отрезал пуговицы, конкретно — у Иванова. 17 января сего года Крымарь на большой перемене, когда большинство детей ушли в буфет, собрал на партах авторучки и высыпал их все в урну. Никакой воспитательной работе Крымарь не поддается. Буквально на днях, в ответ на мои обоснованные и продуманные наставления, он снова нагрубил мне с такой, знаете ли, злостью: «Хватит меня воспитывать!» Так, Крымарь?

— Так, Сидорова, — ответил Колька.

— Наглец! Ты и здесь себя так ведешь?!

Колька покосился на «инспекторшу», сглотнул слюну и промолчал.

— Ты знаешь, Крымарь, что тебя ожидает?

— Знаю, Сидорова. Знаю. Мне уже говорили: спецучилище, а затем за-ко-но-мер-но — тюрьма.

— Вот видите! Он весь в этом. Я предлагаю, нет, я категорически настаиваю: ходатайствовать об отправлении Крымаря в спецшколу, так как дальше пребывать в детском коллективе он не должен — он дурно влияет на других детей. Если одних детей я стараюсь вернуть, то от такого, как Крымарь, школу надо спасать. У меня всё. — Она села, строгая и непреклонная.

— Я больше не нужен, — сказал Колька, не вопросительно, а утвердительно, и выскочил в прикрытые двери.

Несколько раз Писемская ловила себя на том, что ей хочется встать и остановить эту обвинительную речь. Но её удерживала мысль, что совсем ещё недавно, будучи учителем в такой же школе, она, возможно, так же бы припугнула такого вот «неподдающегося» Крымаря милицией.

Но ведь требовать направить его в спецшколу — это значит, прикрываясь педагогической целесообразностью, спихнуть его с рук. К кому она, инспектор детской комнаты милиции, спихнёт его с рук? Разве только по уже расписанным для Кольки ступеням вниз? И потом, он противопоставлен классу, коллективу, противопоставлен ребятам. Сейчас трудно установить, как это случилось, но это так.

Поднялась молодая пионервожатая, почти девочка, пухленькая, бойкая, уверенная в своей правоте.

— Я не понимаю, чего с ним возиться и сколько с ним возиться? Я уверена, что классный руководитель объективно подошла к разбору поведения ученика Крымаря. Я согласна, что специальное училище — самое подходящее место для таких, как Крымарь.

Воцарилась тишина. Какая-то неловкая тишина. Кажется, судьба Кольки была решена уже раньше, еще до этого заседания. Нет... Нет...

— Нет. Я не согласна с таким решением. Мне кажется, что он, Коля, педагогически запущен, но не испорчен. Я, например, знаю, что он хочет найти отца и жить с ним вместе... Минуточку, не перебивайте, — Наталья Николаевна повернулась в другую сторону, непосредственно к классной руководительнице: — Я знаю, о чём вы хотите сказать. Нет, отец его не пропойца и не пропащий — он просто слабый человек, и, понимаете, Колька хочет ему помочь! В общем, я считаю, надо разыскать отца, с матерью поговорить... основательно. А к Коле... к нему нужен, наверное, другой, особый подход, и не надо его так противопоставлять.

— Может, вы ему потом и передачи носить будете? — брови Сидоровой удивленно и насмешливо поползли вверх.

— Неуместная и, простите, неумная шутка, когда решается судьба ребёнка. Я понимаю: он вам всем достаточно надоел...

— Ну, это не то слово.

— В общем, я тоже — «ка-те-го-ри-чес-ки» — возражаю против спецшколы. Ему надо дать возможность вернуть уважение самого себя к себе и уважение сверстников...

— Послушайте, товарищи, нас призывают уважать Крымаря! А он нас?

Хотя это и было против её правил, Наталья Николаевна вызвала подростка для беседы к себе. Но разговора не получилось...

— Ну, ладно, Коля, не хочешь говорить, зачем вы это сделали, расскажи, как это у вас получилось?

Колька сосопел и безразличным голосом ответил:

— Витька принёс четыре ключа. У меня уже была связка, дал мне их Петька. Мы поднялись наверх, на третий этаж. Я открыл класс. Взял фильмоскоп, а Витька плёнки.

— Зачем?

— Так просто...

На столе у инспектора детской комнаты лежала связка ключей, но не было среди них единственного — ключа от души Кольки Крымаря.

— Скажи, ты это специально делаешь? Ты ведь понимаешь, что делаешь больно другим, доставляешь неприятности учителям, маме, вредишь себе?

Колька сопел в ответ и молчал. И не то чтобы он боялся эту «капитаншу» или презирал её. Нет. Она была с ним строга, но не пугала и не угрожала, была мягка. Даже мать с Колькой так не разговаривала. Но не ссюкала.

Неожиданно Колька поймал себя на мысли, что ему очень хочется уткнуться ей в колени и, не отрывая глаз, говорить, говорить, говорить... Но он почувствовал, что, как только откроет рот, он разревётся. Это было так непонятно и непривычно. И он сопел и молчал.

Заглянули помощницы-девятиклассницы.

— Девочки, погуляйте немного. Мы вот здесь с Колей поговорим...

Не скоро еще капитан милиции Писемская запишет со слов Кольки:

«9 мая мы ходили в поход всем классом. Там нам не понравилось. Не кричите, не шумите, не бегайте, не жгите! Этого нельзя, того нельзя...

После похода я вернулся домой. А Петька и Витька спали на чердаке, им отец с матерью разрешают уходить из дому, когда они захотят и куда захотят. Утром мы встретились, я им принёс поесть. Потом мы пошли на вокзал, ждали пригородного, но пацан, который обещал купить билеты, не пришёл. Тогда мы сели на товарняк и поехали до Калкамана. Там нас заметил проводник, стал ругаться, мы спрыгнули на ходу и убежали. Сели на другой и приехали в Экибастуз, переночевали на лесоскладе. Утром пошли на озеро. Денег у нас не было, и мы вернулись в Павлодар, кто как смог. Вечером я пошёл к Петьке поменяться одеждой. Там меня встретил Артемьев...»

На этом месте Колька запнулся и замолчал. Инспекторша не торопила и не подгоняла его. Писемская молчала и думала: «Где я уже слышала эту фамилию и почему он словно боится?»

И Колька тоже думал. Стоял, сопел и думал: «Говорить или не говорить? Подумает, что трушу. А не скажу — и в самом деле струсил».

— Вы только не записывайте...

«Инспекторша» понимающе кивнула головой и отложила ручку.

Когда Колька уйдет, она допишет услышанное не в «Дело», а в свой дневник:

«...Я увидел Артемьева. Он подозвал и говорит: «Пошли в лесополосу».

Он сказал, что там Витька и Петька, но их там не было. Он сел, закурил сигарету, а потом как ударит меня, и стал бить: в зубы! под дых! по шее! Он всегда так бьёт. Он бил и говорил: «Если ты не дашь выкуп пятьдесят рублей, я тебя убью». Я ему сказал, что у меня нету таких денег, а он говорит: «Своруй и дай мне». Я сказал, что воровать не буду, а он стал меня ещё сильнее бить. И я ему обещал, что сворую. На следующий день он меня опять встретил и грозил ножом, а потом сказал пацанам, и они снова меня били. А мамка мне сказала, что я ей мешаю жить и чтобы я перебирался к отцу. Но я не знаю, где его найти!»

И снова Кольке хотелось заплакать и уткнуться «инспекторше» в колени. Но почему-то не плакалось, а в теле была какая-то усталость и какая-то успокоенность. Хотелось спать, и он уснул тут же на кожаном диване.

Пока Колька спал, «инспекторша» позвонила в райотдел инспектору уголовного розыска по делам несовершеннолетних Аканову.

— Виктор, тебе ни о чем не говорит фамилия Артемьев? Слышал? Вот и мне помнится... Переговори со своими, чувствую, что без уголовного розыска здесь мне не обойтись.

Пока Колька спал, «инспекторша» сходила к матери. Вернулась расстроенная: здоровая тридцатитрехлетняя женщина, работающая грузчиком в магазине, написала заявление: «Прошу оформить сына в интернат. Я с ним не справляюсь. Отца нет, а я болею. И мне надоело ходить из-за него в школу и выслушивать разные ко мне претензии».

Позвонила шефам в пединститут.

— Любушка-голубушка, очень прошу: поговори с ребятами, возьмите его с собой в студенческий отряд, пропадёт парнишка! Ну и хорошо, ну и молодец. Только пусть обязательно заработает. Ему костюм нужен и зимняя одежда. Да, да, ершистый, самолюбивый. Но ты же знаешь, как с такими.

Пока Колька спал, «инспекторша» позвонила в горком комсомола и в комиссию по делам несовершеннолетних при горисполкоме. Там пообещали (хоть и не положено — сложность: возраст четырнадцать лет, учится в шестом классе) добиться направления в профтехучилище и отправить на лето в студенческий отряд.

Она спросила его, когда он проснулся:

— Коля, ты знаешь, где живет Артемьев?

— Нет, он всегда сам приходит.

— Коля, а почему ты бьёшь ребят? Ведь ты же знаешь, как больно и... и оскорбительно это?

Но Колька поднялся, шмыгнул носом и ушел.

Глава 3

Весь день старший лейтенант Аканов «прорысачил» по хитрым местам возможного появления похищенного и «проторчал» возле всех четырёх пивных точек города. Кроме нескольких интересных реплик, касающихся его знакомых из тех, что «по другую сторону баррикад», ничего интересного он не выудил.

Забежал домой, съел приготовленное бабушкой Зауреш мясо по-казахски, выпил два стакана крепкого чаю, принял душ, сменил макасы на простые кеды — по подвалам и так сойдёт, надел поношенную штормовку — знал: к вечеру похолодает, — сказал бабушке: «Рахмет. Не жди, ложись спать», — и выскочил на улицу.

Студенты, посланные Писемской, наверное, уже ждут. Это у них чётко отработано. Молодцы ребята, и не отговариваются, что, дескать, конспекты писать или учить надо.

Несмотря на конец мая, было свежо. На пустыре, что возле нового микрорайона и строящейся гостиницы, мальчишки гоняли в футбол.

Человек тридцать, не меньше, наверное, двор на двор. Вокруг вытоптанного поля в беспорядке были разбросаны куртки, пиджаки, свитера. Обходя играющих, Виктор старался не наступить на вещи. Случайно — или кто-то шутки ради ударил? — с резким свистом — он едва успел

уклониться — пролетел мяч. Виктор чуть не споткнулся о чью-то куртку и налетел на мальчика лет восьми, чистенького и опрятного.

— Извини, пожалуйста, — пробормотал он, ухватив мальчишку за плечи.

— Ничего, бывает. Это они в вас специально.

— Тебя как звать?

— Серёга...

— А ты почему не играешь?

— Маленький, говорят, подрасти ещё. Вот и караулю. — Серёга с достоинством показал на наземную «раздевалку».

— Запасной я у них, — решил сгладить Серёга свою обиду перед посторонним человеком.

— Ну, ладно, я пойду, расти...

— Спасибо.

Виктор уже почти поравнялся с вратарем, когда один из нападающих, рослый и быстрый акселерат в жёлтой майке с изображением красной оскаленной пасти льва, вместо почти верного гола по воротам вдруг метров с десяти мощно пробил мяч в его сторону. Чуть отпрянув, Виктор принял мяч на грудь, провел метров пять по полю и несильно чётким ударом почти параллельно воротам пробил низом в левый угол. Это было что-то похожее на классический «кленовый лист», которому обучал его в школе милиции тренер городского «Динамо». Недурно, не забыл, кажется, ещё. Надо бы походить на тренировки. Да времени для этого вряд ли найдётся.

— Молоток! — прокричал ему акселерат, он тяжело дышал, и голова льва на его колыхающейся груди казалась живой.

— Приходи, старик, поиграем. Кости разомнёшь.

— Пов-то-рить! Шай-бу, пов-то-рить! — кричал Серёга и хлопал в ладоши.

— Спасибо, друг! — Виктор, как старому знакомому, помахал ему рукой, взглянул на часы и лёгким бегом поспешил через пустырь, мимо пятый год строившейся высотной гостиницы. Опаздывать было не в его правилах.

Глава 4

Капитан Писемская уже пожалела, что пришла для разговора домой, а не вызвала родителей и их великовозрастных оболтусов к себе в кабинет. Иногда это просто необходимо.

«Ну, что ж, попытаюсь ещё раз, а потом вызову и выпишу официальное предостережение. Итак, спокойно. Начинаем всё по новой».

— Вадим, ты старше почти на два года, тебе скоро в выпускном классе учиться. Объясни, как вы всё-таки до этого додумались? — Она хотела сказать «дошли», но удержалась.

— А у нас не по старшинству, у нас по силе и авторитету роли распределены. Видите, Серёга на голову выше меня. С него и спрашивайте. Он первый начал.

— Что начал?

— Ну, это — мне предложил и пацанов ударил, а меня заставил по карманам шарить.

— Так это всё-таки правда?! — взвизгнула надменно возмущавшаяся до этого мамаша: «другие и не то вытворяют». — Не стыдно? Хоть бы не признавались, кретины несчастные! Учишь вас, учишь, и вот благодарность. — Очки в элегантной золотой оправе почему-то слетели с её покрасневшего носика. Сейчас её лицо выглядело растерянным и близоруким.

Странно прозвучало это «учишь, учишь», двусмысленно как-то и с намёком: дескать, чего это вы...

— А чего «учишь, учишь»! — взвился Вадим, и его обычно равнодушное лицо раскраснелось. Вон твой любимчик — Серж. «Сержик, Сержик», — передразнил он кого-то, вероятно, мать. — С него и спрашивай, как, да что и с кем он по вечерам балдеет, а я музыку пошёл слушать. Я уже всё сказал. А потом, что с меня, дебильного, возьмёшь, правда, мама?

Уже уходя, он повернулся к Писемской и спокойно, как-то равнодушно обронил:

— Извините. Я, правда, всё сказал.

— Вадим, вернись! Тебя никто не отпускал! — загремел было папа, хватаясь за старый офицерский ремень. Папа был высоким, худощавым и нервным, жёлтые от курева пальцы жилистых рук подрагивали.

— Пусть идёт... Мы вот с Серёжей поговорим. Иди сюда, Сержик. Скажи, вы ведь правда пошутили?

— Правда, мама, — Сержик, пухленький, ухоженный, на две головы выше мамы, почему-то не знал, куда девать свои маленькие белые ручки. Серж мял их, как пухленькие сосисочки.

Писемской стало как-то неловко, она отвела взгляд от рук подростка и оглядела комнату: цветной телевизор, чешская стенка, гостинный гарнитур черной полировки, на стенах три ковра, два — под ногами...

В приоткрытую дверь детской видна музыкальная аппаратура и какой-то беззащитный затылок Вадима в огромных, похожих на грибы-дымовики, наушниках. Вот он повернулся, худенький, сосредоточенный, с отсутствующими страдальческими глазами.

Дважды мелодично булькнул в прихожей звонок.

— Извините, это ко мне. — Хозяйка поднялась с мягкого кресла, поправила поясок на длинном, до пят, голубом гипюровом халате. Красивая, надменная, деловая.

— Как же так, Серёжа... — начал было отец, и Писемская вдруг увидела, сколько нежного обаяния было в этом строгом, почти аскетическом лице.

— Как, как? Вон у мамы спроси, — оборвал его Серж.

Отцу стало неловко, он замолчал, вцепившись жёлтыми жёсткими пальцами в подлокотники кресла.

Было слышно, как в прихожей о чём-то негромко, но властно разговаривала хозяйка.

Из детской вышел Вадим, держа в руках какую-то импортную коробку, пошёл в прихожую, стало хорошо слышно разговор. Наверное, Вадим специально не прикрыл плотно двери.

— Поймите, я не могу ждать. Мне надо лететь. Меня уже ждут, — послышался мужской раздражённый голос с хрипотцой.

— Я сказала: завтра! Сегодня не смогла. Вы думаете: всё это просто? — голос хозяйки тише, уверенней, нетерпеливей. — Всё, приходите завтра.

— А это возьмите назад! — голос Вадима как натянутая струна. — Мне велики, брату малы.

— Вадим?!

— Пусть берёт и уходит!

— Кретин, кто тебя звал? — Звук пощёчины, дальше не слышно — это Серж, не глядя ни на кого, подошел к двери и словно невзначай опёрся о неё спиной.

Отец молча поднимается и уходит на кухню. Через минуту оттуда потянуло резким дымом дешевых сигарет. Серж, растерянно улыбаясь, продолжает стоять возле дверей и мнёт свои пухленькие сосисочки.

«Ну вот, поговорили. И что дальше, капитан милиции Писемская, вы собираетесь делать? Не хватать же здесь их за руку. Да и что в качестве доказательства? Глупо и нелепо. Единственное, что знаю точно: детей надо спасать. Да и мамашу тоже... если ещё можно. Спокойно, спокойно... Надо бы домой позвонить, потеряли уже, поди».

— Извините, сосед в отпуск съездить, отдохнуть на юге собрался, ему билеты обещала. Знаете, мы, работники агентства, иногда выручаем своих друзей, знакомых. Так что обращайтесь, если нужно будет. — Голос у мамы спокойный, и ни тени смущения нет на её моложавом лице. Привычка или опять очки?

— Скажите, Елена Васильевна... Вас так, кажется, зовут?

— Да, а что?

— Скажите, вам не кажется, что у вас в семье сильно... неблагополучно?

— Что именно вы имеете в виду?

— Ну, всё это... — Писемская кивнула на прихожую. — И отношения между детьми, мужем...

— А вас, что, это тоже касается — семья и прочее? Семья есть семья.

— Ну что ж, — Писемская встаёт тяжело и нерешительно. Придётся вас всех официально вызывать в райотдел и разговаривать там.

— Что вы, что вы? Наталья Николаевна, я... мы ведь не против. И Серж, он ведь тоже всё осознал. Правда, Сержик? Ты ведь больше не будешь?

Писемская долго смотрит на словно побитую виноватую физиономию Сергея.

— Хорошо. При одном условии. Больше действительно не будет, а на лето обоих сыновей отпустите в детский лагерь «Гренада». Слышали про такой?

— Да там же одно хулиганье! Моему Серёженьке там делать нечего!

— Завтра пусть оба придут ко мне. Я на них заведу профилактические дела, то есть на учёт поставлю. А вас ещё раз прошу: подумайте. До свидания.

В этот вечер Наталья Николаевна спать легла поздно. Толком ещё и не задремала, когда в двери тихонько постучали, будто поскребли, потом снова. Но подниматься не хотелось. Вдруг раздался неожиданно резкий в ночной тишине звонок. Муж, не спрашивая кто, открыл дверь. Через минуту позвал громким шепотом: «Ната, тебя».

В прихожей — худенькая девочка: носик шильцем, глаза круглые, косички хвостиком.

— Здравсьте! — и зашептала: — Наталья Николаевна, Крым и Осока, извините, Колька и Петька... — замолчала, не то от волнения, не то... говорить или не говорить? — Наталья Николаевна, Крым и Осока из дома убежать собрались. Виталька просил об этом никому не рассказывать, особенно вам. А я вот пришла... Ну куда они побегут? — И без того круглые глаза, кажется, стали еще круглее, прямо-таки маленькие блюдечки. — У них ни денег, ни специальности. Я Витальке это говорила. Так ведь и воровать начнут. А мне их жалко, особенно Крыма. Он хороший... Только трудно ему и... и обидно, вот он и злится.

— Подожди, подожди, а я почему не знаю тебя? Ты с ним учишься?

— Не... я в соседнем доме живу. Колька мне клетку для канареек мастерил. Он всё умеет и птиц любит... А я ещё у Витальки адрес из книжки вытащила — вот.

Виталька молчал по-геройски, он даже ноги расставил, руки за спину заложил и отвернулся к стене. «Жгите! — говорила Виталькина спина. — Всё равно ничего не скажу». Только изредка метал он косые взгляды в сторону носика шильцем и косичек хвостиками. «Предательница!» — говорил этот испепеляющий взгляд, на который в ответ получал он взгляд блюдечек, спокойный и невозмутимый. «Дурак!» — говорили ему в ответ глаза-блюдечки.

Наталья Николаевна наблюдала эту немую дуэль. В другое время она бы улыбнулась, ей так понятна была эта игра во взрослость. Впрочем, почти и не игра уже...

— Виталий, ты же понимаешь, уже ночь. Тебе спать пора.
— Потерплю.
— Но... нам-то тоже спать надо. А потом, Виталий, мы ведь — женщины.
— А вы ложитесь спать здесь, я вас покараулю.

Так, уговоры не действуют. Просьбы о снисхождении тоже. Маленькая лесть? Это так же нечестно, как и окрик... А потом, ведь это ошибка, заблуждение нас, взрослых, что все методы годятся, был бы результат. Что можно и покричать — на то мы и взрослые.

— Хорошо, Виталий, не говори, хоть ты и не прав, потому что им и не надо никуда бежать. Вот она, — взгляд на носик шильцем и косички-хвостиком, — в этом права. Но раз ты дал слово, тогда я прошу тебя: сходи к ним сам и скажи, что я волнуюсь за Крыма, извини, за ребят... В общем, пусть приходят сюда. Вместе и разберёмся. А мы здесь с Наташей вас ждать будем.

Глава 5

— Ну что, товарищи, кажется, все собрались. За исключением двоих приглашённых. Они должны подойти... Начнём, думаю, без голосования.

Секретарь горкома комсомола Аблай Максutow, невысокий, полнеющий молодой человек, опустился в старое, или реставрированное под старину, кожаное кресло, которое под ним неожиданно шумно вздохнуло. Усевшись, он с минуту помедлил, будто отмечая величие момента.

— Ну-с, начнем, пожалуй, — Максutow качнулся на пружинистом сиденье и отодвинулся в глубь кресла — вплотную к спинке, отчего сразу как-то стал выше ростом и увереннее в посадке и движениях. — Товарищи, прошу внимания. На повестке дня один, но очень важный и злободневный вопрос. Вы знаете, товарищи, какое значение партия придает воспитанию подрастающего поколения, этому резерву комсомола, партии и государства. К сожалению, мы имеем ещё негативные процессы и некоторые, вам известные, упущения в воспитании этого подрастающего поколения. Выполняя указания непосредственно нашего горкома партии, — чуть с расстановкой усилил Максutow значимость сказанного, — мы решили провести это заседание и обсудить вопрос о назначении, так сказать, ответственного руководителя в летний лагерь трудновоспитуемых подростков. Комсомол берёт, товарищи, так сказать, шефство над ними.

У нас на заседании присутствует командир известного вам военно-патриотического юношеского соединения «Гренада» Аркадьев Виталий Илларионович.

Поднялся высокий, спортивного вида парень, чем-то напоминающий известного французского актёра Ива Монтана.

— Так вот, принято решение: на базе данного военно-патриотического соединения организовать летний лагерь для трудновоспитуемых подростков города с двухсезонным в нём пребыванием...

— Простите, товарищ Максutow, — растерянно протянул командир «Гренады», — но у нас в плане поездка по республике, съёмки для всесоюзного журнала, игры «Зарница»...

— Товарищ Аркадьев, горкому партии и горкому комсомола, наверное, виднее, что необходимо в данный момент... И потом, мы вас лично не задействуем. Горком партии предлагает командиром летнего лагеря трудновоспитуемых подростков назначить товарища капитана Ларина Андрея Андреевича. У него значительный, в том числе и в армейской среде — молодёжной среде, опыт комсомольской работы. Он бывший армейский офицер, в настоящее время сотрудник управления внутренних дел области. Недавно при задержании опасного рецидивиста получил тяжёлые ранения, выздоравливает, по службе пока не задействован.

Присутствующие одобрительно зашумели.

— Поприветствуем его, товарищи, — мягко захлопал Максutow. — Я думаю, товарищ Ларин — достойная кандидатура, и он, как коммунист и бывший член нашего горкома комсомола, не откажется от нашего поручения.

На красиво удлинённом волевом лице Аркадьева играла насмешливая уверенная улыбка. Ларин был чуть сконфужен подачей его характеристики и озадачен предложением.

— Простите меня, товарищи, вы, вероятно, не в курсе. Дело в том, что я забираю весь свой основной состав на игру «Зарница» и на киносъёмки. Кроме того, имущество «Гренады» уставное и принадлежит только ему, так что здесь явный перегиб вышел, и я не собираюсь из-за всего этого отказываться от участия во всесоюзной «Зарнице». И, потом, подумайте сами: наше объединение покажут на всесоюзном экране, это же честь для нашего города и комсомола.

Жёсткая складка залегла у пухлых губ Максutowа, он даже забыл про свой карандаш.

— Прекратите, товарищ Аркадьев, вы не на базаре. Мы решаем важные вопросы, освобождаем на лето город от трудновоспитуемых подростков и занимаемся их воспитанием. Насколько известно горкому, никто вас на всесоюзные игры не приглашал и группы для киносъёмки тоже не вызывал. С жилищно-коммунальным отделом и комитетом комсомола вашего базового завода — кстати, от которого вы получаете имущество и свою зарплату — вопрос согласован. Если вы самостоятельно затеяли киносъёмки, решите вопрос о времени и участниках с назначенным командиром летнего лагеря товарищем Лариным.

— Извините, Аблай Кадырбекович, — мягко перебил его Ларин, — но дело в том, что я ещё не дал согласия, со мной об этом никто не разгова-

ривал. Члены горкома за мою кандидатуру ещё не голосовали. И вообще очень много неясностей. Дети — это очень серьёзно. Сколько их, где будем жить, где питаться? Кто среднее звено воспитателей? И вообще, я не согласен. Я чувствую себя ещё недостаточно бодрым и здоровым.

— Внимание, товарищи, мы что-то ударились в дискуссию и в ненужные обсуждения, — Максutow энергично постучал торцом карандаша по столу. — Всё уже обговорено выше, и другого решения быть не может. Итак, ставлю на голосование. Кто за моё предложение? Голосуем и расходимся. Дел, знаете, по горло.

Ларин в нерешительности покачал головой:

— Извините, а как такое назначение трудные подростки воспримут? Я — сотрудник колонии строгого режима...

Максutow поёрзал на кресле, постучал пальчиками по настольному стеклу.

— Вот и будете свой опыт на деле применять!

— Но я ведь спросил о детях? — тихо повторил Ларин.

— Они там на всём готовом — государственном! Пусть радуются, что пока... что пока в детском лагере.

— Н-н-да... — тихо проговорил Ларин и до боли сжал руки, лежащие на столе.

Члены горкома комсомола, за исключением второго секретаря Алексея Чурикова, молча проголосовали и стали выходить из кабинета.

У всех действительно были свои дела, не до ребячьей «Гренады». У Ларина есть опыт и голова на плечах, разберётся и здоровье, кстати, на свежем воздухе поправит. А что до их устава и детской демократии, рано им ещё в демократию играть. На прощание вместо обстоятельной беседы и напутствия Максutow, пожимая Ларину руку, сказал весьма многозначительно:

— Горком на вас надеется.

Аркадьев, даже не попрощавшись с Лариным, вышел одним из первых.

В коридоре Ларин попытался переговорить с ним, но он явно был не в духе, расстроен, если не сказать больше — удручён и почти взбешен. Андрею Андреевичу показалось, что тот готов был прокричать ему в лицо: «Почему ты не отказался?»

Но Аркадьев только махнул рукой, и его щегольски-фирменный вид явно не вязался с удрученно-раздраженным выражением лица.

Ларин спросил, что бы он посоветовал взять с собой и как добраться до расположения лагеря.

— Ты — командир, сам разберёшься, — Аркадьев отвернулся и резкими шагами пошёл в сторону, но, отойдя метров пять, остановился и бросил через плечо: — Завтра с десяти до десяти тридцати на тридцать восьмом километре от города возле лесопосадок, первый поворот налево...

Глава 6

— И что мы на сегодня имеем? — копируя его интонацию, спросила Писемская у Аканова, когда они после шумной утренней планёрки у начальника отделения уголовного розыска вошли в её кабинет и она села за свой рабочий стол, заваленный бумагами и папками. Писемская была сегодня в милицейском кителе и, возможно, поэтому выглядела строже и немного уставшей.

— Да, в общем-то, по нулям. И отрысачил почти впустую. И рейд по подвалам — ничего существенного. Так, шуганули одну компанию в подвальной комнате — балдеют, музыку слушают. И когда наконец решат вопрос, чтобы все бесхозные подвалы жилищно-коммунальные отделы города под контроль взяли и замки бы повесили? А то что получается: сегодня одних выгнали, завтра в двух местах соберутся. Или бы уж, наоборот, официально разрешили.

— А я вчера прихожу от Юрьевых домой... Дочь спит. Муж её школьную форму гладит. «Ужин, — говорит, — на столе», а сам на меня и не смотрит... Уйду я, наверное, Виктор. Устала. Пойду прессовщицей на завод — от звонка до звонка, и домой, а заработок побольше моего. Или продавцом в овощной ларёк...

— Не-е, не поверю... Вы же спать тогда спокойно не сможете, — Аканов медленно снял сумку с плеча и чуть заметно потянулся: — Извините, Наталья Николаевна, недоспал слегка.

— Не веришь, значит? Ну ладно. Для Юрьевых, будем считать, пока этого достаточно. Правда, не по средствам живут люди. Явно не по средствам. Знаешь, успокоиться не могу. Младшего, Сергея, мама уже, можно считать, изуродовала.

— Моя бабушка Зауреш в таких случаях говорит: «Если у слепого и поводырь слепой, оба в конце концов упадут».

— Упадут-то упадут. А вот как сделать, чтобы не упали? Я поэтому и ребятам из ОБХСС пока ничего не сказала. Может, остановятся. Старший, Вадим, серьёзный парнишка, но слабее и ниже ростом, с характером, музыкой увлекается. Думаю, ещё вытащим.

— Музыкой? Может...

— Ну нет. У них дома своя экстракласная аппаратура, японский комплект. И где только достают люди и на какие деньги?

— Значит, нет. Ну тогда я порысачил. К вечерней планерке буду.

Глава 7

Виктор шёл в уличной толчее, всё убыстряя шаг, ловко увертываясь от столкновений. Это было для него привычной рабочей обстановкой и не мешало думать.

Кража в крупных размерах. Ещё три совершены, скорее всего, одной и той же группой. Вторые сутки на исходе, и никаких результатов, и ни-

каких зацепок. Всех сотрудников удивляло, что преступники не оставили никаких следов, только на подоконнике — стёртый нечёткий след тридцать восьмого размера с рисунком кроссовок фирмы «Адидас».

Аканов внимательно изучил место происшествия и все фотографии экспертов. И пока твёрдо был убеждён только в одном: машины у них не было, по крайней мере, близко не стояла, а по улице тащить они бы не рискнули. Значит, значит... Ничего не значит. Так, займёмся немного логическими рассуждениями.

Полный эстрадный комплект с усилительной аппаратурой в спортивной сумке не унесёшь. Может, и не было кражи, инсценировка. Не похоже. Всё естественно, к тому же, если бы кто из своих вывозил днём, незаметно это не сделаешь. А потом и две другие кражи, почерк один. Итак, машины у них не было, значит, переносили вручную. Куда? Подросток, притом некрупный, был точно, взрослый в такую форточку бы не пролез. Взрослые... взрослых должно быть не меньше двух. Колонки, например, по одному таскать неудобно. Итак, единственный вариант поиска: куда быстро и незаметно в несколько заходов можно было все это перенести?

Аканов кружил вокруг здания профтехучилища по соседним улицам, ему не хотелось вызывать к себе лишнее внимание на случай, если кто-то из учащихся или сотрудников причастен к краже.

Местами возле забора как-то кучно и в беспорядке, вероятно от занесенных ветром семян, росли небольшие деревца клёна и почти в рост человека — кусты акации. А что за забором? А за забором — неосвещённый переулок.

Виктор нырнул в широкий лаз. Внимательно огляделся. Следов, можно сказать, никаких, глинистая земля на тропинке была плотно утрамбована. Впрочем, вот эта вмятина вполне похожа на отпечаток угла чего-то тяжелого и квадратного. А вот здесь, кажется, зацепили за острый край пролома.

Аканов осторожно, не нарушая след зацепа, снял крохи чёрного, похожего на дерматин вещества. Пусть криминалисты уточнят. Итак, если сюда подогнать легковую с фургоном или с грузосалоном, то за два, а может, и за один раз можно увезти. Ну что ж, Фазан, как знающий ходы и выходы, для этой версии подходит. Ищи машину... Где и какую? — вот вопрос.

Узнай, где был Фазан той ночью. Или пусть лучше Писемская с ним поговорит, этот птенчик еще несовершеннолетний. А мне, может, лучше с родителями его познакомиться. Вдруг у папы «Жигули» с грузосалоном? Ну, это было бы просто как в кино...

Глава 8

Наталья Николаевна с удовольствием нырнула в прохладную тень дома. Постоять под ветерком, отдышаться. Жара не спадает вот уже вто-

рую неделю. Листья деревьев висели жалкими, скрюченными, серыми и мохнатыми от пыли. Подумала: «В этом доме живут Крымари. Раз уж оказалась здесь, надо зайти. Время ещё есть, должна успеть и домой, пообедать».

Уже на лестничной площадке услышала аккуратное постукивание молотком. Дверь не заперта. Вместо кнопки звонка концы проводков. Постучала.

— Заходите! — не то раздраженно, не то просто громко отозвался женский голос.

В коридоре мать Колькина: руки в бока, короткий халатик силится прикрыть пухлые колени, кирпично-рыжие крашенные волосы в бигудях. На крышке стиральной машинки исходит дымком сигарета с помадным прикусом.

— Здравствуйте. Жара сегодня невыносимая. Иду мимо, дай, думаю, найду воды попить.

— Так я и поверила... Здравствуйте, чего опять-то? Занятий в школе нету. Я не жалобилась. Летом оно вообще легче. Ушёл — и с глаз долой. А потом и каждый кустик ночевать пустит. Ну, чего стоите. Проходите. Вон он на кухне столярку открыл.

Колька на кухне чинил старый табурет, рядом стояло два расшатанных стула со следами тушения на них сигарет.

— Проходите, Наталья Николаевна, я сейчас.

— Да забей ты гвоздями — и вся недолга.

Он совсем не был похож в этот момент на того ершистого, колючего Кольку. Какая-то уверенность, удовлетворенность самим собой чувствовалась в нём. Он поставил табурет на ножки, пошатал его, словно проверяя на прочность.

— Гвоздями нельзя, расшатаются и выпадут, и ножки полопаются. Садитесь. Выдержит. Я его крепко сделал.

Она присела на табурет. Осторожно, будто даже малейший скрип был бы сейчас нестати, не в Колькину пользу...

— Сам? — Она кивнула на табурет и подумала, что вопрос, в общем-то, нелепый. Но Колька ждал, кажется, именно такого вопроса.

— А что? Я и на клей посадить могу! Меня папка научил... — замолчал. — Да вот, поломались, а клея нету. Вот я и мудрую. Я их на берёзовые шипы посадил... — он вынул из кармана и показал ей аккуратно обточенные туповатые полочки: — Были дрова дровами, а теперь опять стул и табуретка.

— А я тебе давно говорю: забей гвоздями, и пусть стоят. Лучше бы матери помог. Не управлюсь я одна со стиркой до вечера. Барахла грязного полный угол понакидали...

— Моих там — одни штаны да рубаха, я их постираю, а его... сама стирай.

В коридоре гроыхнули крышкой.

Колька метнул взгляд, потупился, сглотнул слюну, промолчал. На миг установилась тишина, неловкая пауза.

— Коля, ты водички-то мне налей, — Наталья Николаевна почувствовала, что и в самом деле во рту пересохло. — Ну, как отдыхается?

— Отдыхается хорошо, спасибо.

Пила маленькими глотками: вода была холодной и чтобы напиться. Разговор, видно, не получится, характер Колькиной матери она уже знала. В коридоре никого нет, а раздражённый шум слышен из комнаты.

— Коля, может, ты и у нас, в детской комнате, стулья починишь? А то расшатались, развалятся скоро совсем. (Стулья и вправду расшатались и разошлись.) У нас ведь одни женщины. Приходят два студента из шефов, но они не умеют. Ну... так я пойду.

— Хорошо, Наталья Николаевна, — облегченно и радостно, торопливо согласился Колька.

Это был выход из неловкого положения, но она поверила: придёт!

Уже на площадке услышала:

— Ходит, ходит. Делать ей нечего. За что только им деньги платят?

Обиды за себя не было. Но подумала: как бы не сорвался там Колька, и улыбнулась, услышав вначале неровное и громкое, а потом деловитое постукивание молотка. Кажется, Колька учится держать себя в руках, а может быть, он не слышал последних слов матери? Впрочем, это и лучше, если не слышал.

Глава 9

— Да, шеф, дышалка-то у тебя слаба, полтайма — и ты уже готов, идти засобирався, — акселерат в жёлтой майке с изображением красной оскаленной пасти льва (видно, сам трафаретил) явно старался зацепить Виктора за живое. — Водишь ты неплохо, молоток, пасуешь чётко, бьёшь железобетонно, а дышалка слабовата. Ну-ка, ну-ка, отними у меня!

Виктор уже без всякого желания поддерживал игру, опекая этого нагловатого верзилу с детскими васильковыми глазами и белесым пушком над полненькой губой. «Молоток», как звали его все на площадке, оказался не таким уж наглым, а скорее безалаберно-расторможенным парнем, готовым самозабвенно сутками гонять шарик. Виктор уже знал, что зовут его еще дядя Стёпа. «И вправду Степаном звать», — обиделся он, когда Виктор засмеялся по этому поводу. На осторожный вопрос Виктора, не увлекается ли он музыкой, забалдел:

— Гыг-гы-гы, буги-вуги — не для меня. У меня, шеф, — ноги, а голова — гы-гы! — только по мячу бить. А если шеф и правда интересуется («молоток», «шеф» — у него не то слова-паразиты, не то визитные карточки для общения со знакомыми и незнакомыми людьми любых возрастов), то пусть зайдёт в любой двор и крикнет, что у него есть классные

пласты или что он учитель игры на гитаре, — каждый второй из пацанов к нему подбежит.

«Ну, мне от этого не легче», — подумал Аканов, прикидывая, какую бы причину найти для ухода. Он и в самом деле уже выдыхался, но была и совсем другая причина. Сегодня шёл третий день его «рысачествам», а пока всё по нулям.

Писемская вызывала для беседы Фазана, то есть Федора Берсенёва. Этот вёл себя нагло — независимо, не было заметно, что волнуется или трусит. Правда, не уверена Писемская, знал он или нет, но минут через двадцать после их разговора и когда она пыталась выяснить, где Фёдор был в ту ночь, внезапно сразу после сильного и решительного стука в дверь вошёл рослый ухоженный мужчина и уже с порога уверенно забасил, что Фёдор в эту ночь был вместе с ним на рыбалке, что ездили они вдвоём на его машине, вон она под окном стоит. А поскольку его на работе ждут, а Феде надо на «фоно» поиграть, он у них в музыкальное будет поступать, то.... Итак, поскольку у Феди полное алиби, он надеется, что товарищ капитан доверяет ему как отцу и руководителю отдела облисполкома, то разговор можно считать на этом законченным. Писемская говорит, что этот сановный дядя её просто как девочку «усадил на место».

Машина? Нет, не пикапчик, не автофургон и без грузового салона, жигули «Лада» — поджидали их. Таким образом, все заходило снова в тупик без щелей и просветов. Виктор пропустил сильный пас и, не оглядываясь, пошёл к одежде.

— Всё, сдаюсь, мужики, вот она, водяра, до чего доводит... А ведь в классную команду собирался, карьеру мне футбольную прочили. А ты как, Молоток, по этой части?

— Не... я уже знаю, чё это такое. Мой брательник старший вообще заалкашил, я как на него посмотрю, так сразу сюда, шарик погонять. А ты ещё ничё, хоть уже старик и алкашишь. А ты брось, говорят, у некоторых получается, мужик ты, кажется, ничего.

— Спасибо на добром слове, — крикнул ему Аканов, медленно оделся и побрёл краем поля. Рядом с ним, смешно поматывая бахромой на опрятном костюмчике, вышагивал его старый знакомый.

— А я знаю, что вы ищите, — заговорщицким шепотом проговорил вдруг Серёга. — Там в подвале, вон в том доме, что поперёк стоит, ну это задом к берегу, кладовка есть. Ничья, наверное, без номера.

Виктор, занятый своими мыслями, не сразу уловил, о чём это, а поняв, даже остановился.

— Я видел там в дырку в стене... гитары, барабан большой и три маленьких и какие-то ящики, аппаратура называется. Я два дня уже за домом смотрю. Никто не приходит. Днём, конечно, я бы сразу увидел. А чтобы ночью не унесли, я им на двери мелом написал, что я всё вижу и

всё рассказал в милиции. Теперь они, наверно, не придут, я бы их увидел. Слово даю.

«Ух ты!» — чуть не вырвалось у Виктора. Он ощутил скорее огорчение, чем радость, — пропажа нашлась, а виновных нет, и, если Серёга не врёт и не ошибся, сюда они уже больше не придут.

— Послушай, Серёга, почему ты решил, что я из милиции?

— А я вас знаю. Я вас в кино видел. Это... то... про бандитов... Вы там раз-раз, и все лежат.

«Вот-те на, это ход, — усмехнулся Аканов. — Как же он меня раскусил? Или вправду в кино кого-то похожего видел? Надо будет Писемской сказать, пусть из домоуправления представителя возьмут и участкового, сделают обход и посмотрят. Мне там светиться ни к чему. Среди зевак и похитители или дружки их быть могут».

— Ну ты даёшь, Серёга. Какой же я милиционер? Студент я, в педагогическом учусь, — вспомнил Виктор, что его могли видеть со студентами во время ночного рейда по подвалам. — А хочешь, я тебя с настоящим милиционером, тетей капитаном, познакомлю?

— Не-е... с тётей милиционером не хочу. — Серёга недоверчиво покосился на Аканова. В выражении его лица ясно и четко можно было прочесть только одно: «Нехорошо обманывать маленьких».

На дворе быстро темнело.

— Серёга! Домой! — послышался с четвертого или пятого этажа соседнего дома сердитый мужской бас.

— Таню-ша! Бабушка пришла. Бабушка ждет Таню.

— Стёпа-а... У-жи-нать! — известил вслед за ними высокий женский голос.

Двор словно бы и не слышал, он продолжал спокойно заниматься своими делами.

Глава 10

Домашние сборы Ларина были недолгими — офицерский походный комплект в чемоданчике всегда под рукой. Сложнее получилось с обувью. Оказалось, что летние лёгкие босоножки, кроссовки, кеды и так далее для его «выздоровливающих» ног не годятся: во-первых, нужен каблук, во-вторых, голеностопный сустав должен быть предохранен от удара и иметь по возможности жесткую фиксацию. Остановился на польских туристических, тяжеловатых, но удобных по ноге ботинках.

Засомневался насчёт привезённой с Кубы, ещё во время службы в армии, полу-ковбойской шляпы с полями немного уже, чем у сомбреро. Подумал, не будет ли выглядеть смешным и неестественным, тем более что ещё на Кубе в 1962 году его друг-амиго Себастьян Кабреро приколот на неё выше тульи значок, выпущенный в честь победы на Плайя-Хирон: на зелёном фоне чёрный, прикладом вверх, автомат и белый голубь и ещё

надпись: «Патриа о муэрте» («Родина или смерть»). Потом решил, что это не противоречит «молодёжному» духу, удобно при летнем солнце и, чего греха таить, в определённой степени заинтересует подростков.

Капитан Ларин до сих пор бредил о синих далах, скалистых кручах и встречах с людьми героической Кубы.

Спортивные брюки из плотной, цвета хаки ткани и такая же приталенная куртка годились для дороги, турпоходов и ночных бдений. Ларин подпоясался широким, выдавшим виды офицерским ремнём, оглядел себя в зеркало и остался, в общем-то, доволен. Правда, очень не понравилась ему желтоватая бледность уставшего от бессонных ночей лица. Боль в переломанных и собранных снова ногах всё еще давала о себе знать. Выйдя из дома с большим запасом и проголосовав районной попутке, Ларин за полчаса до назначенного времени был в установленном месте.

Глава 11

Прождав, что называется, битый час и никого не дождавшись, Ларин, переспросив у совхозных мальчишек, как добраться до лагеря «Гренада», решил идти пешком. Тем более что от вынужденного стояния ноги стали ныть неприятной сверлящей болью.

Минут двадцать он шёл легко, радуясь ещё не жаркому солнцу, свежему воздуху и какой-то окрылённости тела. Он даже упрекал себя, что не сделал этого сразу, как только вышло назначенное время.

Слева и справа от проселочной дороги были расположены совхозные поливные поля кукурузы, высокой и сочной, с просматривающимися уже крупными початками. Ларин мысленно отметил, что кукуруза, вероятно, пойдёт недозревшей на силос, иначе — при такой близости от дороги — зрелых початков совхоз всё равно не дождётся, обломают. Потом поля кончились и пошли кошенные луга с жёсткой щетиной ещё не отросшей травы и островками нетронутой вокруг растущего в беспорядке кустарника.

Где-то приглушенно та-такал трактор. Воздух был насыщен ароматом разнотравья и резковато-дурманящим запахом свежескошенной травы.

Неожиданно, прямо над головой, разлилась трель жаворонка, и Ларин минут пять всматривался в безоблачное прозрачно-синее, словно газовая косынка, небо, пока различил маленькую, будто пульсирующую серую точку, бездумно и самозабвенно посылающую в этот прекрасный мир раннего дня чарующе-радостные и немного грустные коленца округло-картавой, берущей за сердце песни певца степей и полей.

Солнце подходило к зениту, и, несмотря на тянущую с лугов прохладу, становилось жарко. Гудели, ныли, стонали и кричали ноги, и Андрей Андреевич в душе порадовался, что не прихватил с собой лишнего груза

и старый солдатский небольшой вещмешок не очень уж отягощал плечо.

Он присел возле придорожной осины с необкошенным островком высокой травы, переплетённой длинными плетями ежевичника. В тени трава была еще влажной от росы и приятно холодила руки. Вдруг рядом вспорхнула шустрая птичка и с тонким тревожно-зовущим «зинь-зинь-зинь» побежала от островка травы по скошенному полю. Ларин успел заметить жёлтое брюшко и по характерному «зинканью» определил: «синица... от гнезда отманивает, за собой непрошеного гостя зовёт. Ну что ж, не будем мешать мамаше».

Он поднялся, подобрал толстый сук, обломал его по нужной длине, обернул колючий торец платком и, прихрамывая, вышел на дорогу. Было отчего-то грустно и беспокойно на душе. Андрей Андреевич вспомнил: синица... у Ларина даже заныло и тревожно захолонуло в груди.

Вот такой же летней порой, нет, наверное, чуть раньше, в июне, босонгий и загорелый, он, Андрей, бежал по тропинке с радостным настроением от приличного улова. С десятков окуньков и десятка три ершей и чебаков бултыхались в объемистом бидончике.

И вот так — прямо из-под ног: «Зинь-зинь-зинь-зинь-ти-тю! Зинь-зинь-ти-тю... Зинь!..» — по дорожке впереди него в метрах десяти, не взлетая и не прячась... Андрей поставил бидончик, бросил удочки, вынул рогатку и поймал птичку в прицел... Он видел, как она, кувыркнувшись в воздухе, упала и затрепетала крылышками.

Когда он подбежал, синица лежала неподвижно, уставив на него круглый, полный боли и укора глаз. Андрей схватил маленький тёплый комочек и стал дуть ему в беспомощно раскрытый клювик. Вдруг его рука ощутила что-то горячее и липкое. Андрей убрал палец с крохотной головки и увидел матово-гладкую, беззащитную, без пушистых перьев и тонкой кожицы поверхность крохотного черепа. Он чуть не выронил тельце из рук.

Снятый чугунным осколком, посланным из его рогатки, маленький скальпик держался на тонкой кожице. Синица была мертва...

Долго сидел Андрей над маленьким холмиком, в который он воткнул отломанную часть рогатульки с остатком оборванной полоски резины. Потом он дотемна искал гнездо с птенцами, которое так и не нашёл. Наткнулся он на него на третий день, насыпал на синие тощие неподвижные тельца большой холм земли, выкопал на берегу молодой тополёк и посадил его рядом...

Долго ещё стояли они у него перед глазами. Наверное, по этой причине он никогда не ездил на охоту, рука на птиц не поднималась. Жёлтая грудка синицы с её тревожно-щемящим «зинь-зинь-ти-тю! Зинь» были в нём теперь на всю жизнь и стали чем-то единым с его болью и его совестью.

Увидев палаточный городок, Ларин выбросил свой посох, подтянулся, разгладил под ремнем куртку, поправил шляпу и подошёл к шлагбауму из свежееобтёсанного ствола ветлы. Судя по всему, его не ждали и тем более не встречали. Но, когда он нагнулся, готовый нырнуть под импровизированный шлагбаум, из кустов выскочил мальчик лет девяти, не больше. Рядом, лениво тявкнув, улегся лохматый чёрный пудель с жарко открытой добродушной пастью. Стоял полдень, и солнце пекло немилосердно.

— Стой! Пароль! — не совсем уверенно выкрикнул паренёк и для пущей важности поправил затёртую пустую кобуру на тонком ремешке и, взглянув на лениво развалившегося пуделя, добавил: — Лежать, Бим!

— А я пароль потерял, — улыбнулся Ларин. У маленького часового были бесцветные выгоревшие брови и облупившийся нос.

— Как это... потеряли?

— А вот так, шёл, шёл и потерял.

— А... вы, наверное, киношник.

— Разве похож? — не понял Андрей Андреевич такого определения.

— Не... Вы на геолога похожи или на альпиниста.

— Я к Аркадьеву, — сказал Ларин и принял строгий вид.

— А... проходите.

Глава 12

Утренняя оперативка у начальника горотдела милиции полковника Бубнова проходила, как обычно, в форме вопросов одного и кратких ответов других. Невысокий, коренастый, по-южному смуглый, с обширной округлой лысиной, которую он старательно прикрывал боковым зачесом, полковник Бубнов терпеть не мог «рассусоливаний» в своём кабинете.

— Что нам доложит начальник УРа по краже в профтехучилище?

Капитан Ахметов, высокий, стройный, неторопливо-рассудительный, встал, поправил и без того безупречный пробор в смоляном чубе.

— Как вы знаете, товарищ полковник, потеря нашлась.

— Не ваша в том заслуга, капитан. Надеюсь, вы не думаете, что это снимает с вас ответственность за розыск преступников? Кстати, почему поторопились с изъятием? Возможно, они бы успокоились, пришли?

— Решил убедиться, всё ли там, люди видели нас.

— Есть что-нибудь конкретное — транспорт, свидетели, железная версия?

— Пока нет.

— Тогда вам вот ещё работенка из сегодняшней сводки. Полагаю, это вам в отместку за «утерю» краденого. Посмотрите внимательно, — полковник подошел к карте города, — здесь, здесь, здесь, здесь и здесь,

— пять раз повторил он, — сегодня ночью в этих местах разграбили телефонные будки.

— Кассы? — вырвалось у Писемской.

— Нет, трубки. С жилами повыдирали. Обратите внимание: полностью блокировали вот этот микрорайон. Не похоже на радиолюбителей, хотя и не исключено. Далее — информация к размышлению и задание на сегодня. Утром обратились с жалобой потерпевшие. Судя по всему, действовала одна и та же группа: двое взрослых, девушка и подросток.

Вот здесь примерно в 23.00 ограбили женщину, забрали сумочку, деньги, часы, шла от подруги. А вот здесь около двух часов ночи у двоих учащихся профтехучилища — приехали ночным поездом из района, ездили на воскресенье домой — забрали деньги, часы, продукты, спортивную куртку. Оба грабежа в микрорайоне, предварительно лишенном телефонов-автоматов. Вам понятно, товарищ капитан? И перестаньте охорашивать свои пёрышки!

— Так точно, товарищ полковник, — Ахметов отдернул руку от и без того гладко зачёсанных волос, отливавших антрацитным блеском (наверное, про такие чубы говорят: «как воронье крыло»).

Капитан был молод, почти красив, довольно расторопен в работе, иначе бы не держали начальником розыскного отдела, но его щепетильная аккуратность, почти изысканность во внешности и в поведении, раздражала грубоватого и не всегда опрятного полковника Бубнова.

— Подключите к этому делу всех свободных людей. Отработайте все рестораны, пивнушки, бары. Раз мы не можем выйти на них через подростка, давайте искать через взрослых. Судя по всему, это сложившаяся группа. К тому же мы теперь располагаем описанием их внешности. Потерпевшие находятся сейчас в дежурной комнате. Да, в рестораны пошлите капитана Воронова — это ему ближе. Только смотри у меня, аккуратно, — пригрозил Бубнов в сторону мощной фигуры Воронова. — Второй раз спасти тебя не буду. Мэру знай.

— Замётано, товарищ полковник.

— По пивнушкам пусть майор Исханов пройдётся, там у него друзья. Ну а для баров, мест наиболее молодёжных, есть у нас Аканов. Надеюсь, пару коктейлей осилишь? — Голос полковника неожиданно потеплел: сотрудники знали, что Бубнов в свое время, будучи ещё начальником уголовного розыска, буквально спас бойкого мальчишку от пьяного отца и хиппующей в подворотнях кодлы, определил его к бабушке Зауреш. Он же принимал Аканова на службу.

— Ясно, Анатолий Анисимович, постараюсь.

— Всё. Завтра утром к докладу. В случае необходимости — найти меня во что бы то ни стало. Ночью — домой звоните.

Полковник повернулся к прямому с начальником УВД телефону. Сотрудники разошлись по рабочим местам.

Глава 13

Потерпевшую, молодящуюся женщину, скорее всего умело крашеную блондинку, в возрасте сорока — сорока пяти лет, опрашивал оперуполномоченный капитан Соколов.

— Понимаете, я сразу и не сообразила, товарищ капитан. Идут на встречу парень с девушкой в обнимочку. Время ещё не очень позднее. Вечерок хороший. Я ещё позавидовала им так, по-женски, по-хорошему. Сами знаете, нас, женщин в возрасте, мужчины этим уже не балуют. Им бы выпить да домой поскорее. Я, знаете ли, одна живу. В смысле, дочь у меня есть. Студентка пединститута, в этом году поступила. Знаете, сколько я напереживалась! Сейчас же как, без знакомства никуда, спасибо друзья помогли мне. Так вот, к дочери придёт компания, молодежь, знаете ли, вот я часиков до одиннадцати, иногда до двенадцати к подруге сбегаю.

— Простите, — Соколов нетерпеливо потеревил коротенькие жёсткие усы. — Те, кто вас ограбил, вдвоём были или ещё с кем?

— Ну я и говорю: смотрю, идёт парочка. Я ещё про себя думаю...

— Простите, — уже более жёстко перебил блондинку Соколов. — Расскажите, как произошло нападение.

— Какое нападение, товарищ капитан? Они на меня не нападали.

— Как не нападали?

— Ну так, подошли ко мне вплотную. Я думала, закурить попросят, я, знаете ли, курю немного, когда в компании. Знаете ли, это сейчас считается модно...

— Подошли, и что дальше?

— Парень меня за руку взял и говорит: «Тётя, снимай часы и сумочку давай сюда». Я, товарищ капитан, всё ещё думала: шутят. В сумочке у меня проездной, знаете, и пять рублей было, оглянулась так, а сзади ещё двое, большой и маленький. Повернулась опять к парочке, а деваха эта нож держит и говорит: «Закри-чишь, старая... — ну, знаете, она здесь так неприлично выразилась, ну просто оскорбила меня. — Закричишь, — говорит, — прирежу». Вот и всё, что-нибудь ещё надо?

— Да, — Соколов чуть усмехнулся в жёсткие усы. — Давайте договоримся так. Я буду задавать вопросы, а вы на них отвечать. Вот моего товарища интересует, как они выглядели и во что были одеты.

Блондинка недоуменно пожала плечами и уставилась на Аканова так, будто только сейчас увидела его.

— А он, что, тоже у вас работает? Такой молодой...

Виктор едва удержался, чтобы не рассмеяться. Вчера на пустыре ему сказали: «старик», а сегодня эта дама удивляется, что он работает здесь, поскольку он, видите ли, ещё молод. Может, в этой разной оценке и находится одна из причин взаимного непонимания подростков и взрослых? Люди так часто не умеют видеть что-либо глазами другого человека.

— Опишите, как они выглядели?

— Ну, как? — блондинка удручённо пожала плечами. — Те, что созда были... один большой, один маленький. А те, что спереди, ну, я уже говорила.

«Один парень, другая девушка», — мысленно усмехнулся Виктор.

— Простите, а вы не обратили внимания на что-нибудь... ну, особенное, не совсем обычное?

— Необычное? Знаете, нет.

— Девушка выше вас была?

— Да, наверное, такая, вот настолько.

— Высокая. Где-то метр семьдесят пять.

— Крашеная?

— Ой, малёванная вся, аж заштукатурена! Куда уж мне до неё... Я, знаете, так чуть-чуть, для косметики.

— Цвет волос?

— Черная, кажется, темно ведь...

— Духи?

— Что духи? Ах да... точно, там целый букет, без разбору, видно, поливает, как в парикмахерской, такой запах, знаете, сильный, фи...

— А парень высокий был?

— Да знаете, товарищ капитан, не очень, это я сразу заметила, он даже чуть ниже девушки, я вначале подумала, потому что к ней наклонился, но крепкий такой, знаете, как это... как десантник.

— Ну что ж, спасибо вам. Если что еще вспомните, звоните. Виктор, попроси, пусть пригласят ребят, да и позови Писемскую, дети ведь.

Глава 14

Мальчишки вошли вместе и, не сговариваясь, дружно сказали:

— Здравствуйте.

Потом один из них, безошибочно определив, кто из присутствующих старше, обратился к капитану Соколову:

— В общем, так, товарищ капитан, мы к вам не с жалобой, а за помощью. А если вы их не найдёте, мы сами их разыщем. Вот только осмотримся и потренируемся. Вы не подумайте, что мы испугались, а то ваш дежурный всё утро поддевает, что перетрусили мы. Просто мы с Петром подумали и решили: ночь, чужой город, двое против троих, и ещё эта баба, малёванная с ножом, дура психованная.

Все четверо присутствующих в комнате сотрудников милиции дружно захохотали. Очень уж воинственно настроены были эти ребята в старых ушитых джинсах. Парнишка нерешительно замолчал и обиженно произнёс:

— Чего вы?

— Да нет, ты не обижайся на нас. Просто мы думали: увидим двух маменькиных сынков, а здесь смотрим — два решительно настроенных боевых петушка, — начал было с улыбкой Соколов.

— Мы не петушки. Мы... мы из Осьмерыжска. Я сказал этой дуре: «Вот мои часы, вот половина денег, двадцать рублей, нам ведь жить на что-то надо, и пирожки оставь». У Петра день рождения завтра, ребятам обещали... А они всё забрали.

— Ну извини. Опять просечка вышла. Тебя как звать?

— Иван.

— Ну вот что, хорошие вы мои ребята, Иван с Петром из Осьмерыжска. Не смеёмся мы над вами, а радуемся. Радуемся, что такие ребята у нас растут. Искать вам никого не надо... ну, рано ещё вам. А вот опишите вы их нам.

— Как они выглядели? — шустро отозвался молчавший до сих пор Пётр. — Один из парней, ну тот, который был с девчонкой, примерно один метр семьдесят пять сантиметров, он носит пиджак пятьдесят второго размера, занимается боксом...

— Это как же ты узнал?

— У него стойка профессиональная.

— А...

— Волосы у него чёрные. А на руке браслет такой блестящий, с цепочкой, такие, кто из колонии приходят, ещё носят.

— Темно же было.

— А я его за руку схватил. Догадался про браслет.

— Как говорит моя бабушка Зауреш, «птенец, оперившись, повторяет то, чему в гнезде научился», — восхитился Аканов.

— Девчонка малёванная и патлатая, волос тёмный такой, густой, сильно пахнет духами. Ростом... ростом чуть ниже сантиметра на два... А может быть, ниже, я не помню. Может, она на каблуках была. Мы ведь ног не рассматривали. Не до того было. Я всё за Иваном смотрел: если он драться начнёт, то и я тоже. А Иван помолчал немного, потом говорит: «Возьмите по-честному половину. Мы далеко живём, домой не скоро поедем». А тут та девка нож ему к животу поднесла. Я уже кинуться на неё хотел. А Иван говорит: «Ладно, берите, только пирожки оставьте, ребятам обещали». А они взяли по одному и хохочут: «Вкусно...»

— А остальные двое? — осторожно напомнила Писемская, с интересом следя за ребятами.

— Тот, что большой — я лица не разглядел, он подальше стоял, — молчал всё, только раз по шее врезал, когда мы уже уходили. У него рост, наверное, метр восемьдесят пять, может чуть больше, и он ещё, того... немного рыхлый такой и вялый был или пьяный. Большой парень, здоровый. А маленький, наверное, вот так, ну это где-то метра полтора, когда он ко мне подошел. Может, чуть-чуть больше или меньше, сверху точно не определишь. Глаза у него большие и дикие какие-то, он меня ещё гвоз-

дём вот сюда в ногу ткнул, когда я к Ивану на помощь хотел... А лицо у него худое и маленькое.

— Они разговаривали между собой?

— Нет, только с нами. А когда мы уже отходили потихоньку, думали: вдруг сзади ударят... Дура та психованная сказала: «Ну что, Малыш, пойдём до хаты. Пора и отдохнуть». Голос у неё неприятный, пропитый какой-то. Курит она, наверное.

— Ну что же, хлопцы, вы нам многое рассказали, будем думать, будем искать. — Капитан Соколов быстро сделал пометки в своем рабочем блокноте.

— А мы?

— А вы, ребята, не обижайтесь, конечно, но пока в это дело не встраивайте, узнаете что, нам звоните. Вот мне, Виктору или Наталье Николаевне. И вообще с ними подружитесь, у них интересно. Слыхали о юных друзьях милиции? Будет время, приходите.

— Придём, — не сговариваясь, нерешительно протянули Иван и Пётр и недоверчиво посмотрели на женщину — капитана милиции.

Глава 15

Виктор нехотя цедил коктейль с коньяком, прорабатывал пёструю публику и думал... На «отдыхающих» он почти не смотрел, то есть не разглядывал в упор. Он профессионально отмечал то, что его интересовало, что могло пригодиться.

Бармен, высокий кавказец, сам явно не пьёт и не работает. У него вон трое шнырят, наверняка подпивает, парни одеты с претензией, но без шика, видать, не с чего. Ради собственного престижа бармену готовы одно место лизать. Музыка подана со вкусом, не очень громко и почти без криков и визга. Нынче это редкость. Три девицы, явно из постоянной клиентуры, сидят как дома, лениво покуривают, рассматривают входящих. В углу парень с обветренным лицом и в новом джинсовом костюме, на столе бутылка «КВ» и бутылка «рислинга», шоколад. Вероятно, кого-то ждёт. Одна из «постоянных» к нему подкатывалась, фыркнула, ушла ни с чем.

Остальные — мелюзга желторотая, девочки напоказ и мальчики с бравадой. Куражатся. Балдеют детки. Пока ничего стоящего. Время, видать, еще детское. Игры только их не детские. То, что вчера рассказали потерпевшие, очень напоминало «шуточки», как тогда их называла Писемская, годичной давности.

Сколько таких шуток было на самом деле, конечно, ни он, ни Писемская не знает. Но две из них стали им тогда известны. По рассказам заявителей, тех тоже было трое или четверо. Трое парней и один подросток. И выглядело это примерно так. Идёт, например, человек в затемненном месте, а навстречу двое: «Дай закурить!» — и резко что-то металличе-

кое блестящее под нос суют. Стоят и хохочут: ну кто часы снимает, кто кошелек достаёт. А потом отойдут и с насмешкой крикнут: «Эй, ты, тюля, стряхни штанишки, гвоздя испугался».

Балдеют, над болью и страхом людей обычных измываются. Нарвались один раз на бывшего партизана. Тот руку заломил, и точно — ключ от гаража, такой длинный, с насечками. Но не удержал никого, возраст не тот, — вырвались, убежали. Потом как корова языком слизала — тихо все стало. Так они ни на кого тогда не вышли. Стоп. Виктор чуть не поперхнулся коктейлем. Два новых посетителя. На «поддате» или на публику работают, «фирмачи» без погрешности. Весь шабаш на них взгляды устремил.

Завсегдатаи... — бармен учтиво склонился, сам тумбы, обтянутые красной винилкожей, салфеткой обмахнул, с достоинством золотые зубы в шикарной улыбке высветил. Постоянная клиентура тихо замлела...

Одним из вошедших был Фазан без своего обычного фазаньего оперения, второй показался Виктору тоже знакомым.

— Армен-барин, два коктейля горячительных и один охлаждающий, — заказал второй из вошедших, рыхловатый под два метра фирмач с наивно-барственной физиономией. Небрежно положил на стойку две красненьких. — И музон для души. Сам знаешь.

— Серж, дарагой, как сказал: ты платишь, я исполняю.

Бармен что-то поколдовал у магнитофона и совершенно неожиданно для Аканова раздалась мелодия Доги «Мой белый город».

Серж, с видом меломана, закрыл глаза и откинул с отрешенным видом своё почти ребяческое лицо с пухлыми губами и белесым пушком возле них.

Аканов с интересом поглядывал на Фазана. За эти полгода он окреп и вытянулся, стал пошире в плечах. На первый взгляд совсем взрослый. Резкий и уверенный в себе, он сразу подсел к «постоянной клиентуре», встретившей его восторженным визгом.

Серж, не открывая глаз и не поворачиваясь, негромко произнес:

— Фред, ты испортил мне кайф. — Серж поднялся и подошел к их столику.

— Ах, это ты, Пончик, — закатила подсинённые глаза дёрганая девушка. — Какая прелесть этот Дога!

— А, шкурочки... всё сидите. Ну посидите вот с Фредом, он таких обожает. А я пока к вон тем морковочкам подкачусь. И Серж вальяжно заскользил между столиками.

— Не получится, иди к нам, не обидим, — крикнула ему вослед дёрганая девушка...

Фазан по-хозяйски положил руку на обнаженное плечо. На его запястье тускло блеснул полубраслет с цепочкой.

Интересно, отметил Виктор, на метр семьдесят пять в высоту и на пятьдесят второй размер в ширину он, пожалуй, подойдет. И уже вни-

мательней поглядел на Сержа: «немного рыхлый... метр восемьдесят пять». А это — ход, подождать надо. Вдруг и та парочка заявится. Ну, ты прямо как в кино хочешь. Не торопись... А всё же надо как-то этих двоих в горотдел доставить, поестественнее бы и без лишней драчки, а то опять капитан Ахметов недоволен будет. Он всегда хочет, чтобы всё гладко было, «без сучков».

Виктор подошел к стойке заказать коктейль и кофе. Он тоже был почти в «фирме» и обратил внимание, как на него сразу положили глаз несколько девочек.

— Давай, дарагой, повтори пакрепче. А то закрывать скоро буду. — Виктор обратил внимание, что бармен осторожничал. Виктор был для него новичок.

— Армен-барин... попрошу повторить. — За плечом у Аканова возник Серж, он был пьян и дурашлив.

— Хватит, дарагой. Тяжело будет...

— А в баре БАРЕ нынче развлекаются!.. — не то пропел, не то прокричал, растягивая слова, Серж.

— Это ты — барин? — не сдержал Виктор иронии в голосе.

— И я, и все мы, тут сидящие, купоны тетчины стригущие, проценты мамкины жующие, — снова не то стихами, не то просто высокопарно выразился Серж.

— А можно чуть потише? — Виктор мельком глянул на часы, к закрытию в бар всегда заглядывал дежурный наряд ПМГ. Аканов резко повернулся к Сержу: — Оглушил своим щенячьим визгом, сидел бы дома с мамочкой на диванчике и мультики бы смотрел.

— А пошел бы ты, знаешь! — Серж сильно толкнул Виктора в грудь. Рядом раздался звон битого стекла... Фазан держал в руках горлышко разбитой бутылки из-под «КВ».

— А розочку хочешь?!

«Ну вот, опять не гладко без сучков. Придётся сделать ему больно, ведь точно врежет, посмотри, глаза у него какие шальные».

— Ми-ли-ция! — взвизгнула нервная девица от своего столика.

Бармен молча и ловко вынул горлышко отколотой бутылки из ослабевших рук Фазана. Тот вдруг качнулся, сел на пол и захрапел. Увидев подходящих сержантов дежурного наряда, Виктор весело затараторил:

— Всё в порядке, ребята. Так, чуть перебрали здесь друзья. Знаете, день рождения отмечали...

— Ребята вам — вон те, а мы на службе. Поедем все в горотдел, там разберёмся.

— Может, здесь по-мирному всё порешим, а, сержант? — Аканов вдруг неожиданно для самого себя стал раскрывать кошелёк. Естественно получилось.

— Гражданин! Ведите себя прилично, — рассердился молоденький сержант. — Прошу всех троих пройти в машину.

Глава 16

— Ну, что? Нарысачил? — горькая улыбка искривила миловидное лицо Писемской. — Всё, Виктор. Уйду! Надо же, а? Нет, я не за то, чтобы всех судить поголовно, но это же... Но ведь всё сходится. И парнишки их опознали. Как я теперь буду им в глаза смотреть? — Писемская нервно перебирала папки на столе. — Да, перед Петром и Иваном стыдно. Что они о нас теперь подумают?

Аканов сидел неподвижно верхом на стуле и подперев руками голову.

— Прямо чертовщина какая-то. Правда, на опознании тётка эта от страху головой затрясла, что не эти. А Пётр и Иван уверенно их назвали. Чувствую я, нутром чувствую: их рук дело. Взрослым хоть по пятнадцать суток бы дали за дебош в баре. А эти протрезвели, папа и мама приехали, за ночлег рассчитались, штраф уплатили и всё? — Аканов покачался вместе со стулом. — Времени-то сколько на них ухлопали?

— Нет, этот Федя-Фред колонии не минует. Как бы сразу на взрослую не раскрутился. Довыручает его папочка... Знаешь, этот сановный дядя на сей раз со мной даже разговаривать не стал. «Кто у вас здесь командует? Или советской власти здесь уже нет? Меня позорят, сыну очную ставку проводят. Я вот ещё узнаю, кто вам на это разрешение дал!» — И за телефон.

Звонит в областную прокуратуру: «Василий Федорович? Берсенёв беспокоит. Здравствуй, как жив-здоров, как дома? На рыбалку когда? Я там договорился, осетриночкой да стерлядочкой побалуемся. Не можешь? Ну, в другой раз. Слушай, Василий Федорович, ты знаешь, откуда я звоню? Да нет, не угадаешь. Из милиции, из кабинета следователя... — Как ваша фамилия? Да, от капитана Соколова. Что? Да вчера мой оболтус в баре уелся, ну, извини, день рождения у них... отмечали. Так там один тип к нему пристал, драку затеял. А моего в горотдел, в вытрезвитель — он же несовершеннолетний. Нарушение, сам понимаешь... Да, вот я и говорю: давай дело ему какое-то шить, грабёж, что ли, очную ставку устроили... Да нет, не виноват он. Ну так, по пьянке... Всё. Ну вот спасибо, так я передам этим... товарищам от твоего имени. Ну, бывай здоров, Тане привет. Если что, пусть заходит. Что в моих силах, сделаю, да, да...»

Вот так с нами он и поговорил. Забрал обоих. Прикрикнул на них. В машину — и увёз. Нет, всё, увольюсь. Что это такое? А? И ещё спрашивает: «есть ли здесь советская власть»? Или этот Берсенёв считает: раз он работает в облисполкоме — он и есть советская власть? Нет, увольюсь! Всё, пишу рапорт, — капитан Писемская взяла чистый лист бумаги, ручку и задумалась.

— А я повременю. И не будь я сыном бабушки Зауреш, если не подловлю их на чём-нибудь серьёзном, что не открутятся. И папаша с ма-

машей не помогут. Жалко будет, если вы уйдёте, привык я к вам. Кого еще назначат... Ну, ладно, порысачил я. Ахметов новое задание дал, — Виктор закинул потёртую спортивную сумку на плечо и добавил, уже ни к кому не обращаясь: — Правду, видать, говорит моя бабушка Зауреш: «Горькое лекарство лечит, сладкое разрушает зубы».

Глава 17

Первое, что бросилось Ларину в глаза — была большая площадка, огороженная в две линии телефонным проводом и расположенная прямо посередине палаточного городка. Там и сям на площадке были наставлены подобия небольших шалашей из веток и собачьи конуры из неопиленных, неровно торчащих досок, сколоченных абы как.

По разбросанным чашкам и кастрюлям с остатками пищи и результатам «пищевой деятельности» Ларин без труда сообразил, что перед ним вольер для собак. Над всем этим маленькими тучками роились мухи. На чистой траве вне площадки, в тени небольшого дерева, с чувством собственного достоинства, изящно опершись на длинные передние ноги, сидел чёрный дог. Он проводил умными глазами прошедшего рядом Ларина и снова часто задышал, высунув длинный, наподобие красной ленты язык.

Метрах в двадцати от вольера дымила, парила и дышала жаром армейская походная кухня. Два подростка и молодая, грубоватая на вид женщина были при этих котлах в качестве слугителей. Мельком взглянув на Ларина, они продолжали заниматься своим делом.

Вероятно, обед запаздывал. Рядом тянулось с десяток длинных столов из необструганных досок. Ни тентов над кухней и столами, ни ограждения от остальной территории...

Палаточный городок был разбросан вокруг неправильной полуподковой без какой-либо системы. Большинство палаток были с горбинками наверху и с провисшими боками. Там, где это позволяла растительность, крепёжные веревки были привязаны к деревьям и кустам. У некоторых можно было определить, что хозяева использовали два входа-выхода.

У двух или трёх «крылья» палаток для надёжности прямо через тент прибиты к земле кольями, точнее обломанными сучьями.

Три палатки были похожи на шатры или чумы. Ларин догадался — накинута на растущее посередине дерево, у которого обрублена верхушка и обломаны ветки. А может быть, не обломаны и используются в качестве вешалок для вещей. Такие сооружения он уже встречал летом за Иртышом и удивлялся упрощённой логике поведения молодых людей.

Возле одной из палаток стояла невесть откуда взявшаяся здесь металлическая урна и две скамейки. Вероятно, штаб. Чуть в стороне, подальше в лес, ярко-оранжевым тентом светились две двухместные туристические палатки. Из одной раздавался могучий, с присвистом, храп.

Ларин прошёл к предполагаемому штабу-палатке, нырнул в прохладную темноту и только сейчас почувствовал, как он устал. Расшнуровав ботинки и расслабив ремень, он, закусив почти до крови губы, осторожно сверху вниз помассировал обе ноги, затем прилёг на раскладушку и забылся коротким глубоким сном. Проснулся Ларин от резко откинутого полога и легкого запаха спиртного. В ярко освещенном проёме входа в палатку стоял высокий молодой парень в чёрных очках, кожаной куртке, армейских бриджах и хромовых, начищенных до блеска сапогах. В правой руке он держал возле рта папиросу, в левой висела новая кожаная командирская сумка. «Ну прямо комиссар времён Гражданской войны», — подумал Ларин.

— Начальник штаба соединения Геращенко. С кем имею честь? — «комиссар» переложил папиросу в левую руку и небрежно-щегольским жестом кинул правую к пилотке с кокардой. Ларин разглядел на петлице две большие звезды.

«Ого, дела нешуточные. Ну и кем ты ему представишься?»

Он медленно поднялся с раскладушки, оправил под ремнём куртку, опустил руки по швам и как можно спокойнее, стараясь смягчить смысл сказанного, произнёс:

— Ларин Андрей Андреевич, решением горкома комсомола назначен на летний период командиром военно-спортивного лагеря для подростков, то есть вашего лагеря.

— Командир военно-патриотического соединения «Гренада» товарищ Аркадьев сейчас прибудет. — «Комиссар» так же небрежно-щегольски кинул руку к кокарде и опустил полог.

Приведя себя в порядок и чуть помедлив, Ларин вышел из палатки. Лагерь напоминал муравейник. Большинство подростков уже сидели за столами, дурачась и хохоча и нетерпеливо постукивая ложками по столу. Возле некоторых палаток с десяток человек мыли руки, поливая друг другу из кружек.

Аркадьев шёл к штабу лёгкой упругой походкой, на ходу расстегивая спортивную сумку с надписью: «Адидас».

— Извини, забыл... — Он крепко пожал Ларину руку, и у того чуть отлегло от сердца: «успокоился, кажется».

— С гвардией своей приёмы переправы через водные преграды отрабатывал, увлеклись. А остальные огурцы собирали — так сказать, тимуровская помощь сельхозпредприятиям. Как добрался? Давно?

— Как видишь... — Андрею Андреевичу не хотелось высказывать обиды, но что-то в его голосе дрогнуло.

— Я за тобой начальника штаба Геращенко на мотоцикле послал.

— Куда? Когда?

— Час назад. А потом, я думал, ты все-таки... откажешься, не приедешь, — быстро вопросительно взглянул на Ларина. — Будешь командовать?

— Придётся, — коротко, без обиды ответил Ларин.
— Будем обедать? — спросил Аркадьев после небольшой паузы.
Ларин кивнул головой и направился было к столам.
— Пойдем в палатку. Принесут. И так нажарился.
Солнце жгло немилосердно.

За столами ели тихо и вяло. Через час в палатках было пусто. Гурьбой и по одному все ушли на Иртыш. Немного отдохнув, Ларин решил обойти весь городок и прилегающую территорию. Ему никто не попадался, но он почему-то был уверен, что за ним наблюдают. Он шёл медленно, стараясь не хромать, изредка останавливаясь и слегка опираясь рукой о дерево. С первых метров у него испортилось настроение — на каждом шагу попадались высокие пеньки от срубленных молодых деревьев, обломанные верхушки, ветки. Лес был замусорен и загажен.

Обойдя вокруг лагеря, Ларин так и не нашёл ни одного туалета, если не считать двух неглубоких ям с досочками поперёк. Но этими «туалетами» явно не пользовались, кусты были надежнее. «Представляю, что у них здесь будет к концу сезона», — Ларин брезгливо поморщился.

Спортгородок состоял из взрыхленного участка и опорной доски для прыжков в длину и турника — обыкновенного лома, прибитого скобами к двум близко стоящим деревьям. Чуть поодаль, между другими уже подальше стоящими осинами, была натянута волейбольная сетка, и извилистой мелкой канавкой размечена граница волейбольной площадки. Рядом валялось несколько бутылок из-под вина.

Покусывая горчащий стебелёк одуванчика, Ларин вернулся назад.

Заглянув в пару палаток, отметил для себя, что порядка в них нет. Конечно, это дело поправимое. Удивило его другое. Вместо коек стояли продавленные до земли раскладушки, во многих не было дощатого настила, а большинство подростков — ещё просто дети двенадцати — пятнадцати лет. В середине августа ночи уже сырые и холодные, тем более Иртыш в двухстах метрах. Изнеженным и незакалённым городским детям — не дай бог, ещё дождь пойдёт — и воспаление недолго заработать.

Может быть, от сравнения с привычным армейским укладом палаточный городок произвёл на капитана Ларина удручающее впечатление. Подходя к штабу, он обратил внимание, как от пищеблока, неся в руках два котелка, отошёл высокий, чуть полноватый парень в «полуфирме» и направился в сторону отдельно стоящих ярко-оранжевых двухместных палаток. Там вокруг разостланной на траве скатерти сидели две девушки и два молодых человека. У них было весело. Играла музыка.

Глава 18

На вечернем построении после ужина Аркадьев похвалил ребят за дневную работу, сделал несколько замечаний. Затем он представил Ларина, выразив довольно чётко и понятно основное: к нам в лагерь, в связи

с наполнением его трудновоспитуемыми подростками из всего города, горком комсомола назначил командиром капитана внутренней службы Ларина, работающего в колонии строгого режима, а сейчас, после операции, временно непригодного для службы.

Андрей Андреевич молча отметил это подчеркнутое «назначил» и подумал, что Аркадьеву не стоило бы говорить, что он «капитан со строгого режима». А вообще-то, не мешало бы в педагогических целях и в интересах дела приехать сюда Максутову или Чурикову и представить его этим подросткам.

Ларин оглядел пёстрое и не очень чёткое построение. Подростки молча, кто настороженно, кто с интересом, кто с полным безразличием, смотрели на худого, с жёлтым лицом человека, одетого не по погоде и несколько странно: в тяжелых туристических ботинках, в широкополой шляпе, зелёной униформе из плотной материи, подпоясанного широким офицерским ремнём.

— А что это у вас за шляпа такая, со значком? — выкрикнул высокий рыхлый парень в «полуфирме». Ларин узнал в акселерате разносчика с котелками и мысленно усмехнулся: «Ну и подросточек!..»

— Эту шляпу, значок и униформу подарили мне мои кубинские друзья, — начал было не совсем уверенно Ларин, раздумывая, стоит ли рассказывать в первый день и как будет расценено подростками. — Но я думаю, что об этом я расскажу вам когда-нибудь попозже...

— А вы её надели? Чтобы себе цену набить? — парень нагло, в упор, смотрел на Ларина круглыми немигающими глазами, он ухмылялся полными детскими губами и подергивал толстой коленкой.

— Хорошо. Если она вам не нравится, я сниму её. — Ларин взял шляпу в правую руку, отвернув значком к себе. Налетевший ветерок обдул его влажные, начинающие редеть и с обильной сединой волосы.

— Всё? — спросил Аркадьев.

Строй молчал, даже не перешептывался.

— Раз-зой-дись! — скомандовал Аркадьев, повернулся и пошёл к командирской палатке.

Ларин, стараясь не хромать, шёл, чуть приотстав, рядом. Вечером, когда стало темнеть, Аркадьев собрал «совет командиров».

Ларин с интересом рассматривал детские и почти детские лица. Уже знакомый ему начальник штаба был в том же одеянии, тёмные очки он снял, незажжённую сигарету держал в прокуренных худых пальцах. Говорил он кратко, односложно. В основном по делу.

Комиссар Женя была невысокой полненькой блондинкой с доброй улыбкой на милом девичьем лице. При взгляде на Ларина она хмурилась и отворачивалась. И ещё она очень убедительно возмущалась тем, что новички кроме сельхозработ, а старички кроме подготовки к «Зарнице» и съёмкам ничем больше не занимаются.

Зампотыл и он же зампотех, чернявый, шустрый, невысокий крепыш Савичев Шурик, доложил о готовности техники и необходимости разжиться где-нибудь бензином. На Ларина он не смотрел.

Начфин Хонецкий, высокий, нескладный, с удивленно-отсутствующим выражением лица, был настроен доброжелательно. На Ларина поглядывал с интересом. Судя по всему, свое бухгалтерско-финансовое дело он знал неплохо.

Заместитель по спортивно-физической подготовке, светловолосый и старательный Богдан Безбородько, был крепко сшитым подростком, к которому даже на заседании в штабе все обращались не то шутливо, не то уважительно по прозвищу — Богдыхан. Он дважды пожаловался на слабую и неорганизованную работу в совхозе.

Ребята как ребята, загорелые и энергичные. Вероятно, чуть подавленные и растерянные от присутствия Ларина. Он в неудобной позе сидел на раскладушке чуть в стороне от штабного столика. Пытаясь заглушить боль или отвлечься от неё, он внимательно слушал доклады и отчеты заместителей и краткие указания Аркадьева. Почти весь костяк был в униформе «Гренады», и от этого совещание в палатке смотрелось вполне зрело и солидно.

— Основное, главное и дело чести каждого — подготовка к республиканской игре «Зарница» и киносъёмкам. — В свободном штабном шатре, воздвигнутом на двух обезглавленных топольках, Аркадьев, высокий и пружинистый, ходил легко и свободно, и лица подростков поворачивались вслед за ним, как подсолнушки за непостоянным солнышком. — Вы, моя старая гвардия, знаете, как нам все это доставалось и с каким трудом я нашёл людей для этих съёмок. Всесоюзный экран в цветном журнале... Ну, пацаны, считайте, что я поздравляю вас! — с пафосом закончил Аркадьев.

Вошёл дежурный суточного наряда и даже не глядя в сторону Ларина, затараторил:

— Товарищ командир военно-патриотического соединения, отбой в лагере произведён. Продукты на завтра получены. Часовые расставлены!

Аркадьев чуть кивнул в сторону Ларина:

— Ему докладывай. Андрей Андреевич сейчас у вас командир.

В голосе его не было ни иронии, ни обиды, однако дежурный, отдав ему честь, вышел, а присутствующие во время дальнейшего разговора подчеркнуто по уставу обращались только к Аркадьеву.

Улыбаясь в душе этой детской игре и преданности «своему Витиллу», так подростки за глаза называли Аркадьева, Ларин решил не выпячиваться особо в первое время, тем более при старом командире. У них сложившиеся отношения и свои интересы. А кто он для них? «Присланный надсмотрщик», назначением которого высказано недоверие их командиру или самим подросткам, и так затаившим обиды на взрослых.

«Н-н-да, ситуация, однако, у вас, Андрей Андреевич». После ухода подростков Ларин, стараясь не показать возмущения, изложил Аркадьеву соображения по результатам своего обхода лагеря.

— У меня нет ни времени, ни желания заниматься этими значительными и важными для вас, но не для них, делами, — почти оборвал его Аркадьев.

— Но ведь это дети и это детский лагерь на основе вашего знаменитого военно-патриотического соединения?

— Извините, это уже ваш вопрос.

— Но кто открыл его... в таком виде?

— Вот эти... дети — и он их пока устраивает, — и пусть они всё сделают своими руками. Это их закалит, приучит к труду и порядку и преданности «Гренаде».

— Но ведь можно было основные вопросы... жизнеобеспечения лагеря подготовить заранее.

— Ну вот вы и займитесь ими. Посмотрим, как у вас это получится. Но учтите — это сплошной педагогический брак.

— Сколько их у вас здесь? — не желая обострять и так не складывающиеся взаимоотношения, спросил Ларин.

— С сотню, наверное.

— Как это — «с сотню?» У тебя, что, нет учёта? — перешёл Ларин на «ты».

— Есть тетрадь, но, знаешь... уезжают, приезжают, — Аркадьев посмотрел на часы и стал собираться. — Извини, за мной должны подъехать...

Лихо развернувшись на «прикэпэпэшной» площадке, такси умчалось Витилла в темноту.

Лёжа на раскладушке в отведенной ему случайно или специально свободной палатке, Ларин тяжело прокручивал впечатления дня и пытался уснуть. Рядом долго не стихали песни и смех. Лагерь трудновоспитуемых подростков жил своей жизнью.

Глава 19

К утреннему построению Аркадьев успел приехать на такси. Забрав «гвардию», он ушёл с нею в лес.

Ларин пригласил Богдана Безбородько пройтись вокруг лагеря его вчерашним маршрутом. Они шли медленно и почти молча. Ларин подходил к сломанным деревьям, к замусоренному месту и останавливался. Богдан мягко улыбался, пожимал плечами и тоже молчал. Возле трёх пустых винных бутылок он сквозь улыбку выдавил:

— Бывает.

Когда Ларин остановился возле неглубокой ямы с двумя досочками поперёк, а затем повернулся к кустам, Богдан впервые смутился и покраснел.

На узкой песчаной полоске возле реки он было снова оживился, но скис после вопросов Ларина:

— Кто изучал дно? Где границы пляжа и наблюдательный пункт? Как на таком пятачке размещаются сразу все сто человек? Есть ли не умеющие плавать и кто занимается с ними?

— Некогда, Андрей Андреевич. Подготовка к «Зарнице», текущие дела, уборка овощей и...

— А вечерами и в воскресенье?

— Так ребята же отдохнуть хотят... покупаться, музыку послушать.

— А может быть, вам стоило бы вначале сделать спортплощадку, начать занятия, оборудовать пляж, провести соревнование? В общем, так. Туалеты, пляж, спортгородок — сегодня вечером приступаем. Добровольцев найдите, сами лопату в руки возьмите. Вообще-то, не плохо бы подготовиться и нормы ГТО¹ всем сдать за летний период.

— А нам они зачем? — искренне удивился физорг.

— Ну, во-первых, для хорошего физического развития... Да и в жизни пригодится.

— Сделаем, Андрей Андреевич, — улыбаясь, заверил Богдан.

Распоряжения Ларина Богдану Аркадьев не отменил. Против вопросов антисанитарии, безопасности на воде и спортивных мероприятий трудно было что-нибудь возразить. После обеда он выделил людей с конкретным заданием. В легкой тенниске, сидя в тени дерева возле штабной палатки, он обсуждал с киношниками детали предстоящей съёмки.

Стараясь не хромать, к Аркадьеву подошёл Ларин, сел на скамейку, вытянул ноги и попытался их расслабить и снять усталость и натруженность. Он вместе с ребятами сколачивал и ставил туалетные «домики», а потом рыл ямы и закапывал в них мусор. Подростки оговаривались, шутили, но делали. Крепкий, скуластый и неказистый Коля Крымарь оказался без лопаты и всё норовил перехватить её у Ларина. Андрей Андреевич заметил его искреннюю, не напоказ, старательность и признательно ему улыбнулся.

Аркадьев оторвался от своих дел:

— Ты, что, думаешь: если сам работать будешь, то за два дня все вопросы решишь и их перевоспитаешь?! Главное — держать их в дозволенных рамках, не допустить ЧП и разгула их укоренившихся привычек. Моя гвардия с этим успешно справляется и без меня. Послушай, если ты хочешь, я могу достать тебе классные кроссовки.

Ларин заметил, что Аркадьев с хорошо скрытым презрением рассматривает его неуклюже-большие и грязные от работы туристические ботинки.

¹ ГТО — «готов к труду и обороне».

— Фирменные? Это так просто? — без интереса поддержал разговор Ларин, устраивая поудобнее ногу.

— Есть у меня один товарищ в спортивных кругах. Им выделяют для...

— Нет, спасибо. Да мне вроде и ни к чему, — устало ответил Ларин. — Послушай... я хотел бы тебя спросить. А что, твоему комсоставу нарушать порядок дня, курить на территории... при подростках и появляться с запахом спиртного можно?

Аркадьев долгим пристально-изучающим взглядом посмотрел на Ларина.

— Ты имеешь в виду Геращенко?

— Нет, почему? Не только его. Они у тебя вроде бы как привилегированная каста?

— А ты что думаешь: если я издам императорский указ на запрет, и всё сразу изменится? То хоть несколько человек вольничают, которые сдерживают остальных. И потом... когда я создавал этот... клуб, у меня не было другого выхода, как согласиться на их самостоятельность. Иначе бы все просто разбежались.

— Странная у тебя... педагогика. Но ведь остальные не слепые, тоже замечают это. Или они ждут своего часа, своего ранга, когда им ЭТО можно будет делать почти открыто? Но ведь это то же, что у некоторых дома: на словах одно, а на деле другое. Таким образом ты закрепляешь убеждение у подростков двух взаимоисключающих друг друга установок. В результате мы растим двурушников и лицемеров, более того — лицедеев. И наша вина, если из них сформируется человек с преступной установкой. И весьма мала наша заслуга в том случае, если человек остаётся просто порядочным гражданином. Я, конечно, не настолько подкован теоретически и не очень-то поднаторел в педагогических вывертах... Но мне думается, что, когда мы не исполняем или плохо исполняем свои обязанности, требования законов или педагогики, когда мы прикрываемся «производственной необходимостью» или «педагогической целесообразностью» — и нарушаем эти законы, тогда... тогда в силу вступает обратный закон педагогики и человеческой психологии. Этот закон — воспитание НАГЛЯДНОСТЬЮ. Мы можем десятки раз подростку или взрослому человеку говорить: «Нельзя!», но если он видит, что можно! — пропали все наши старания и усилия.

— Я хочу их доверия.

— Любой ценой?..

— Что ты предлагаешь? — уже раздраженно спросил Аркадьев, бегло взглянув на часы. — Ты вот с ними иди пофилософствуй на эту тему, я посмотрю, как у тебя это получится.

Разговор заходил в тупик. Либо Аркадьев действительно тоже бессилен что-либо изменить в корне, либо он не делал этого сознательно.

Вечером после ужина Андрей Андреевич подошел к медсестре, устало сидевшей на табурете возле котлов. У неё было простое крестьянское лицо, немного грубовато вылепленное, доброе и приветливое.

За эти дни, постоянно видя её то у котлов, то у палаток, Ларин проникся к ней уважением. По манере одеваться и вести себя он безошибочно определил, что, несмотря на оконченное в городе медучилище, она так и осталась «деревней». Над вид ей было около тридцати.

— Умаялись, Анастасия Федотовна?

— Ой, не говорите. Жара. Мухатища. А это войско Мамаево что тебе нагрубить, что напакостить.

— Давно вы здесь?

— Дней десять, поди. Вот на месяц согласилась. Дай, думаю, к сестринским еще полставки поваром подработаю. Другим-то здесь всё равно ничем не позанимаешься. А получилось наоборот: к полной поварской — полставки медсестры.

— Мне думается, не мешало бы и на полную медсестры человека иметь...

— А зачем? Это же никому не нужно. Виталию Илларионовичу не до того. А этим... что в лоб, что по лбу — всё одно.

— На сколько человек продуктов получаете?

— Сегодня на девяносто пять. Да хватает им еды. Из дома привозят. А потом, жара. Карманы огурцами с совхозных полей понабивают, и вместо воды.

— Анастасия Федотовна, вы завтра сандружинников пошлите, пусть хлоркой туалеты и... ну, и всё вокруг обработают. А на утреннем построении чистоту проверят, санобход по палаткам сделают. А потом бюллетень выпустят. Да, и ещё, там сегодня из города я бачки питьевые привёз, так пусть ребята воду вскипятят и зальют в них. Договорились?

— Хорошо, Андрей Андреевич. Я постараюсь, — неуверенно протянула медсестра-повариха.

— Ну, вот и хорошо. С завтрашнего дня и потребуйте со всех как медсестра.

Быстро темнело. В палатках зазвучали гитарные перезвоны, песни, смех, у кого-то надрывалась «спидола».

Глава 20

— Итак, мы завтра уезжаем, — встретил Ларина возле штаба Аркадьев.

— То есть?..

— Беру свою старую гвардию — и на съёмки!

— А как же здесь?

— Оставлю тебе начальника штаба, финансиста, зампотеха и физорга.

— Но ты сам понимаешь — остается такая масса... неорганизованных и не сплоченных в коллектив подростков...

— У меня нет другого выхода. Товарищам из республиканского телевидения надо возвращаться на работу.

— Что оставляешь нам из финсредств? На сколько человек? Технику?

— Машину, один мотоцикл. Финсредства пусть тебя не волнуют. Хонецкий это дело знает.

— Ну, что ж. Хозяин — барин. Где тетрадь со списком?

— Вот... — Аркадьев подал толстую ученическую тетрадь.

— Так... — Ларин внимательно стал просматривать записи о прибытии и убытии. — Здесь у тебя числится сто тридцать шесть человек, а в наличии на сегодня девяносто пять?

— А ты попробуй на наши гроши всё это организовать, когда от тебя во всех учреждениях как от чумного открещиваются?! — взвился Аркадьев. Его лицо приобрело раздраженно-обиженный вид и побагровело.

— Но я вижу, у тебя и на большее хватило, — Ларин с трудом скрыл иронию. — За чей счёт собираетесь совершить поездку в горы для съёмок? — Ларин хотел добавить: «и поездки из дома и домой на такси», но воздержался.

— А вот это уже вас, товарищ капитан внутренней службы, не касается! Впрочем, я могу удовлетворить ваше любопытство. Ребята согласились потратить часть заработанных денег. Кому из подростков не хочется попасть на всесоюзный экран в цветном журнале в полной форме военно-патриотического соединения, да ещё на «ученье» в горах? Киношники — мои друзья, сейчас в отпуске. Решили на общественных началах помочь.

— И киноплёнку цветную... — Ларин хотел добавить: «и содержимое от общего котла» — тоже на общественных началах?

— Плёнку я купил за свои деньги, — Аркадьев замолчал. Потом доверительно добавил: — Послушай, неужели ты не понимаешь важности всего этого в воспитании трудных подростков и выхода нашей области на всесоюзную арену?

— Нет, почему? Понимаю. Всё дело, каким способом...

— У меня нет другой возможности. И неужели я не заслужил того, чтобы увидеть результат своей четырехлетней работы!

— Я не отрицаю и не отнимаю твоих заслуг. Только вижу: ты и себя не забываешь.

— А ты бы стал работать с... ними за 110 «рэ»?

— Пожалуй, нет, — ответил Ларин после небольшого раздумья. — Но, согласишься, так ведь тоже нельзя.

— А ты думал, я дочь миллионера... на такси катаю?! — нервно и презрительно хохотнул Аркадьев, и его лицо стало неприятным.

— Нет, я было подумал, что ты сам миллионер, раз домой и обратно на такси едешь каждый день.

— У меня друг таксист.

— А он каждый раз на новой машине работает?

Аркадьев дёрнулся и, все убыстряя шаги, пошёл к ожидавшим его киношникам.

Почти до утра многие в лагере не спали. В некоторых палатках под громкий хохот пели туристические, полублатные и прощальные песни. Почти по всему лагерю сновали странные, стремящиеся как бы быть незаметными, не то фигуры, не то тени. Ларин собрался было объявить общее построение и произвести повторно «отбой», но передумал.

Утром половина подростков оказалась вымазанной зубной пастой и помадой. Не везде обошлось только шутками и смехом. Две вспыхнувшие было драки быстро загасили. Времени было в обрез, не до выяснения отношений. Все готовились к отъезду.

Суматошный день был потрачен на проводы отъезжающих и разные оргвопросы. Вечером, сразу после ужина, Ларин собрал заседание штаба, пригласив на него младший, «необстрелянный» комсостав — командиров отделений.

Среди них был и Коля Крымарь, грубоватый и диковатый подросток, помогавший в прошлый раз Ларину копать ямы.

В небрежной позе, с отрешенно-отсутствующим видом сидел Сергей Юрьев, акселерат могучих, но рыхловатых габаритов. Пончик был в кремовом батничке с блестящими пуговицами, в узких потёртых брюках со «штатовским лейблом» и новеньких белоснежных «адидасах». Остальных Ларин ещё не знал.

— Начальник штаба, доложите обстановку, наличие сил и средств, фронт работ, планируемые занятия на завтра. И, если вам не трудно, снимите, пожалуйста, чёрные очки. В палатке не очень яркое освещение... — попросил Андрей Андреевич.

— Они у меня для постоянной носки, — после небольшой паузы и дрогнувшим голосом ответил Геращенко. — А насчёт сил, средств, работ и занятий вам лучше знать. Вы командир.

В палатке воцарилось тягостное молчание.

— Вообще-то, начальнику штаба положено вставать, когда он разговаривает с командиром. Так принято, и не будем нарушать требования устава и сложившиеся традиции.

Геращенко нехотя поднялся и уронил командирскую планшетку. Кто-то из новичков засмеялся, но смолк под спокойным взглядом Ларина.

— Ну, что ж, товарищи командиры, поскольку начальник штаба на сегодня не владеет обстановкой или у него какая-то другая причина для... такого поведения, давайте каждый по очереди кратко доложите всем присутствующим по следующим вопросам: чем занимались отряды, нет ли больных и происшествий? Сансостояние на территории, на пищеблоке, в вольере и в палатках? Как мы справляемся с работой в совхозе? Оборудование спортплощадки и пляжа? Снабжение и состояние техни-

ки? Если можно — сразу свои соображения и предложения по решению вопросов.

К великому удовлетворению Ларина, совещание прошло быстро и поделовому. По части «соображений и предложений» особенно старался Богдан Безбородько. Подумав и обратив внимание на смену настроения, Ларин решил надавить на «больное» место.

— Когда вы в последний раз проверяли общее санитарное состояние в палатках и чистоту рук? И почему вместе с замом по тылу до сих пор не решили вопрос с кипяченой водой для питья? Бачки я вам отдал два дня назад.

— Мы и иртышскую пьем неплохо... — Геращенко презрительно пожал плечами.

— Вам бы, как начальнику штаба, следовало знать, что за те пятнадцать километров, что отделяют нас от выше расположенного места сбросов мясокомбината, полной естественной их очистки не происходит. Вы знаете, что такое дизентерия летом в массовом скоплении людей?

— Хо-хо. Пока никого ещё от нашей жизни не прослабило, — гоготнул Юрьев, и его сонно безразличное лицо оживилось, — вот смеху-то будет, если кто не добежит.

— Серёжа, это не повод для шуток. Кстати, я тебя хотел просить... ты не мог бы надевать здесь что-нибудь попроще. Не в ресторане ведь и не на танцах в городе.

— А у меня предки попроще не покупают, — снова гоготнул Сергей. — Один раз, говорят, живём.

— Ты подумай, хорошо? А с родителями твоими я поговорю. Кстати, ребята, а не провести бы нам соревнование по плаванию и волейболу, вечером организовать общий костёр? А где-нибудь через недельку — и «боевые» учения на местности.

— Сделаем, Андрей Андреевич! — крикнул за всех Богдан Безбородько.

Этот сговорчивый белесый крепкий парень начинал Ларину нравиться... «Ничего, справимся, — подумал он, — главное — заинтересовать ребят и не давать им распускаться».

После ухода комсостава Ларин записал для памяти основные вопросы на завтра: погреб со льдом для хранения мясных и молочных продуктов; отдельно выгребную яму для пищевых отходов; доппаёк для караула ночью; тент над столом для приёма пищи (вчера у двоих был солнечный удар во время приёма пищи); пиломатериалы (дооборудовать столовую, пол в палатках для младших возрастов); заехать к себе на работу оформить пару кинофильмов, газеты, письма; сбор шавеля для детей и для совхоза; заключить договор на сбор ягод — облплодоовощторг, сбор лечебных трав — облаптекоуправление; установить радиоточку; провести комсомольское собрание, создать временную организацию; сансостояние, санобработка всей территории, санитарный день; решить вопрос с пневматическим оружием для проведения учебных стрельб; провести

строевой смотр — соревнование на звание «лучший» между отделениями; ввести в практику возможность «увольнения» в город и родительский день для посещения лагеря родственниками; оформить вывеску лагеря на КПП; установить определённую форму приветствия на территории лагеря; заехать домой, в горком комсомола, в ЖКО, к шефам тракторного завода и оформить доверенности на своё имя.

Да, ещё: топоры, термосы для хранения и переноса приготовленной пищи, пищевую соду, утюг, мячи волейбольные и футбольные, ведра, тапки, клеёнку, доски разделочные, ножи кухонные. Утром всё ещё раз уточнить у «старослужащих».

Ночью во время обхода палатка Геращенко и Безбородько была пустой. Часовой, помявшись, доложил, что они ушли на танцы в летний дом отдыха тракторного завода. Вернулись под утро. Ларин решил разговор с ними пока отложить.

С тяжёлой от недосыпания головой Андрей Андреевич сел на своё место с краю стола и с довольно угрюмым видом стал задумчиво смотреть на хохочущую группу ребят, среди которых Коля Крымарь с невозмутимым видом ел невесть откуда взявшийся сухой творог и закусывал его огурцом. Не то от удивления, не то от раздражения у Ларина выскочило:

— Кто же творог с огурцами ест?

— Все едят! — отвечают хором, и вся компания, как по команде, хрустит огурцами.

— Единственный овощ для подкрепления пошатнувшегося здоровья подростков! — выкрикивает кто-то под общий хохот.

Засмеяться или сказать: глупости! Повернуться и уйти. Кстати, а почему действительно ни яблок, ни капусты, ни помидор? Когда же, как не в этот сезон...

Ларин садится рядом, берёт ложку творогу — он оказывается сухим и жёстким — и, улыбаясь, закусывает огурцом. Весь стол хохочет. Он тоже, и чувствует, как от совместного дружного смеха тает невидимый ледок отчуждения.

На утреннем построении все оживлены. Стараясь не хромать, Ларин выходит на середину.

— Командиры отделений уже довели до вас, что интересного вчера обсуждали. Годится?

— Годится. Только побыстрее бы, а то лето кончается.

— Начальник штаба!

— Я! — качнулся Геращенко. Он был без обычной для него куртки и офицерской планшетки.

— Объявите распорядок работы и занятий на день. И подготовьте к вечеру площадку и экран для кино.

— Ура! Даёшь «Чапаева»! — раздалось после всеобщего от неожиданности молчания.

— Минуточку внимания! Есть ещё несколько... объявлений, о которых я вначале хотел умолчать. Сегодня ночью в течение почти двух часов не было на месте ответственного по лагерю командира отделения Юрєва Сергея. — Ларин сделал паузу и посмотрел на Геращенко и Безбородько. Было заметно, они ждали: скажет или не скажет про их отсутствие? — Попрошу вас подумать, как он будет наказан. И ещё — с сегодняшнего дня прошу всех строго выполнять распорядок дня и выполнение команды: «Отбой!» После этой команды разрешается бодрствовать только дежурному наряду. Да, объявляю амнистию на невыполненные долги по части ночных мазаний зубной пастой. А то скоро зубы нечем будет чистить. — Несколько человек засмеялись. Строй молчал. — Ну, а теперь командуйте, товарищ Геращенко.

Глава 21

В приёмной шефов тракторного завода молодая секретарша ответила Ларину, что зам по быту уехал в командировку, а генеральный директор занят и принять его не сможет. Но если он только по вопросу «Гренады», то пусть зайдет в заводской комитет комсомола.

В комитете его встретил высокий, ухоженный и упитанный молодой человек с громким, не терпящим возражений голосом. Поглядывая на него, Ларин даже засомневался, секретарь ли это.

— А! «Гренада»! — хозяин кабинета вышел из-за стола и широким жестом протянул руку для пожатия. — Всё собираюсь к вам. Дела... Ну, с чем пожаловали? Что просить будете?

Со странным чувством недоверия к этому бодрому, свежему круглолицему человеку Ларин молча протянул ему список. Он бегло его посмотрел, отметил карандашом в трёх местах.

— Вот всё, чем богаты.

— Но это же не решит проблемы!

— Что вы хотите?

— Я хочу получить по этому списку и, хотя бы приблизительно, оборудовать лагерь таким, каким его должны были подготовить до заезда в него подростков.

— Вы на сколько туда назначены?

— На месяц...

— Ну вот. Вы там человек временный. А пока там командует Аркадьев, я не дам ничего.

— Я запишусь на приём к генеральному.

— Это решённый вопрос.

— Но там же дети! Лагерь не может функционировать в таких условиях.

— Обратитесь в горком комсомола. Я вам ничем помочь не могу.

Глава 22

Часам к трём Ларин дозвонился до генерального директора и получил добро на визит. Грузный, усталый человек посмотрел на него изучающим взглядом, предложил сесть, взял перечень, внимательно его прочёл, подчеркнул в двух местах красным карандашом и сделал надпись.

— Как дела там?

— Трудно.

— Настроение?

— Терпимо.

— Через три дня, в воскресенье, выберу время, заеду. И из своих кое-кого прихвачу. Ты чего? — заметил генеральный улыбку Ларина.

— Да я уже забыл, когда какие дни, не говоря уже о воскресеньях.

— А, понятно. Но ты держись. Дело нужное, сам понимаешь.

Ларин взял свой список. В левом верхнем углу размашисто было написано: «Зам по быту! Выдать незамедлительно!»

Уже темнело, когда он заскочил домой. Дочь повисла на шее.

Жена кинулась готовить ванну.

— Я ненадолго... на полчаса.

— Как, разве ты даже не заночуешь? — жена опустила руки, белая рубашка, которую она только что погладила, волочилась по полу.

— Понимаешь, там дети. И я обещал им кино. И ещё — чужой человек со мной в машине, аппаратура.

— Ну пусть шофёр отвезёт. Там же есть среди них кто-то взрослый?

— Нет. Не сердись.

— Ну вот, нашёл себе дело почище колонии. Если мы для тебя безразличны, ты бы хоть себя поберёг. Глаза ввалились, скулы и нос торчат. Как ноги? Хоть бы написал...

— Терпимо.

— Ну, ладно. Что собрать?

— Сама знаешь.

— Когда совсем?

— Скоро уже. Не сердись.

— Кино какое везёшь?

— «Калина красная», по Шукшину.

— Хорошее кино.

Глава 23

Фильм закончился поздно. Долго не заводился переносной движок, что-то там у него вышло из строя, пока везли по тряской дороге. Ларин вышел из штабной палатки, чтобы распорядиться отвезти киномеханика и его аппаратуру в город.

Подростки расходились, негромко переговариваясь, то ли из-за темноты, то ли из-за позднего времени, то ли под впечатлением увиденного.

— Ну что, ребята, обсудим потом кино? — спросил у них Ларин.

— Можно, — ответило ему нестройно несколько голосов.

Сзади подошёл Серж. Ларин обратил внимание, что акселерат выше его на целую голову.

— А вы, что, нам с намёком привезли это кино? — с каким-то злым ожесточением спросил он. — Могли бы что-нибудь французское или про войну.

— А что? Хорошее кино. Думать заставляет, — вставил в разговор, проходя мимо, Коля Крымарь.

— А тебя не спрашивают, ценитель... Скажите, вам лично оно чем нравится?

— В двух словах не ответишь. Но... правды в нём много.

— Какой правды? Это он навывдумывал разные там страсти-мордасти воровские, а на самом деле всё по-другому.

— Как навывдумывал?

— А так. Что, это всё правда, что ли? — мне вон мать рассказывала, как этих героев выдумывают, в войну и так... в жизни потом. Вот Матросов, говорят, на амбразуру бросился. А может, он просто споткнулся, когда подполз? Может быть?

Андрей Андреевич даже остановился от таких нелепо кощунственных слов, сказанных почти девятиклассником.

— Послушай, Сергей. Ты это серьёзно?

— А что, пошутил, что ли? Этих героев делают, чтобы потом новое поколение воспитывать.

— Но, Сергей, сделать героя так... как ты имеешь в виду, нельзя. Ведь рядом с ними были люди, свидетели, друзья и враги. Не станут же враги писать в своих документах про героизм противника? Кстати, ты знаешь, сколько человек повторило подвиг Саши Матросова?

— Кажется, два... нам в школе говорили. Я забыл.

— Больше четырёхсот человек, Сергей. Добровольно... погибли, чтобы спасти жизнь своих товарищей и обеспечить победу. Кстати, и твою жизнь.

— А я бы все равно родился, у нас на фронте никто не погиб.

— Но, если бы не погибли, громя фашистов, эти четыреста Матросовых и те, кто не вернулся с войны, нашу страну оккупировал бы враг.

— Ему бы не дали...

— Кто?! Такие, как ты?

— А их, правда, было четыреста, и все сами? — в темноте было заметно, как Сергей неловко крутил головой, словно на него был надет тугой ошейник.

«Да, права была комиссар Женя — идеологической работы в нынешнее время явно не хватает. Хорошая она дивчина, умница. Жаль, Аркадьев с собой её забрал...»

Глава 24

— У нас произошло ЧП! — Ларин обвёл членов штаба взглядом и остановился на Геращенко. — Сегодня ночью Александр Геращенко избил мальчика — часового на посту. За то, что тот уснул. Или дремал и вовремя не окликнул проверяющего.

— Откуда знаете? Кто сказал?! — вскочил Геращенко, ни на кого не глядя.

Остальные отнеслись к сообщению спокойно, даже слишком. Либо уже знали, либо подобное не было новостью вообще...

— Предлагаю... извиниться. Перед строем.

— Этого никогда не будет! — Геращенко быстро оглядел всех по очереди. — Честь и достоинство комсостава я ронять не стану. И потом, как вы иначе хотите их удержать, они ведь на голову сядут?

— Только личным примером. Мне помнится, я вам... увольнительную на танцы не давал.

— Вы что, за нами шпионите?! — это уже и Савичев, и Хонецкий. А Ларин рассчитывал на их поддержку.

— Я просто выполняю свои обязанности командира и старшего человека, которому доверили девяносто пять подростков.

— Ребята, ребята! Андрей Андреевич прав. Надо было у него спросить. Он всё-таки командир. — Это Богдан Безбородько, только не уловить, что у него в голосе — ирония или искреннее чувство вины.

— Будем считать этот вопрос решённым, — заключил Ларин. Он понимал, что отступать нельзя. Главное — не перегнуть. Может быть, рано такие требования?

...

— Андрей Андреевич, нам не дали хлеба.

— То есть?

— И овощей не дали.

Ларин внимательно смотрит на говорящего. До него ещё не доходит смысл сказанного. Невысокий крепыш Савичев Шурик смотрит на Ларина спокойно и вежливо.

— И у нас макароны кончились.

— Почему? — стараясь быть спокойным, спрашивает Ларин.

— Говорят, что с Аркадьевым договаривались, а Ларина не знаем. Мы ведь никуда официально не прикреплены, — поясняет Шурик.

— Ну а тебя они знают?

— Знают.

— И не дают?

— Не дают.

Ларин начинает понимать эту «игру», но не может разорваться и самому решать все вопросы.

- Ну и что будем делать?
- Не знаю. Вы командир.
- А как ты думаешь? Мы можем оставить всех ребят без еды?

— Хонецкий, почему до сих пор не получили лёд, тент, пиломатериалы и разную мелочовку?

— Денег нет. — Доброжелательный и нескладный Юра — сама невинность.

— Как нет денег?

— Счёт в сберкассе закончили, надо переходить на банк.

— И в чём же задержка?

— Бензину нет.

— Съезди на попутных.

— Все равно полученное надо везти на машине.

— Да, а почему нет бензина?

— Потому что кончились деньги.

— Ты мне мог доложить вчера?

Долгое молчание. И медленная пунцовая волна покрывает лицо Юры.

— Саша, где четверо ребят из санотряда, что-то я их не вижу?

— В город уехали.

— Зачем?

— Сказали, что им здесь неинтересно. — Геращенко смотрит в сторону. Но если бы даже он смотрел на Ларина, выражение его глаз не узнать. Закрыты чёрными очками.

К концу дня от такого общения и кучи словно из квашни лезущих и нерешённых вопросов трещит голова и сдают нервы. Боль в ногах уже кажется мелочью. Решил прогуляться по лагерю, а потом по лесу.

Лес шелестел слитно и успокаивающе. В лучах заходящего солнца резкие тени от одних деревьев ложились на стволы других.

Ларин вышел на поляну, поискал глазами, на что бы присесть, и его взгляд остановился на странной куче, похожей на раскиданную, посереvшую от времени солому. Он подошел поближе. Это был разворoшенный муравейник.

Нет — это был разграбленный и разрушенный, терпящий бедствие город с многочисленным населением. Кто-то выгреб многоэтажный уютный муравьиный дом до самого дна, будто искал там золотой клад. Беспокойные муравьи бегали по раскиданным «брёвнышкам» своего жилища и тащили их и белые зёрна яиц в разные стороны, никак не в силах сообразить, что же теперь делать.

Если бы они могли посмотреть на своё недавнее жилище с высоты полтора — два метра, они бы сразу поняли, что дома у них больше нет и восстановить его невозможно. А если пойдёт сильный дождь или поднимется сильный ветер, то и взрослым, и ещё не вылупившимся их деткам грозит гибель.

Ларин осторожно сложил на место «брёвнышки» разрушенного города вместе с его жителями и будущим потомством. «Наверное, «мёд муравьиный» искали. Мы ведь тоже в детстве верили, что на самом дне муравейника есть гнездо и в нём лежит белый комок — вкусный, как мёд со сливками. Правда, никто этого «мёда» ещё не находил. Надо будет рассказать ребятам о муравьях!»

Ларин вышел к реке, сел на поваленное дерево и долго смотрел, как на серо-зеленоватых волнах Иртыша покачивался оранжевый диск похожего на огромный детский мяч заходящего солнца.

На вечерней перекличке не оказалось сразу четырёх человек из «старослужащих». Никто не знает, где они. Кто-то пошутил:

— Уехали на зимние квартиры.

«Что это? Бегут... И что предпринимать?»

— Геращенко, соберите своих. Мне кажется, что это как-то не по-мужски, «не по-спортивному».

— А среди нас спортсменов нет. Некогда тренироваться. Санузлы строим.

— Вчера ночью кто-то из вас поймал летучую мышь, облил бензином и поджёг. Сегодня я наткнулся на разоренный дотла муравейник...

— Летучие мыши ночью человеческую кровь пьют! А на муравьиные яйца мы пытались рыбу ловить! И не надо нас воспитывать и убеждать в их полезности.

— Кто это сказал? Выйдите сюда и объясните всем нам, откуда у вас такая глупая, ничем не оправданная жестокость и безразличие.

— А мы умнее не умеем!

«Ну и что? Накричать, пойти вдоль строя, собрать командиров, опросить лучших ребят и потом выставить виновного на обозрение? А если ему — всё «до лампочки»?»

— Вы знаете, ребята, мне жалко этого человека. Он сам не замечает, как готовит в себе что-то страшное, которое однажды сломает и перевернет всю его жизнь.

Затихли. Молчат. Неужели дошло?

Глава 25

— Андрей Андреевич, беда!

— Что случилось, Анастасия Федотовна? — Ларин быстро встал с раскладушки и стал зашнуровывать ботинки. Он еще не раздевался, отбой в лагере не объявляли.

— Дизентерия, Андрей Андреевич. Сразу три человека. Это те, что пришли сами.

— Состояние?

— Удовлетворительное.

— Срочно проведите санобработку по всей территории. Одну палатку выделить под изолятор. Станет хуже — будите в любое время. Утром отвезём в город. Напишите объявление: «Пить только кипяченую воду!» Завтра соберём всех, проведём беседу. Руки перед едой мыть из общего умывальника с хлорированной водой. Ну а с посудой, сами знаете, что делать, — улыбнулся Ларин. — Извините. Я немного резко. Устал.

— Так смотрю я: с лица ещё больше опали. Ноги болят?

— Болят, Анастасия Федотовна.

— Я вам спиртику принесу, натрите. Боль снимет.

— Хорошо, хорошо. Не откажусь, раз вы советуете.

Ночью он обошёл все посты и заглянул в изолятор. Все трое дышали ровно, спокойно. Обойдется, может. Хорошо, если вовремя спохватились. В палатке долго не мог уснуть, мешали боль и заботы о завтрашнем дне.

Неожиданно в темноту палатки проник луч фонарика, вошёл человек.

— Андрей Андреевич... Совет командиров просит вас зайти в штабную палатку, — Ларин узнал голос Геращенко.

— Что-нибудь случилось? — Андрей Андреевич сел на раскладушку.

— Там узнаете...

Пожав плечами, Ларин зашнуровал ботинки и вышел.

Комсостав был в сборе. Даже Юрьев... Они сидели полукругом возле стола, с другой стороны стояла свободная табуретка. Ларин сел, пытаясь разглядеть лица в слабом свете дежурного освещения.

— Мы пригласили вас на суд.

Саша Геращенко, в полной своей амуниции и, вероятно, принципиально в чёрных очках, достал из офицерской планшетки двойной лист и подал Ларину.

Тот, с удивлением и недоуменно улыбаясь, взял его и стал читать.

— Это всё? — Ларин перевернул лист. Пока читал написанное, он, как всегда в сложной обстановке, успел обдумать ситуацию и успокоиться. — Маловато. Я бы вам на десяти листах свои вопросы и претензии написал... — он помолчал и оглядел всех по очереди. Подростки сидели, опустив головы. Только Геращенко и Юрьев сидели прямо. У первого глаза были закрыты очками. У второго... «Если рассуждать по пословице: «Глаза — зеркало души», то в этих души не видно», — подумал Андрей Андреевич.

— Н-н-да... Серьёзные претензии. На все отвечать или только на главные? На все долго будет. И потом, — Ларин усмехнулся, — на половину из них вы ведь сами правильные ответы знаете.

— Давайте на главные. Может быть, другие сами отпадут, — за всех ответил Хонецкий, не поднимая головы.

Встал Геращенко, поправил очки, положил на стол планшетку.

— Почему в прошлый раз вы отменили военную игру?

— Потому, что предыдущая показала, что вы ещё не готовы, особенно новички, а новых занятий не проводили.

— Виталий Илларионович никогда не отменял намеченное нами. Вот в Баян-Ауле однажды он разрешил нам восхождение даже в плохую погоду. А когда одна девочка оступилась и сломала ногу, он не запретил нам самим спускать её вниз. Даже взрослых никого не стал к нам посылать.

— Мы привыкли к самостоятельности.

— А вам не приходило в голову, что из-за таких привычек случаются серьёзные трагедии на воде, в горах?

— Трус в горы не ходит, — чуть приподнял голову Савичев.

— Да, но и храбрый человек не по каждому поводу рискует, тем более не своей, а чужой жизнью. Давайте договоримся так. Я съезжу в город, приглашу сюда представителей из горкома комсомола и с завода, и мы вместе разберёмся во всём.

— А они не приедут.

— Заставим. Только вы сами подумайте... все ли эти вопросы надо задавать?

— Не надо нам никого. Пусть будет всё так, как было до вас.

— Извините, вы все верите, что ВСЕ ваши вопросы справедливы? И от чьего имени вы их задаёте? Судя по тексту, не только от «старослужащих».

— Да! И от новичков тоже, — выдал из себя Серж, тряся полной коленкой и уставясь неподвижно-оловянным взглядом на Ларина.

«Странные глаза», — подумал Андрей Андреевич.

— Ну что, товарищи, как договорились и — по палаткам. Подъём, как обычно, — усмехнулся он.

— Чего вы нам: товарищи, товарищи? А вы сами знаете, что оно означает? Вот мы — «деловары», все товар-ищи... — захохотал Серж.

— Перестань кривляться! — оборвал его Геращенко. — Это очень серьёзно.

(Продолжение следует)

1991

*Стихи первых авторов «Суры»***Евгения МЯГКОВА****В ДЕНЬ ЗОЛОТОЙ СВАДЬБЫ***

Сказал он:

— Сегодня полвека, Танюша...

— Я помню, — ответила тихо она.

Стоял на столе незатейливый ужин,

И свадьба была без гостей и вина.

Спросил:

— Почему же ты плачешь, Танюша?

— Знать, слёзы не вышли, — сказала она.

— А много ль дано их на женскую душу?

— До смертного часу не высушить дна.

— О чём же теперь ты горюешь, Танюша?

Какая с тобой приключилась беда?

Обидели дети?

А может, недужишь?

— От века птенцам улетать из гнезда.

От века у старости хвори — подруги,

И людям от века встречаться с бедой.

А плачу о том, что черны мои руки

И выцвели очи,

А ты... молодой.

И долго она за него говорила

И ласковых слов не жалела в ответ.

За горькую долю свою не корила

И лишь за молчанье корила портрет.

* Опубликовано в № 1 за 1991 год.

Виктор ТЕРЕНТЬЕВ

**МОЁ
ДЕРЕВЕНСКОЕ
ДЕТСТВО**

Повесть

ПЕТЯНЬКА

— Галустник-то одень, — завершая сборы, бабушка подала Вите пионерский атрибут. И, осенив внука крестным знамением, напоявила: — Мать наказывала, как на работу уходила. Чтобы новенькая учительница не ругала...

Ещё раз осмотрев школьника, посетовала:

— Чего выдумали — тряпку ребёнку на шею одевать... Раньше крестика хватало. Ты вот свой-то прикрой красным, чтоб не заметили в школе. А то пристанут: «сними...»

И подняла вверх указательный палец:

— Он всё видит!

Наблюдая, как Витя, спрятав крестик и застегнув верхнюю пуговицу, ловко орудует с треугольным лоскутом кумача, оценила:

— И этому научился — молодец.

Достав из комода плитку гематогена, продолжила:

— Конфетку вот пользительну возьми. Бывало, в церковно-приходную собираешься — мать «Живый в помощи» прочитать заставит, кусок хлеба вручит — и иди. Много народа было — ребятишки из каждой избы выбегали. А то и по двое-трое.

Оценив одобрение бабушки, Витя решил пояснить:

— Эт не тряпка, баб! У галстука три конца. Тот, что большой, сзади шею прикрывает, означает партию, которая нас к коммунизму ведёт, вот этот спереди правую грудь прикрывает — верный помощник партии, комсомол. Ну а маленький конец — напротив сердца — это мы, пионер — всем ребятам пример! Понятно?

Отражая поучающий взгляд внучка, бабушка поджала губы:

— Эт вас она, что ли, научила, которая с новым директором приехала? То ли жена, то ли так. Да всё равно греховодники, коль невенчанные. Откуда прислали — неведомо. Александра Георгиевна-то здесь родилась. Крещёная! Да и с Петром Афанасьевичем, рассказывают, после сельсовета тайком в церковь ездили. Хоть он и партийный.

— Александра Георгиевна строгая очень, — парировал ученик, — а Елизавета Михайловна веселее, много интересного на уроках рассказывает. Даже когда мы хохочем, не ругается.

— Смех без причины — признак дурачины, — завершая дискуссию, бабушка поправила внуку ранец и ещё раз, уже вслед, перекрестила: — Ну, ступай!

Выскочив на улицу, Витя встретил Николая — ученика восьмого класса, который, проживая с родителями на хуторе, в походе за знаниями каждый день только в одну сторону одолевал километра три. Природа наградила его крепким телосложением, так что он больше походил на призывника, а не на подростка переломного возраста. Свысока оглядев мальчика, Николай легонько дёрнул Витю за ранец:

— Ишь, правильный какой! И в галстук... Я его не стал одевать. Первый год, как приняли, только если после родительского собрания мамка отпорет, повязывал. А в шестом совсем выбросил. И в комсомол не стал вступать. И не буду! — зачем-то показав кукиш в сторону школы, Николай прибавил шаг и, переложив учебники снова в правую руку, прижал их к туловищу.

Презируя портфель, он, как и ещё пара будущих выпускников, и в слякоть, а подчас и в зимние морозы школьные принадлежности демонстративно носил под мышкой и в карманах, терпеливо вынося ради демонстрации одного из атрибутов взрослости «накачки» учителей и наказания родителей.

Ещё одним признаком взросления считались кирзовые сапоги, в которых, закатав голенища, наиболее «продвинутые» пацаны щеголяли даже в жару. Вите, несмотря на неоднократные попытки, мать таких вольностей не позволяла. Его правильность в поведении, опрятность в одежде, хорошие и отличные оценки раздражали взрослеющих старшеклассников. Поиски своего «я» подростки сублимировали не только в показном равнодушии к требованиям учителей, но и в унижении младшеньких. И в этот раз, ускользая от непредсказуемой реакции раздражённого «хуторского», Витя приотстал, присоединившись к выходящим из своего дома братьям Жилкиным.

Потолкавшись в качестве приветствия, сверстники сообщили новость:

— Саженцы нашли. Их Петянька выкопал и на своём огороде прикопал. Пошёл соседке предлагать за бражку, а она Клавке, дочке своей,

рассказала. Та разболтала. Пацаны залезли к нему в огород, а они там, в яме, землёй присыпаны.

— Говорят, и до учителей дошло, — завершил рассказ младший из присоединившихся, — что ж теперь будет-то?

Речь шла об инициативе нового директора школы. Ещё весной Зот Иванович вдохновил учеников, да и учителей, на посадку плодово-ягодных насаждений рядом с существовавшим с дореволюционных времён кленовым школьным садом. Ребятишки с удовольствием нарыли ямок и с помощью учителей посадили в них привезённые директором саженцы. За каждым учеником закрепили по два-три кустика, ребята заботились о своих питомцах, даже без подсказки педагогов бегали за водой на речку. И вот неделю назад обнаружили, что несколько яблоневых побегов исчезли.

— Что будет? — продолжил дискуссию старший. — Видать, в милицию директор сообщил. Там Петяньку знают, не раз в каталажке по пятнадцать суток сидел.

— Ну дядь Петя влетел, — включившись в дискуссию, Витя вспомнил историю знакомства местного выпивохи с предыдущим директором школы, — вот тебе и Полковник!

Два года назад очередной новый руководитель учебного заведения, по фамилии Солдатов, знакомясь в кузнице с мужиками, каждому называл фамилию. Пожимая протянутую руку, Петянька гордо отрекомендовался:

— А я тогда — полковник!

Солдатов вскоре уволили за пьянство, а дядя Петя получил ещё одну уличную кликуху.

Подходя к школе, приятели увидели толпу учеников, собравшуюся у фасада здания. Поодаль находились учителя и директор, жестикулирующий руками перед стоящим с опущенной головой выпивохой.

— Счас милиция приедет и увезут Петяньку, — отстаивал свою версию старший Жилкин. — Так и надо! Воровать нельзя!

— Посмотрим, — засомневался Витя, — раньше могли бы забрать. Что-то Зот Иванович интереснее придумал.

Интрига скоро разрешилась. Получив команду, учителя построили своих подопечных в линейку перед зданием школы.

Директор оглядел собравшихся. Классные руководители, кто строгим взглядом, а кто и шёпотом, пресекали шушуканье в строю.

— Здравствуйте, ребята, — поприветствовал собравшихся директор школы и продолжил тем же спокойным тоном: — К нам пришёл Пётр Иванович. Он что-то хочет сказать.

И, отойдя в сторону, оставил перед строем недоумевающих учеников мавшего в руках кепку сельчанина.

Над школьной лужайкой повисла тишина. Педагоги, переводя взгляд с замерших подопечных на «виновника торжества», поджали губы, ожидая развязки.

Оказавшись в центре внимания, дядя Петя растерялся и молчал, понулив голову.

Через минуту, скосив глаза на директора школы и встретив его строгий взгляд, поднял руку с картузом. Оглядев строй детей, Петянька с остревением бросил головной убор на землю и упал на колени.

— Простите меня, ребяташки, простите старого дурака, — изменившимся голосом прохрипел он. — Бес попутал, простите, — повторял старик, не вставая с колен и не поднимая головы. — Стыдно мне, дураку, простите.

Потом, поднявшись с колен, Полковник рукавом пиджака вытер повлажневшие глаза и, пошатываясь, подошёл к директору школы:

— Не присылай их с лопатами, Иваныч. Сам принесу. И ты прости...

И, не поднимая головы, побрёл к своей хате.

Привлекая внимание учеников, директор школы поднял руку и резюмировал:

— Ну вот, всё и прояснилось. Педагогам нужно провести обсуждение на классных часах.

Указав на раскрытую дверь школы, scomандовал:

— По кабинетам! В соответствии с расписанием!

Не прошло и половины первого урока, как младший Жилкин, ёрзая, поднял руку.

— В чём дело, Лёша? — Елизавета Михайловна, подойдя к ученику, заглянула в его тетрадь.

— В уборную надо, — морщась, мальчишка показал на живот.

— Сбегай, — согласилась учительница, — а я посмотрю, что ты успел написать.

Место для отправления естественных потребностей находилось в маленьком сарайчике, разделённом на два помещения с отдельными дверками для мальчиков и девочек, метрах в тридцати от школьного здания.

Возвратившись, Лёша, увидев, что учительница повернулась спиной к классу, шёпотом озвучил новость:

— Полковник с саженцами за кустами проходил. И лопата под мышкой!

— Ну вот, — прокомментировала Елизавета Михайловна, также разобравшая шёпот, — нехорошо воровать, стыдно людям на глаза попадаться. Задами ходить приходится.

Уже на первой перемене слух о визите в питомник дяди Пети прошёл по всей школе. Для контроля и, если понадобится, помощи ему директор направил дежурного учителя. Выглядывая из-за кленовых кустов, школьники с интересом наблюдали за исправительными работами нарушителя

и осознавали неизбежность наказания за покушение на чужое. Многие на всю жизнь сохранили в памяти ювелирно выверенный поступок педагога — Учителя от Бога.

После занятий Витя забежал в расположенное рядом со школой селпо¹. Здесь уже третий год продавцом работал Витин отец, получивший профессиональное образование в торговом училище вскоре после рождения младшего сына. «Кто-то из района приехал», — предположил школьник, ещё издали заметив у магазина старенький «Москвич». Автомобилей в частной собственности у односельчан в то время не было.

— Проходи, сынок, — расступились стоявшие у крыльца женщины, — чай, тебя пустят. Нам-то запретили — ревизия у твоего отца начинается.

За прилавком рядом с отцом размещалась грузная фигура Якова Семёновича — районного начальника, которого знали и побаивались все члены семьи местного продавца, даже дед Кондрат. Внимательно посмотрев на вошедшего парнишку, ревизор вытер платком давно лишённую растительности голову и, лёгким движением сбросив на нос большие роговые очки, протянул пухлую руку:

— Неужто младшенький так подрос?

И, переведя глаза на отца, изобразил улыбку:

— Смена нам растёт, Василь Иванович!

Выйдя из-за прилавка, Яков Семёнович взял Витю за плечи и глянул прямо в глаза:

— Продавцом мечтаешь стать?

Съёжившись, ускользая от прямого взгляда, Витя выдавил:

— Не... Я по железкам пойду.

— Они у нас к технике ближе, — подобострастно подтвердил отец, — особенно по электрике. Одиннадцать только, а поди ж ты, сам и пробки менять умеет, а как-то раз и вилку с розеткой отремонтировал.

— Молодец, молодец, — потрепав Витю по голове, ревизор, посерьезнев, глянул на проверяемого:

— Давай, Василий, я все приходные накладные заберу. Да и сальдовые ведомости предыдущей ревизии. Сравню с контрольными документами в райпо. Ну а с понедельника приеду снимать складные остатки. И, что на витринах, посчитаем. Да что тебе объяснять — не впервой, сам знаешь.

Получив документы, незванный гость пожал руку продавцу, похлопал Витю по плечу и исчез за входной дверью. С улицы послышался звук отъезжающего авто.

¹ Селпо — организационно-правовая форма сельского магазина в советский период, номинально создаваемого местными жителями для реализации товарных излишков собственного производства. Фактически они копировали в работе государственные торговые предприятия.

— Работать-то сёдни будешь, Василь Иванович? — заглянувшие в дверь магазина односельчанки обратили внимание на растерянный вид продавца, посочувствовали:

— Кажись, совсем настроение испортил приезжий.

— Да ничего, отпущу товар, кому ждать пришлось, — пытаюсь бодриться, отец изобразил улыбку, — но больше пускай не занимают. Документы собрать надо...

Обслужив покупательниц, отец пошёл закрывать входную дверь. Но створка вдруг распахнулась, и в проёме появилась фигурка тщедушного Петяньки.

— Погодь, Василий, — перешагнув порог, герой утреннего представления ударил себя в грудь, — душа выпить просит! Невмоготу мне. Такой позор пережил! Слышал, небось, вся деревня обсуждает! И чего не было — добавляют. В ногах, говорят, у директора валялся.

И, заметив прижавшегося в углу Витю, попросил помощи:

— Ну, скажи, внучок, валялся я в ногах пред вами или как?

— Нет, дядь Петь, просто на коленях прощения просил, — поддержал свидетель, — тебя прям жалко всем стало.

— Вот вишь, Иванович, и ребёнок подтверждает! — погладив дрожащей рукой Витю по голове, посетитель, прищутив глаза, снова обратился к старшему: — Не откажи, Иванович, дай четвертушку в долг! Душа горит! Как пенсию принесут, сразу к тебе. Отдам!

И, снова хлопнув себя в грудь рукой, склонил голову и застыл перед прилавком.

— Нет у меня четвертушки, Пётр Иванович, — развёл руками отец Вити, — недели две уже только пол-литрами водку привозят. А они вон — по три двенадцать! Считай, треть твоей пенсии. Да и не могу в долг, ревизия на носу. С понедельника закроюсь дня на три.

— Нет у меня рублей-то, — тяжело вздохнул посетитель и стал шарить по карманам, — ну-ка, мелочовку соберу.

Рассматривая витрину прищуренными глазами, скривил улыбку:

— Во! «Шипр» по шестьдесят копеек! Эт я наскребу.

— Отравишься же, Пётр Иванович, — продавец замахал руками, — а мне отвечать.

— Не бойсь, всё будет путём! — продолжил клянчить посетитель. — Разбавлю. Кружку дашь, вон целое ведро воды. Чай, не побрезгуешь, ополоснёшь потом посуду-то...

Как ни отнекивался продавец, но страждущему удалось выпросить пузырёк самого дешёвого одеколона. Получив желаемое, Петянька, открутив пробку, понюхал содержимое. Удовольствие выразилось закатившимися под лоб глазами. Поболтав жидкость, посетовал:

— Целых шесть гривенников отдал, а здесь всего-то пять напёрстков. Не больше, Иванович, клянусь!

Отец и сын, пытаясь скрыть презрение, исподлобья наблюдали за процессом использования реализованного товара. Сделав умилённое выражение лица, посетитель торговой точки взял кружку с водой в правую руку, левой опрокинул содержимое флакончика в широко открытый рот. Навстречу вливаемой воде из глотки выпивохи показались пузыри, спадая по лицу на одежду и пол.

Отряхнув с себя остатки блаженства, он, поставив недопитую кружку на прилавок, двинулся к выходу.

— Иди закрой дверь, сынок, — проводив посетителя, отец перевёл взгляд на Витю, — сейчас соберёмся и домой пойдём. Надо матери про ревизию сказать...

ОТЕЦ

Отец пришёл с работы выпивши. Бросив на кровать связку ключей от магазина, сел под образами, уронив голову на стол. Догадываясь о причинах плохого настроения родителя, братья удалились в чулан доедать оставленную матерью жареную картошку.

— Давай, Вить, с огурцами, — старший достал из-под стола початую банку солений.

Мать ещё в конце лета засолила и спустила в небольшой погреб десятки разнокалиберных ёмкостей. Лазать за ними было одним из любимых занятий детей.

Кивнув на прикрытую дверь в горницу, младший высказал предположение:

— Видать, дядя Яша опять много насчитал. А мама кормила-поила его...

— Да при чём здесь ревизор! — вздохнув, старший махнул рукой. — Невнимательный у нас папка! Лишнего доверчивый. В этом беда! Раздаст товар под зарплату или пенсию, а записать забудет. Или зайдут в сельпо мужики, выпьют две-три бутылки, нальют отцу стакан, и он: «потом принесёте деньги». И забудет. А они разве сами напомним!

— Счас мама придёт, орать будут, — снова предсказал Витя, сгребая ложкой пригорелые остатки картошки.

— Эт законно! — согласился старший. — Ты не защищай отца-то. Мама разойдётся, и тебе достанется.

Услышав скрип сенной двери, ребяташки замолкли.

— Лёнька, включая сепаратор, пропускайте, — слова команды слились со звяканьем подоюника, — сёдня Нарядка хорошо молочка дала.

— У нас что, праздник сегодня? — видимо, подойдя к отцу, мать прокомментировала его состояние. — Чевои-то отмечали?

— Да Яков Семёнович акт ревизии привёз, пришлось угостить, — послышался неуверенный голос родителя.

— Его ты угостил, ясно. Как хозяин. Надо! — в материнском голосе послышались металлические нотки. — А сам-то с какой радости напорлся?

— Да я за компанию только, — оттягивая объяснение, отец пытался перейти на доверительный тон. — Семёныч два гранёных опрокинул — и за руль. Кто ж его остановит? Он от КРУ² работает. Ну а мне меньше стакана осталось...

— Хватило и этого, — мать пресекла словоохотливость супруга, — мозги не морочь. Сколько в этот раз наколбасил?

— Да немного, — замямлил отец, — как прошлый год. Двести двадцать рублей всего-то...

— Батюшки мои! — мать всплеснула руками. — Три зарплаты! Эт ты как же столько профукал? Кто же тебя, дурака, так объегорил, я спрашиваю?

— Да сам не пойму, Насть, — пожал плечами ответчик, — вроде, кому в долг даю, записываю. Ладно бы десятку-другую. Вон ребятишкам конфетки приносил, печеньки... Бутылку, сама говорила, возьми, с зарплаты вложишь. Ну это когда с братом Николаем на Новый год вместе собирались...

— Ты мне зубы-то не заговаривай! — снова остановила монолог мать. — Это всё по мелочи. Знаю, пропил с друзьями.

И заголосила:

— Эх, горе моё, горе! Как по жребию! Вот такие только и остались. Наших женихов война забрала. Дурак дураком, хоть и учился. Торговое окончил, нате вам бумажку! А толку? Дурак наголенный!

— Сама дура, — попытался огрызнуться отец.

И сразу получил ответку:

— Я? Дура? Правильно — умные с тобой не жили! — В очередной раз напомнив о неоднократных попытках супруга создать семью ещё до войны, при строительстве Комсомольска-на-Амуре.

Упав на кровать, мать заплакала. Дети попытались успокоить, обняв родительницу за плечи. Витя также захныкал.

— Не плачь, мам, — посерьёзнев, старший встал перед кроватью на колени, — я сам на велосипед заработаю! Все каникулы буду с мотыгой ходить, вот увидишь!

Быстро взяв себя в руки, матушка встала и, подойдя к супругу, поставила вопрос ребром:

— Что будем делать-то? Разоритель!

Решив, что пик скандала пройден, виновный попытался перевести обсуждение в конструктивное русло:

— Что-что? Пойду к Наташе просить взаймы. Чай, не даст братцу родному в тюрьму садиться. У них есть! Племянш Пашка на комбайне

² КРУ – контрольно-ревизионное управление при Министерстве финансов – высший контролирующий орган в СССР.

хорошо зарабатывает. Вон какой мотоцикл приобрёл! «Паннонию»! Венгерская машина!

— Эх, — у матери на глазах снова появилась влага, — люди зарабатывают! А этот только прорабатывает. За что Бог наказал-то так? А долг с чего отдавать будем? Подумал?

— Да вон тёлку под нож можно... сотни две за мясо возьмём, — негромко предложил растратчик, — корова-то ещё ничего, пять телков³. Прежде чем сдавать, новую полуторку⁴ вырастим.

— Совсем сдурел! — возразила хозяйка. — Коровьими деньгами за твою дурь расплачиваться? И думать не смей! На дом копить буду! Так и будем под соломенной крышей жить? Дети растут, учатся хорошо, за них стыдно. Подрастут — куда невест приведут?

— Да ведь у меня недостача, мать! — незадачливый продавец попытался уйти от ответа. — Это же хорошо! Вот если бы излишки нашли, тогда беда — я вор. А значит, тюрьма. Займём и отдадим! Не плачь! За недостачу не сажают. Только если вовремя не внесёшь — на «химию». Вредная работа, но без оплаты. В счёт погашения.

— Чем хвалится! Чем хвалится! — вновь взявшись за голову, мать закачала ей из стороны в сторону. — Горе мне, горе! Да лучше бы ты сел в тюрьму!

И, прижав к себе сыновей, кольнула взглядом супруга:

— Бедные мои! Не отец, а отчишка.

— Ты что так меня коришь! — отец вышел из себя. — При детях! Не смей! Сам знаю!

У него тоже покатались слёзы:

— Жить не хочу! Пойду удушусь! Дай верёвку!

— Верёвку? — глаза матери налились злобой. — Вон она, за печкой!

Отец, схватив вожжи, сунул их под мышку и выскочил на улицу.

Мать, плюнув вслед супругу, с невозмутимым видом прошла в чулан и, открыв крышку сковороды, констатировала:

— Поели, молодцы!

Выйдя из оцепенения, дети запаниковали.

— Папку жалко, — захныкал младшенький. — Зачем ты так, мам...

— Пойду посмотрю, где, — процедив сквозь зубы, старший двинулся к двери.

— Стой! — властно скомандовала мать и перевела взгляд на Витю: — Не хнычь! Сказала: собирайте сепаратор. Что, будем ждать, когда молоко прокиснет?

И успокоила:

³ Возраст коровы определяли количеством рождённых телят. После седьмого обычно кормилицу сдавали на мясо, заранее выращая ей смену.

⁴ Тёлка полутора лет, обычно уже огуленная быком и готовившаяся стать кормилицей.

— Духу не хватит! Займитесь делами.

Собирая аппарат, ребята нервно косились на окна и дверь.

Отец появился минут через пятнадцать.

— Оборвалась, што ль? — облегчённо вздохнув, прокомментировала мать, не увидев верёвки.

— В сенях оставил, — отвечал отец. И, присев на застеленную кровать, сообщил: — Я вот что решил, Насть. Расплатимся с долгами — уволюсь из торговли! Не для меня это. Поговори со Степаном Ивановичем. На любую работу соглашусь. Хоть с мотыгой, как ты...

Помолчав, мать стала рассуждать вслух:

— Это правильно. Давно пора было развязаться с магазином. Одни убытки. С мотыгой, конечно, не с руки. Мужик... Мне-то, бабе, куда ещё? В колхоз к сплетницам? Не по мне... Поговорю с лесничим. Мужика, слышала, ищут. Помощником трактористу. На плуге, на культиваторе сидеть. Прицепщиком это называется.

— Прицепщиком так прицепщиком, — согласился отец, — я же по первой специальности токарь. Да и на фронте самолётам хвосты крутил. К железкам срушный.

— До денег тебя допускать нельзя, — подвела черту мать. — Давай закругляйся с сельпо. И к сестре иди. Вместе дурака выкупать будем.

БАБУШКА

На следующий день отец снова пришёл поздно.

— Садитесь вон за стол, — приглашая мужа и сыновей, мать старалась выдержать миролюбивый тон. — В Лексевке торон на семена заготовливали, в магазин зашла, скумбрии свежей купила, ешьте, с лучком пожарила. Всегда у неё, у Валентины-то, продавца ихнего, товара больше, чем в сельпо. И свежее всё! Вот ещё и мальчишкам вафли взяла, пусть полакомятся.

— Конечно, лучше, — поддерживая спокойную атмосферу, согласился хозяин, ополаскивая руки из-под умывальника, — у них снабжение централизованное, в магазин везут прямо с областных складов. Она заявку каждый вечер по телефону диктует. А у нас — что райпо выделит, на том и спасибо.

Поставив большую сковороду с кушаньем на стол, хозяйка строго посмотрела на мужа:

— Ну, рассказывай. Чай, дала в долг Наташка-то?

— Дала, сестра ведь, — сообщил отец, — ну и отругала, конечно. Да не как ты, а по-матерному. Хотя, говорит, траты предстоят большие... Я уже и отвёз в райпо. Председатель как раз машину посылал с кассиром. В банк, за зарплатой. Мне и повезло с попутной — и туда, и домой.

— По-матерну... Это она умеет, известная скандалистка. Да все по вашей крови такие. Твой брат Николай вон как орёт на ферме! На доярок,

сказывают, больше, чем на коров. Бога не боитесь, — прокомментировала мать. — Правду говорит: бить тебя надо. Вожжами, с которыми душился бегал. Пусть приходит! Я подержу, а она пушай порет. Старшая сестра, должна была помогать матери воспитывать тебя, дурака.

Отец, чувствуя вину и не желая продолжения конфликта, играя желваками, молчал.

Вспомнив его слова, мать уточнила:

— Эт какие же у них затраты? Ты сказал.

— Пашка жениться собрался — вот! — отец с удовольствием переключился на другую тему. — Завтра с дружками сватать едут в Огарёвку.

— Эт кого же он присмотрел? — загоревшиеся интересом женские глаза препроводили вопрос. — Чья будет?

— Лидка какая-то, — с воодушевлением начал рассказывать отец. — Кто знат? Нет у них родни в нашем селе. На улицу всё лето ездил на мотоцикле своём, вот и снюхались. Да вроде как у всех: отец — тракторист, мать — доярка. Чай, на свадьбе познакомимся...

— Тебе лишь бы повод напиться, — мать оборвала словоохотливость супруга. — Свадьба! Снова затраты! Ты — родной дядя, рубль на поклон не положишь. Не меньше пятёрки. За двоих — красненькая! Где её брать-то будем? Подумал?

— Да, чай, не завтра свадьба-то, — уклоняясь от ответа, отец пожал плечами, — найдём где-нибудь.

— Так никто не потерял, — продолжила приземлять супруга хозяйка. — Найдём! Дальше смотри — после свадьбы что бывает? Молодых брать?⁵ Надо! Ещё человек десять за стол... Наташа сама, семья вашего брата, дядю Колю с Марфуней. Новых сватов также позовёшь. А там, может, сёстры-братья у снохи-то? Считай! Все пятнадцать будет! И всех угощать...

Отец удручённо молчал.

Поняв, что перебранка затягивается, а до ужина ещё далеко, Витя собирался:

— Пойду бабушку проведу.

— Сходи, — согласилась мать. — А ты, Лексей, за водой сбегай! В нижний колодец, за свеженькой.

Сразу при входе Витя почувствовал неладное. Бабушка лежала не как обычно на сундуке, а на кровати. Дед, в очках, придвинувшись к окну, что-то разглядывал, поднося к свету.

Услышав скрип открывающейся двери, он, повернувшись от окна, обратился к вошедшему:

— Слава богу, что внучек пришёл. На-ко, прочитай, что здесь писано. Приболела баушка, опять с сердцем плохо...

⁵ По существующей в те годы традиции наиболее близкие участники свадебного торжества должны были в течение месяца-двух устроить продолжение праздника на своей территории. Это называлось «Брать молодых».

— Да здесь обычная глюкоза, дедя, — принимая большую, размером с книжку, коробку, Витя извлёк одну из ампул и предложил: — Давай расколём горлышко, в ложку нальём, и бабуля выпьет. Я видел, как мама это делает.

— Это и я много раз видел, — поддержал дед, — да с глазами плохо, мимо горлышка ударю ножичком — и всё на пол.

— Да вы бы Настю позвали, — пытаюсь встать с кровати, больная протянула руку. — Помоги, внучек. Набедокурите с лекарством. Проверит, то ли взяли, аккуратно расколёт...

— Не надо их тревожить. Скандал у них, — возразил дед, — Настя скрывает. Даже нам не говорит, а вся деревня знает. Проторговался Василий-то. Опять наугощал мужиков. Они ему отольют стакан, а он «ладно, потом...» про оплату-то. Наташе молчать бы, а она расхвалилась: «Откуплю братца».

— Какой там откупит, — приложив руку к сердцу, бабушка покачала головой, — опять Настя в долги влезет.

«Зря дедушка рассказал, расстройства добавил», — мелькнула у Вити мысль, подтолкнув его взять проблему в свои руки. И вслух сказал:

— Давай, деда, я расколю.

Взяв ампулу за донышко и наклонившись над помойным ведром, Витя, насколько смог осторожно, ударил тыльной стороной лезвия по стеклу. Но инструмент соскользнул с толстостенной верхней части. Удар пришёлся по самой ампуле. Инстинктивно, пытаюсь удержать стекло, мальчишка сжал пальцы. Уколовшись, они так же самопроизвольно расслабились, ампула вместе с остатками содержимого упала в ведро. Вслед с ладони закапала кровь.

— Эх, внучок, — покачал головой дед, — да я лучше бы сам.

— Говорила вам, набедокурите, — донеслось с кровати. — Сходи, внучок, за матерью. Молчать будем про растрату-то...

— Ты лучше за Людмилой Васильевной сходи, — дед скорректировал задачу. — Она с сумочкой придёт. У неё там всё, что надо. Может быть, сразу укол в поддержку сердца сделает.

Выслушав сбивчивый рассказ ребёнка, медик раскрыла профессиональный ридикюль:

— Давай сначала тебя восстановим.

Быстро перевязав пораненный палец, фельдшер похлопала Витю по плечу:

— Вот на медбрата выучишься — помощником мне будешь. Пойдём.

В доме, у постели больной, сидела Витина мать, стряхивая в ложку содержимое ампулы через аккуратно сколотое отверстие на кончике.

— Ну вот, вы уже сами... — констатировала фельдшер, не подходя к больной, которая проглатывала целебный раствор из рук дочери.

Дождавшись, когда та отошла, Людмила Васильевна взяла ситуацию в свои руки:

— А теперь, бабушка Дуня, полежи спокойно, я давление и пульс измерю.

Вынув из ушей трубки фонендоскопа, подтвердила:

— Упало давление. Да и пульс слабенький. В поддержку сердца уколю. Включи, дядь Кондрат, электроплитку, воды поставь плошку, шприц прокипятим.

Сделав инъекцию, фельдшер проинструктировала:

— Отдыхает пусть бабушка. Поесть надо чего-то легонького. Фруктов, если есть...

— Это мы сейчас, — принимая эстафету, мать уточнила: — Папаньк, там, в шкафу, магазинные груши заливные оставались.

— На нижней полке они, — подтвердил хозяин, — с прошлого года храним для такого случая.

Достав стеклянную банку, мать передала её Вите.

— Открой, смотри только и эту не разбей!

В этот раз задание мальчишка выполнил на отлично. Отложив металлическую крышку, он, сглатывая слюну, протянул матери полную банку прозрачного сиропа с наливными фруктами, надеясь, что бабушка, как обычно, испив кружку напитка, предложит отведать и любимому внуку. Так и получилось. Деликатесы в доме были редки, и Витя, растягивая удовольствие, смаковал каждый глоток.

Поняв, что ситуация нормализуется, фельдшер, пытаясь из женского любопытства вызвать хозяев на откровенность, прокомментировала возможную причину нездоровья:

— Не расстраивайся за всех, баба Дуня. Всё рассосётся.

Переглянувшись, домашние сделали вид, что намёка не поняли. Уже от двери фельдшер улыбнулась Вите:

— Ну, дай бог, медбрату прибегать за мной не придётся. Здоровья вам всем.

ВЕСТИ ИЗ ПРОШЛОГО

Едва успела бабушка Дуня налить в блюдо суп, а внук с дедом взяться за ложки, как в дверь постучали.

— Это кто там? — удивлённо вскинул брови хозяин и, посмотрев на Витю, дал команду:

— Ну-ка, открой!

Вообще-то учителя рассказывали, что, приходя без приглашения, культурные люди стучат. Но делалось это только при посещении учительской, поэтому, разделяя недоумение деда, парнишка замешкался. Но дверь распахнулась сама, и на пороге оказался крупный моложавый мужчина с богатой шевелюрой, спускающейся до плеч. Окинув пытливым взглядом скромное жилище, вошедший произнёс:

— Ну вот так примерно я и обрисовывал вашим сродникам...

И только затем протянул руку хозяину:

— Здорово, дед Кондрат! Не узнал?

— Серёжка, што ль? — присмотревшись, предположил хозяин. — Давненько ты из села пропал... Сказывают, куда-то в Сибирь завербовался. Ну, садись, рассказывай.

И обратился уже к своим:

— Внучок, уступи. Мать, это Петра Афанасьевича племяш. Озорник в детстве был. Бригадиром я его с гороха кнутом гонял.

Присев на стул, гость, сделав серьёзное, с элементами торжественности лицо, заявил:

— Я к вам с хорошей новостью. Привет большой тебе, баб Дуня! От родной сестры Варвары. И письмо есть!

Замерев, бабушка приоткрыла рот и, разводя руками, выронила подаваемую на стол ложку.

— Вот-вот, — заулыбался пришедший, — к месту и ложка упала! Приедет сестрица. Надеюсь, пригласят, говорила...

— Погодь, погодь, мил человек, — прошептала старушка, — эт как же?

Голова у бабушки затряслась. Присев на сундук, так же негромко промолвила:

— Была... Да... Варя. С отцом и братьями осталась.

И пояснила супругу:

— Эт когда тебя на германску взяли, а я сюда вернулась. Мы с ней списывались потом. Долго, до самих колхозов. Я уж и не чаяла её увидеть-услышать, писать друг дружке бросили. Голодовали же кругом. Думала, и в живых-то нет сибирских сродников.

— Да я её и не помню, — неуверенно пожал плечами дед. — Вроде какая-то бегала девчонка, лет на пять тебя моложе. Самой-то тебе, когда молоденькую по Столыпинской реформе в Сибирь увёз, шестнадцать было.

— Жива она, баб Дунь, жива, — продолжая улыбаться, гость вынул запечатанный конверт. — Вот тебе, велено из рук в руки. Да она говорит, там, в Иркутской области, ваших Желтухиных много осталось. Бери конверт-то.

Спрятав задрожавшие руки за спину, бабушка нерешительно глянула на Витю:

— Возьми ты, внучек.

— Эт как же ты её нашёл-то, Сергей Петрович? — оправившись от удивления, заинтересовался дедушка. — Мужик, семья у ней есть? Дети уж, поди, большие, внуки?

— Как я мог искать, дядь Кондрат? Случайно получилось, — начал рассказывать гость. — Уехал я в Сибирь, завербовался в строительное управление, на взрывотехника выучился, корочки получил. Второй раз-

ряд уже! Гидроэлектростанции строим. Про Братск слышали? Наших рук! Платят — не горюй! Бывает, и шабашка подвернётся. Подрядились колхозу речку перекрыть. У нас как раз простой был. Мы за три дня скалу в русло свалили, а дальше они уж сами бульдозерами грунт засыпать стали. А в посёлке этом, Новоленино называется, гостиницы нет, по местным расселились. Мы с хозяином, Иван Лукичом зовут, за бутылочкой разговорились, он спросил, откуда, мол, ты родом. Я про нашу деревню и рассказал. Тёща его нас подслушала: «Откуда, говоришь?» Прямо как ты, баб Дунь, говор такой же. Сёстры же. Ну и разговорились... Ну вы читайте письмо-то, там все подробности, наверное, — вставая, гость пояснил: — Я же на один день к дяде заехал. Да и вам вот занести надо было...

Когда посланец вышел, дед осенило:

— Эх, мать, не угостили земляка-то. Надо было налить...

— Да он, может, и не пьёт, — засомневалась хозяйка, — тебе лишь бы...

— Он же рассказывал, что с зятем бутылку раздавили, — дед двинулся к двери — догнать.

— Куда ты? Сиди, — возразила хозяйка, — не позорься.

— Ну да, — остановившись у двери, дед занял привычную для курения позу — облокотился локтем на колено поднятой на приступок ноги. Достав кiset, дал команду:

— Читай, внучок!

— Здравствуйте, дарагая радняя систрица Дуня, — сохраняя стилистику, с трудом разбирая текст, Витя стал озвучивать содержание послания, — вапервых страках сваева писма сабщаю, что пака тожа жива. Горячай привет дарагому братцу Кондратию, дарагой плимьяницы Насти и иё деткам...

Все четыре страницы послания из далёкого сибирского села Витя читал вслух ещё не раз — и старшим, и своим родителям. На семейном совете решили звать вновь обрётённую родственницу в гости.

— Да она тоже престарелая уже, — волновалась бабушка, — ладно, до станции поезд довезёт, а в деревню на чём? Когда младшеньких-то отец увёз, ей и десяти лет не было. Мотри и не помнит, в какую сторону ехать, на чём... Мы-то тогда на лошади отправлялись.

— Не дрейфь, мать, — успокоил дед, — я поеду на станцию встречать. Пропиши, внучок, чтобы телеграмму дала: на каком поезде, когда у нас будет.

— Да как ты её узнаешь-то? — бабушка продолжала сомневаться. — Кака она? Народу-то, поди... Я бы не узнала, еле помню...

— А я вапче не помню, — признался дед, — да не много сейчас на станции выходят. Узнаемся как-нибудь.

Телеграмму принесли после обеда. Дед сходил к «меньшаку» — его младший брат ежедневно возил с колхозной фермы молоко на маслоза-

вод и назавтра взялся подбросить до автобуса, который ходил к железнодорожной станции.

Опасаясь пропустить момент приезда, Витя отпросился с последнего урока, с трудом объяснив учительнице семейную историю и степень родства ожидаемой гостьи.

— Теперь поняла, — внимательно выслушав сбивчивый рассказ, Елизавета Михайловна разложила информацию по полочкам: — Значит, твой прадед за участие в событиях первой русской революции был сослан в Сибирь. Узнав, что прабабушка умерла, вернулся и забрал младших детей. А старшую дочь — твою бабушку Дуню — просватал за деда Кондрата. И они после венчания переехали туда уже по Столыпинской реформе. Но вскоре началась Первая мировая война — деда мобилизовали, а бабушка вернулась дожидаться его здесь.

И, подняв глаза, посчитала:

— Это сколько же лет сёстры не виделись? Выходит... около пятидесяти!

Похлопав ученика по плечу, констатировала:

— Вот она — История. Не по книжке, а по жизни. Ну, иди. Расскажешь потом.

Деда Витя встретил у дома. Одного, сидящего на завалинке.

— Погодь пока, — движением руки остановив внука, дед пояснил: — Сначала расплакались сёстры, а потом в чулан обе ушли. На коленях Богородице молятся, за встречу благодарят.

— Как же ты узнал её, дедуль? — поинтересовался Витя, нетерпеливо косясь на дверь.

— Ты думаешь, много приехали этим поездом? Не, человек семь всего. И быстро разошлись. Женщина одна осталась, ходит туда-сюда. Я ей: «Вы Варвара Андриановна?» А она: «Кондрат Андреич, поди?» Ну и обнялись! — поднявшись, дед двинулся к двери. — Пойдём. Не межуйся — свои.

Сидящая рядом с бабушкой тётя не была её копией. Всё оказалось крупнее — рост, овальное лицо, пухлые руки. И вся фигура — прямая, демонстрирующая строгость и достоинство. В отличие от родной бабки: скромное, подчеркивающее кротость лицо; худенькая, редко разгибающаяся в полный рост фигура; изборождённые жилами натруженные кисти.

Поднявшись, она протянула ребёнку обе руки и широко улыбнулась:

— Так вот ты какой, любименький! — и, как бы за разрешением оглянувшись на сестру, добавила: — И мне внучком будешь. Идём!

Осмелившись пересечься взглядами, Витя встретил знакомые, лучащиеся лаской глаза, обрамлённые тонкими ресницами и почти незаметными бровями. И, растворяясь в их ставшей вдруг родной доброте, смело шагнул навстречу старушке, о детстве которой так много наслушался в последние недели.

Крепко обняв сразу расслабившегося ребёнка, баба Варя погладила Витю по голове и, поставив на стул большую дорожную сумку, промолвила:

— Тут вот гостинцы.

Увидев содержимое верхнего пакета, Витя обомлел — там было целых три шоколадки.

Вручая самую большую, гостя прокомментировала:

— Вот это тебе от нас с тётей Леной — дочку мою так зовут.

Дождавшись, когда осмелевший ребёнок принял подарок, достала ещё две поменьше и продолжила:

— А это от брата Коли и сестры Нины. В четвёртом поколении родные — у вас общие прадед и прабабушка были. Наши с Дуней родители — Андриан Петрович и Елизавета Антоновна.

Замершего с подарками в руках ребёнка из ступора вывела бабушка:

— Одну-то сейчас съешь, внучок, а другие давай в шкаф спрячу. Потом как-нибудь. Что сказать надо?

— Спасибо, — выдавил из себя Витя, зачем-то протягивая бабушке весь подарок.

— Старшему я отдельно приготовила такой же, — уточнила гостя и, покопавшись в сумке, достала запечатанную сургучом большую бутылку. Ещё более заулыбавшись, протянула ёмкость хозяину:

— Это тебе, братец, от мово зятя, Ивана Лукича. Сам гонит, сам и запечатывать научился. Скусная, говор-я-я-т. Сама-то только винцо употребляю. На смородине настаиваю...

Приняв подарок обеими руками, дед удивлённо вскинул брови:

— Эт сколько же здесь? Неужто...

— Да, браток, четверть⁶, — подтвердила приезжая. — Лукич наказывал: можа, там много сродников соберётся. Поставишь на стол, пусть все сибирский самогон попробуют.

— Эт серьёзное намечается, — переходя на деловой тон, дед предложил: — Давай сёдня-завтри отдохни, гостя дорогая. Если надо, у соседки разрешения попрошу — баню вам с Дуней истоплю. А на неделе соберём родных, перескажем друг другу, как жили-выживали. Эт скока прошло-то? Мы ведь при советской власти-то и не виделись...

— Нам бы, Кондрат, и тетю Аню из райцентра привезти, — предложила бабушка.

И, обращаясь к сестре, пояснила:

— Тётю Аннушку помнишь? По материнской линии она. Шувалова, сестра мамина, младшая. Да она, кажись, и крестила тебя. Меня-то на семь годков старше. Но ещё на ходу!

И снова деду:

— Ты, отец, попроси меньшака — молоко на маслозавод повезёт, пусть и захватит оттуда.

⁶ Четверть — старорусская мера объёма ¼ ведра — 3,0748 литра.

Собрать всех сродников по бабушкиной линии удалось только на пятый день.

Вите с братом нашлось место на одном большом стуле. Быстро насытившись, мальчик переместился на печку, с высоты наблюдая за происходящим и внимая разговорам.

А вначале, пока ещё ожидали задержавшегося «меньшака» (хоть и по другой линии родственник, но самый близкий, к тому же шофёр), Витя, вмешавшись в разговор старушек, перевёл дискуссию на космическую тему.

— Не, там ничего твёрдого нет, — опровергая надежды старушек на возможное место будущей встречи, ребёнок привёл весомый аргумент: — Гагарин летал, нет там неба! Безвоздушное пространство. Со всех сторон. Земля-то круглая, крутится вокруг своей оси — отсюда смена дня и ночи. И вокруг Солнца кружится. За год один оборот.

Взрослые неодобрительно поглядывали на школьника. Мать сдерживала желание одёрнуть сына, поскольку только что поделилась отзывами учителей о его начитанности.

Старший брат молча наблюдал за разгоравшейся дискуссией.

Оппонировала ребёнку бабушка Аня. Не только по старшинству, но и как признанный среди богомольного населения района авторитет в вопросах веры.

— Ладно, пусть крутится Земля. И вокруг себя, как юла, и вокруг Солнышка. А вот ответь, мил человек, почему — то лето, а то зима? Если она крутится себе ровненько, раз за год, Солнышко то высоко ходит, а то низенько? — шамкая беззубым ртом, молвила старушка.

Витя замялся. Слышать о смене времён года в школе приходилось, учительница даже демонстрировала опыт с маленьким глобусом, вращавшимся на кронштейне вокруг электрической лампочки. Но повторить слова педагога, которые сам не до конца понял, он не решился.

Выручил старший брат, объяснив, что сезоны меняются, поскольку земной шар вращается вокруг светила «лёжа на боку».

— Ладно, будет умничать! — завершила разговор мать, увидев в дверях брата своего отца. — Налей, папаньк, всем по чуть-чуть.

Узнать в этот день о прошлом своего рода удалось много. Запечатлённая в памяти мальчишки информация стала всплывать через десятилетия, когда Витя сам оказался в годах, недалёких от тогдашнего возраста рассказчиков. И она подвигла к поискам подтверждения полученных в детстве сведений в фондах архивов и в других первоисточниках.

Уже тогда, на рубеже первого и второго десятилетия своей жизни, он узнал, что отец бабушек (и родной, и приехавшей в гости), дав жизнь ещё десяти детям (от трёх жён), во времена НЭПа успешно вёл хозяйство в селе Красная Кама Иркутской области: имел покосы, пашни, скот. Дружил с местными авторитетными бурятами. Но, погнавшись за ещё

лучшей долей, переехал в село Шушенское, где заболел и нашёл вечный покой в 1927 году.

Забрав оставшихся младшеньких (последняя супруга также умерла), старшие братья (родной для бабушек Иван и сводный Василий) вернули их в Иркутскую губернию. В начавшиеся вместе с коллективизацией голодные годы кормились около Ивана Андриановича, который, пойдя по «партийной линии», стал большим областным начальником. Но тот в начале тридцатых был репрессирован, и большая семья распалась. Двое детей попали в приют, несколько переехали в семью Варвары, другие растворились в городе. Боясь оказаться членами семьи врага народа, некоторые от родства отрекались. В последующем Иван Андрианович Желтухин мотался по тюрьмам и лагерям, сгинув где-то «на Северах» уже после Великой Отечественной войны. Тогда, в неполные десять лет, узнав от бабушки Варвары о судьбах сибирских родственников, Витя сохранил интерес к истории своих предков на всю жизнь.⁷

Бабушка и раньше делилась с внуками рассказами о своей жизни. Но в силу природной скромности вспоминала только об отдельных фрагментах, без подробностей. С сестрой после пятидесяти лет разлуки была откровеннее.

— Вернулась одна в деревню, когда самого⁸ на германску забрали. Прислугой у свёкра жила, Фёкле Фёдоровне на кухне помогала, народу-то в семье много было. Николай вон ещё под стол бегал, — бабушка кивнула в сторону «меньшака» и продолжила:

— Пришёл сам с войны весной после Октябрьского переворота, а к осени уже красные на гражданку забрали. Опять ждала. В прислугах. Хозяин-то, Андрей Сергеич, ох, строг был. Только глянет...

— Я же у Фрунзе с Колчаком воевал. Сначала на Урале, — включился в разговор дед Кондрат. И, вспомнив важное, продолжил, посерьёзнев: — Там вашего родного братца видел. Среди пленных белых. Много их тогда взяли под Екатеринбург. Яшкой, што ль, его звали-то? Посудачили с ним. И дальше их, пленных-то, погнали. Просил, чтобы не обижали сродника. Да ведь кто знат.

— Яша, Яша, — подтвердила бабушка Дуня, — старшенький. Мама его через год после меня родила.

— Был, был такой, Яшенька, — согласилась и другая бабушка, тяжело вдохнув, — как забрали на войну при Колчаке, так ни слуху ни духу. Сгинул...

⁷ Уже сам став дедом, разыскал потомков бабушки в третьем поколении, встречался с ними во время поездок в Иркутскую область в 2004 и 2024 годах и во время их приездов в европейскую часть России. Подробности судьбы И.А. Желтухина описаны в очерке «Аз есмь» из книги автора «По дороге домой», вышедшей в 2015 году.

⁸ Супругов пожилого возраста в русской деревне редко называли по именам. Величали — «отец» или «сам», соответственно — «мать» и «сама».

— Дальше Урала-то наша часть не воевала, — завершая реплику, дед, не выходя из-за стола, достал кисет, — в Среднюю Азию перебросили. Басмачей гонять. На бахчах кормились. С тех пор дыни на дух не надо!

— Дальше-то как жили? — продолжая рассказ, бабушка вздохнула и сама ответила: — Начали подниматься, Настю вот родила, мальчишек троих. Тут в колхоз сгонять стали. А потом голодовка. Отняли всё, что успели нажить по хозяйству. И лошадку, и коровку, барашек только оставили. Мёр народ... Барашек-то подъели. И Алексея, и Сергея, и маленького Федюшу похоронили. Доченька одна и осталась...

Бабушка, головным платком промокнув повлажневшие глаза, замолчала. Дед крикнул. «Меньшак», прикурив от самокрутки старшего брата, глубоко затянулся дымом.

Пауза завершилась тяжёлым вздохом мамы и её непривычно тихой репликой:

— Да ведь я благодаря им и живой-то осталась. Последний кусочек братья мне отдавали.

Поделилась воспоминаниями и старшая из гостей — Анна Антоновна Шувалова. Рассказала, почему так и не создала семью: в трудные годы первой трети XX века выживала около церквей. Что было весьма нелегко, учитывая наступившее гонение на православную веру. Дружила с вдовой священника местной церкви Иоанна Агриковой Анной Константиновной, которая после революции доживала свой век у дочери в Пензе. Рассказала о трагической судьбе сына Агриковых Николая — организатора разграбления дворянского имения в соседней Отраде в годы первой революции, осуждённого на год тюрьмы (именно за участие в этом деянии Андриан Петрович Желтухин был сослан в Сибирь), а в последующем разочаровавшегося в советской власти и покончившего с собой в начале тридцатых. Другие дети Агриковых, по большей части уехав в Германию, до недавнего времени (пятидесятые годы XX века) приезжали поклониться месту упокоения родителей.

Тётя Анна призналась, что, тесно общаясь с семьями священников, удивлялась их светскому поведению в быту. Употребление мясной пищи в пост, яиц в Страстную неделю не возбранялось, не отказывались священнослужители и острограммиться на сон грядущий.

Наслушавшись рассказов тётки супруги, дед Кондрат добавил и свою историю.

— Возвращаясь в Великий пост со священником из уездного города, заехали к родственникам погреться. Прежде чем принять горячительное, попросили благословения. «По одной чарочке нам, как странствующим, не грешно», — подставляя стаканчик, великодушно разрешил поп. Мужикам показалось мало. «А ещё, батюшка?» — вопрошающе посмотрели они. «Ну, в обе ножки», — поддержал тот общее настроение. А вскоре предложил уже сам, выдвинув непререкаемый аргумент: «Бог троицу

любит». Нашёлся священник и в следующий раз: «Дом без четырёх углов не бывает». А дальше уже и не помню, — завершил рассказ дедушка Кондрат, взяв в руки сибирский подарок.

Много нового узнали мы с братом при той встрече с уходящим поколением родственников. Немало осталось и вопросов, в поисках ответов на которые, увы, проходит и наша жизнь...

ЛЕТНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

— Мам, нынче День молодёжи, — с утра заявив о своих планах, братья стали демонстрировать послушание, — скажи, что поделать, мы быстро управимся и к обеду пойдём.

— Там столько всего будет! И песни, и танцы, и сладости привезут продавать — шоколадки, ситро, пирожки, печенья разные! — в предвкушении «хлеба и зрелищ» стал перечислять младший.

— Сначала председатель с агрономом расскажут, как сев прошёл, — добавил старший, — итоги подведут, грамоты и подарки раздадут. А кому и денежки в конверте. В волейбол наши с командами из других сёл играть будут. Неужто опять марьевские всех победят?

— Да я не против, — пожала плечами мать, — вон огород прополите до жары, поешьте, чай, не на пустой желудок идти. Своё-то бесплатно. И ступайте, а помидору вечером польёте.

Опасаясь, что придётся довольствоваться только зрелищем, Витя вопросительно посмотрел на старшего. Тот понимающе подмигнул и взял инициативу на себя:

— Мам, там много чего на автолавках. Нам бы по рублику. Не каждый день праздник...

— Сказала же, дома поедите и на концерт, — ограничив перспективы, мать налила детям по кружке молока, — подкрепитесь перед прополкой.

Увидев, как потускнели лица детей, разжалобилась:

— Лёньк, дам тебе рубль, а ты не обижай младшего, поровну делись.

— Ладно, — изобразив смирение, старший напомнил: — Одна большая шоколадка шестьдесят копеек. Ситро — двадцать одна...

В горницу вошёл отец. Стараясь казаться озабоченным, сообщил новость:

— Пашка-учётчик передал: всем партийным быть на празднике! Из райкома приедут — явку надо обеспечить. Говорят, можно и с семьями. Пойдём, Насть?

— Мне, что, делать нечего? — искренне возмутилась хозяйка. — Добавишь вон ребятишкам. Знаю — есть заначка! Тебе лишь бы туда, где можно... — и, щёлкнув себя по горлу, махнула рукой.

Перед тем как направиться на праздник, Витя забежал к старшим.

— Ты что ж, внучок, на сабантуй собрался? — догадываясь о цели визита, дедушка хитро улыбнулся и посмотрел на бабушку. — Мать, ты

там, на полке, в стеклянной баночке, мелочовку складываешь. Отдай горстку ребятам. Пушай сладким полакомься!

Праздник традиционно проходил в школьном саду. Установленная на большой поляне грузовая автомашина с опущенными бортами становилась трибуной и сценой, рядом на столиках размещали принесённый из клуба усилитель со звуковыми колонками. В глубине сада, на полянках, посетителей ждали автолавки с распахнутыми дверями и грузовики с надписью: «Райпо». Столпившись у торговых точек, сельчане «в драку» расхватывали снадобья и промтоварный дефицит.

Праздничный ажиотаж начинался уже на прилегающих улицах. Здесь братья вместе с толпой отхлынули к обочине, пропуская мчавшегося навстречу велосипедиста. С довольной улыбкой на лице он, управляя железным конём одной правой, в левой руке держал большой бидончик.

— Не расплескай!

— Не задави!

— Стой, наливай! — приветствуя счастливец, мужики умилённо потирали руки.

Разливное пиво в деревенской глубинке в те годы было дефицитнее бутылочного спиртного.

— Эх, дороги... Пыль да туман, — уже при подходе к собравшейся толпе братья слышали знакомый голос.

— Холода, тревоги да степной бурьян, — взобравшись на импровизированную сцену, слова известной песни вдохновлённо выводил сын тётки Наташи — старшей сестры отца.

— Вот Пашка даёт! Везде в передовиках — и в поле, и на сцене! — раздавались в толпе восторженные реплики.

— Он и рационализатор отменный, — с усмешкой, окинув взглядом окружающих, добавил оценку приятель исполнителя, — пахталку вон какую изобрёл!

Аплодируя певцу, зрители заулыбались, вспоминая историю об испытании местным Кулибиным самодельного устройства для взбивания масла. Тогда накопленная матерью сметана оказалась разбросанной по всей горнице, и тётка Наташа с палкой гонялась за великовозрастным сыном по оврагам.

Поласкомившись газированными напитками, братья решили сосредоточиться на зрелище, отложив трату оставшихся финансов на потом.

Счастье подвалило из очереди за пивом. Увидев сыновей, отец, похлопав по спине стоявшего впереди мужчину, поманил их за грузовик. Отведя в сторону, вручил каждому по рублю и, приобняв сразу обоих, шепнул:

— Это вам за пятёрки. Празднуйте!

Воодушевившись возможностью отдельно тратиться на лакомства и развлечения, братья решили разойтись, куда кому интереснее. Проявив честность, Витя признался:

— Ты, Лёнь, что от маминых денег осталось, себе трать, мне бабушка мелочи отсыпала.

— Законно, — согласился старший и направился на центральную поляну, откуда доносились удары волейбольного мяча и возгласы болельщиков.

Младший, отстояв в очереди, подкрепился большим бутербродом с обжаренным куском мяса и пошёл в дальний угол сада, где за пять копеек можно было проверить меткость с помощью воздушной винтовки.

Здесь он и встретил братьев Жилкиных, которые, убедившись, что до ворошиловских стрелков им ещё далеко, предложили более приближенное к боевым действиям занятие.

— Сам видел, как Костя взрывпакет кидал, — убеждал младший. — Говорит, стружку наточил напильником из крючка от вешалки, которая в школьной раздевалке.

— Я тоже слышал, что можно, — согласился Витя, — они только называются дюралевые, но это сплав с магнием. А как же их...

— Как-как? Да просто! Школа сейчас открыта, народ по саду шляется, не обратят внимания, — взял на себя инициативу старший Жилкин. — На шухере постоите, а я ножиком подковырну и оторву. Крючки ведь на маленьких шурупах держатся в деревянной рейке. Делов-то!

— Только мне отдельно крючок оторви, ладно? — поставил условие приятель. — Себе-то — сколько хотите, вместе точить будете. А мне ещё от родичей прятаться...

Речь шла о распространённой детской забаве. Поветрие на изготовление взрывпакетов из смеси стёртой в пыль стружки магния и марганцовокислого калия пришло несколько месяцев назад от пацанов из райцентра. Баловство это было не только опасным, но и трудоёмким: на то, чтобы наточить спичечный коробок металлической стружки, уходило несколько часов работы напильником. К тому же информация об опасных затеях дошла до родителей, которые стали пресекать длительные посиделки детей с заточным инструментом.

Вскоре запрет был наложен и на доступ мальчишек к имеющейся в домашних аптечках марганцовке. Учительница химии профессионально объяснила и родителям, и фельдшеру, что при нагревании этого лекарственного препарата выделяется кислород, который, соединяясь со стружкой лёгких металлов, катализирует взрывное горение. Но... голь на выдумки хитра, и пацаны находили возможность обойти запреты.

И в этот раз, взяв выдранные из школьной вешалки крючки из лёгкого металла, ребяташки с утра засели за напильники. Витя, воспользовавшись уходом старшего брата вместе с родителями на работу, горбатился в дедушкином доме, усевшись на сундук и положив заготовку на стул. Дед, так и не поняв внезапное увлечение наследника слесарством, всё-таки выдал набор напильников и рашипелей. Бабушка, поверив, что внук

выполняет каникулярное задание для школы, отсыпала марганцовки. Ещё порцию окислителя ребёнок взял в материнском шкафчике для лекарств.

Расправив затёкшие плечи и наскоро пообедав, Витя стал готовить взрывпакеты. Убедившись, что стружки наточено с запасом, решил сделать два взрывпакета разного размера. Смесь стружки и марганцовки упаковывалась в плотную бумагу и утягивалась суровыми нитками. Для поджога расковыривалось небольшое отверстие, напротив которого изолентой закреплялась головка спички. Для использования устройства требовалось чиркнуть закреплённой спичкой по коробку и мгновенно подбросить пакет вверх. Накануне, поделив выданные в раздевалке крючки, ребяташки условились для демонстрации взрывных устройств собраться к вечеру вместе. Каждый надеялся, что именно его пакет даст самую мощную вспышку.

Появившись в условленном месте раньше всех, Витя не удержался испытать один из пакетов до прихода приятелей. Но спичка не загорелась, а отброшенный рукой испытателя пакет оказался в кустах. Обнаружив, что спичка вместе с креплением улетела отдельно, и вспомнив, что моток изоленты оставил дома, Витя испытание упростил. Прижав новую спичку к запальному отверстию, он чиркнул ею по торцу коробки. Но отбросить не успел — пакет взорвался в руках.

Сначала наступила слепота, и только затем ребенок почувствовал ожог на руках и лице. Безуспешно пытаясь проморгаться, мальчишка инстинктивно зажмурил глаза и замер, раскинув руки в стороны. Сердце ёкнуло, под ложечкой похолодало. «Ну вот, придётся жить слепым, — обречённо мелькнула у Вити мысль, — как же теперь читать буду?»

Смирение наступило через несколько секунд: «Но ведь живут же люди и так... Как-то пальцами по выпуклым буквам читают. Главное — живой».

Почувствовав, что жжение в ладонях усилилось, мальчишка поднёс руки к лицу и распахнул глаза. И — о чудо! — зрение быстро восстановилось! Постояв в нерешительности несколько минут, Витя побрёл домой. Продолжать эксперименты расхотелось.

Мать встретила его новостью:

— Собрались с отцом на базар ехать. Надо к школе обновки подкупить. С нами поедешь. Лёня дома останется бабушке с дедушкой помогать.

— Ура! — вырвалось у Вити. — Город посмотрю! Давно обещала. А то всё Лёня да Лёня! А когда? Завтра?

— Завтра Шкета пригласили барашек резать. Освежаем, повисят часа два-три, и дядь Коля отвезёт в лесничество, а там обещали до станции подбросить. В общем, в ночь поедем.

Поездки «с мясом» на областной рынок были традиционны на летних каникулах. Средства для приобретения обновок к школе получали

от продажи мяса зарезанных накануне овец. Лишать жизни домашнюю скотину у деда и отца духу не хватало, для душегубства приглашали одного из имеющихся в селе «умельцев». В этот раз выбор пал на местного выпивоху, к которому давно прилипла кликуха Шкет за внешнее сходство с героем экранизации известной повести Леонида Пантелеева. Авансом приняв на грудь стакан водки, он мог ударом ножа в сердце свалить борова или отхватить голову рогатой скотине. Окончательный расчёт с резчиком производился угощением, где на закуску подавалась селянка из ливера только что лишённого жизни животного.

— Твоё дело, — мать поставила младшенькому конкретную задачу, — отгонять с мяса мух. Веточкой или газетой, когда в городе. Насажают личинок, червяки появятся — не возьмут товар. Городские — они привередливые Глаз спускать не будешь, пока не продадим, понял?

Надежда просто пошляться по городу таяла. Пришлось согласиться с перспективой сутки с лишним охранять овечьи тушки.

Добирались долго. Сначала, взгромоздив тушки на молоковоз, разместились в кабине выдавшей вида машины «меньшака». Затем от лесничества на тракторе с тележкой добирались до железнодорожного вокзала, где и заночевали в пристанционном сквере. Рано утром, с трудом впихнувшись вместе с грузом в электричку, поехали в областной центр.

На вокзале быстро подвернулся извозчик с гнедой лошадьёю и телегой на мотоциклетных шинах. Погрузив тушки и усевшись сверху, семья покатила к торговым рядам. Вытаращив глаза, Витя крутил головой, вслух считая количество этажей в проплывавших мимо домах, читал названия магазинов и учреждений. Удивление и восхищение захлёстывали душу, сердце билось в предвкушении новых и новых впечатлений. А их в этот день оказалось много. Необычная для деревенского паренька сутолока на улицах и в торговых рядах, рогатый троллейбус, огромный топор рубщика мяса, впервые испробованные газировка из аппарата и мороженое.

Место им выделили справа от входа в пассаж. Никаких перекупщиков из южных республик тогда не было, торговали сами. Мать проявила коммерческую сметку. У всех одна цена, а здесь две: если брали больше — два пятьдесят, если меньше — три рубля за килограмм мяса. Выполняя её задание, Витя только два раза смог сбегать на улицу за мороженым. К вечеру, вопреки причитаниям родителей: «...ой, не продадим, куда девать будем, протухнет», все три тушки раскупили. Рассортировав выручку — сначала десятки, затем пятёрки, трёшки и рубли, мать завязала деньги в большой головной платок и спрятала на дно хозяйственной сумки с застёжкой.

Ночевать поехали на Шуист, к тёте Поле. Односельчанка сразу после войны обосновалась в областном центре — там у неё был небольшой домик, в котором привечала земляков. Мама купила колбасы — «не с пустыми же руками», отец настоял на поллитровке «для Фёдоровича» — так звали городского супруга хозяйки.

Следующий день посвятили покупкам. К школе приобрели новый ранец, по паре брюк и рубашек каждому брату, Вите справили ещё и пиджак. Набрали колбасы: и копчёной, и подешевле — ливерной.

Возвращались снова на электричке. Вечером уже были в родном селе. И на следующий день, и до «самой школы» Витя с гордостью рассказывал друзьям про областной центр, про поездку, несравненный вкус мороженого и телегу на резиновом ходу.

Второй раз Витя оказался в областном центре следующим летом. Да там, где не пожелаешь и врагу, — в онкологическом диспансере. В начале лета появилась над правым ухом небольшая шишечка. То ли родинка, то ли папиллома. И стала кровоточить. Раздерёшь её, кровушка сойдёт, а через день-два снова набирается, увеличиваясь в размере. К началу августа подушка к утру оказывалась красной. Мать обратила внимание и повела младшенького к фельдшеру. Та сразу направила мальчишку в районную больницу. Там тоже не стали связываться с растущим новообразованием и дали направление в область. Мать разволновалась, Витя также оторопел.

Возвращались из района на автобусе вместе с дядей Колей Абрамовым — мужем троюродной сестры матери. Разговорились, мать поделилась проблемой сынули. Свояк сначала успокоил:

— Да это на консультацию. Осмотрят, дадут предписание, что в районной сделать. У нас хирург хороший: удалит, перевяжет — и домой!

Выйдя из автобуса, переспросил:

— В какую больницу направление-то? Их две — одна просто областная, другая... нехорошая... Дай-ка почитаю бумагу.

Мать и сын с тревогой наблюдали, как попутчик, надев очки, пытается прочесть написанное от руки направление. Вслух прочитав адрес больницы, Николай поджал губы и, отведя свояченицу в сторону, что-то шепнул. Всю дорогу до дома Витя пытался выведать, что услышала мать, но та крепилась:

— Не бойсь, сынок. Поедете с отцом, там разберутся с твоей шишечкой, подлечат. На, я вот в райпо конфеток шоколадных купила, поешь.

Дома сообщила решение супругу:

— Поедешь с сыном. Ты грамотный, дорогу найдёшь. Я-то заплутаюсь, город большой. Покажешь врачам ребёнка, скажут оставлять — оставишь. Расспросишь врачей, что да как. Возьми пятёрку, получится — сунешь главному.

Почувствовав неладное, Витя распереживался, спал плохо. Утром, снимая с подушки окровавленную наволочку, мать вздохнула и шёпотом стала читать «Живый в помощи».

Витю определили в палату на втором этаже. Отец, перебирая сумку с вещами, глазами показал на лежащую в уголке купюру:

— Не взяли. Тебе пригодится.

Ещё раз, на прощанье, пожав соседям по палате руки, отец потрепал Витю по плечу и наказал:

— Слушайся врачей и старших. Мы будем приезжать, не горюй.

Мама примчалась на следующий день, в очередной, но не в последний раз продемонстрировав способность держать удар судьбы. Спокойно разговаривала с врачами, навязав на всякий случай узелок с яйцами и сумочку со свежеразделанной курочкой. Сочувственно поговорила с соседями по палате, попросив их присматривать за сынулей. И уже на улице, глядя вслед уходящей матушке, Витя заметил вдруг задрожавшие её плечи. Лишь став отцом, а затем дедом, понял, каково было ей, не избалованной образованием деревенской женщине, осознавать, что младшенький попал в «ракую больницу». Этот зверь косил не только старых. То ли последствия атомных испытаний в не очень далёком Казахстане, то ли ещё что — Бог знает...

Больница запомнилась внешним спокойствием пациентов и персонала. Держать до печального конца в стационаре было не принято, безнадежных отправляли домой. За время двухнедельного пребывания из Витиной палаты такая участь постигла лишь одного — высокого, уже порядком высохшего старичка, которому все искренне, но с пониманием ситуации пожелали на прощание «не болеть и сюда не возвращаться». «Да нет уж, встретимся в другом месте, — сохраняя выдержку, отвечивал тот и грустно добавил: — Но вы не спешите». Среди других «коллег по несчастью» запомнился впервые встретившийся китаец по имени Ля Фу То. Скорее, даже не он сам, а его причёска: приводя в порядок негустую уже шевелюру, он со всех сторон поднимал волосы вверх. Сейчас это называется ирокез.

Доброжелательным спокойствием запомнился и сам областной город. «М-ла-а-ко, мла-а-ко», — раздавался по утрам с улицы зычный женский голос, напоминая о далёкой, не казённой, пище. Ключющие с рук крошки хлеба беззастенчивые голуби, уже знакомые троллейбусы, проплывающие за воротами. И необычное, впервые осознанное ощущение проживания не на первом этаже, а «когда ходишь по потолку».

Врачи, да и медсёстры, особого внимания на деревенского мальчонка не обращали. На вопросы отвечали кратко, без объяснений предстоящих процедур. Дней через пять после госпитализации, заглянув после обхода врачей, медсестра предупредила:

— Сегодня операцию делать будут. Надо волосы постричь наголо.

Появившись через полчаса, высказала удивление:

— А мы думали, что уже приехал из парикмахерской.

— Как же ему ехать-то? — заступился сосед по палате. — С кем? Он же деревенский парень, родители далеко. Куда — не знает. И что, в троллейбусе в больничной одежде?

— М-да-а, — недоброжелательно процедила вошедшая, — пойду советоваться со старшей медсестрой. Будем думать.

Пока она ходила «думать», лежащие на соседних кроватях негромко обсуждали её поведение. Один из них поинтересовался:

— У тебя хоть денежка-то есть? Парикмахерская платная.

— Есть, конечно, — сообщил Витя, доставая из сумки пятёрку.

Вновь заглянув в дверь, медсестра поманила мальчишку пальцем:

— Пойдём! Нашли, с кем отправить.

Готовить голову к операции Витя ездил на «буханке» с водителем, которому по пути с бельём в прачечную поручили завезти мальчишку «в какую-нибудь парикмахерскую».

Минут десять скромно простоял Витя у входа в зал, пока один из молодых брадобреев не пригласил его к своему рабочему месту. Выполняя заказ и столкнувшись с шишкой на голове, посоветовал:

— А вот с этим надо в больницу. Срочно, а не то...

Узнав обстоятельства прихода юного посетителя в странной одежде, денег за свой труд не взял и пожелал удачного избавления от новообразования.

Операцию делали минут сорок. Без общего наркоза искромсали кожный покров с правой стороны головы, оставив на всю жизнь проплешины, о которой приходится предупреждать каждого парикмахера.

Выписали быстро — на следующий день, как только сняли швы. Не дождавшись родителей, перевязали всю голову, на которую с трудом удалось натянуть загодя привезённую мамой большую фуражку. Витя сам добрался до железнодорожного вокзала, на знакомой электричке к вечеру доехал до станционного посёлка. Автобус уже ушёл. Ночевал на вокзале. Когда захотелось пить, из-за отсутствия сидро впервые попробовал пива. Горьковато-кислый вкус, о прелестях которого много слышал от взрослых, не понравился. Ночью обошёл окрестные сады, отведав уже красных августовских яблок. Утром, при свете взошедшего солнца, в медицинских документах с трудом разобрал название удалённого новообразования — «гемангиома»⁹.

Долго всхлипывала, взмахивая руками, матушка, увидев Витю, идущего домой с большака. Грозилась написать «самому Брежневу» с жалобой «на этих рвачей», отправивших прооперированного ребёнка одного. Но видно было, что от материнского сердца отлегла печаль, когда Витя гордо рассказывал, что не плакал, «когда резали».

КОЗЛОВЕЦ

— Видать, поменяют в школе директора, — сообщил отец, возвратившись с партсобрания, — жалобы на него в райком пришли. И выше кто-то пишет.

⁹ Гемангиома — доброкачественная опухоль, состоящая из самостоятельно эволюционирующих эндотелиальных клеток кровеносных сосудов.

— Эт штой-то? — удивилась мать. — За что? Обходительный такой, слова бранного никто не слышал. Опять же, не курящий, выпимши не видели, не то что Солдатов. Да и Елизавета Михайловна — поговорит, выслушает. Вон сколько раз у нас дома была! А ведь не близко от школы живём. Да и не жаловаться приходила. Расспрашивала, что мальчишки читают, помогают ли по дому. Хорошая пара!

Первым из сыновей новость прокомментировал младший. Супруга директора школы учила его в последних начальных классах восьмилетней школы.

— С кем же мы теперь в поход пойдём? — загрустив, Витя вспомнил: — Весной к истокам речки ходили — выбой из земли за Алексеевкой нашли. В конце каникул обещала в сторону Отрады сводить, на мордовский пруд зайти, окуньков половить.

— Да мы так и не поняли до конца, — продолжил отец, — вроде жалоб много. Но от кого? От жителей не должно быть. Уважают его. Вон пьесы в клубе ставил, народ привлекал. Грешат: учителя пишут. Работать их заставляет. Тот-то сам выпивал и их не напрягал. Ведь при Солдатове как было: задание ученикам дадут — и домой, по хозяйству! А он к мужикам — в кузницу, с бутылкой.

— Жалко, — вставил своё мнение и старший брат, — мы с ним за ёлкой под Новый год ходили в лес. Целых десять кэмэ только туда. А обратно с грузом. Он нам и лыжи выдал, и лыжную протаптывал — сам первым шёл. Про войну интересно рассказывал, он же участник.

— Да всякое болтают, — продолжая рассуждать, отец выразительно посмотрел на хозяйку, — вроде аморалку шьют. Они же из Названовки приехали, у него там жена осталась. Эта-то на двадцать лет моложе.

— Теперь всё пришьют, — мать махнула рукой, — что было и чего не было.

— Ещё парторг без передачи сообщил, — отец ещё больше понизил голос, — что он, директор-то, в Москве при Хрущёве в каких-то спектаклях участвовал. А сейчас, при Брежнев, их запретили...

— Ну и молчи, — мать прервала словоохотливого супруга и дала команду: — Сходи вон к папашке, отнеси косы пробить. Давно бы сам научился. Образо-о-ованный!

Дождавшись, когда отец вышел, проинструктировала детей:

— Про директора ни-ни... Властям виднее, кого куда ставить. Ваше дело — учиться хорошо.

Разговоры о смене руководителя школы стали основной темой в оставшиеся до начала учебного года дни. Судачили и дети, и взрослые.

Вспоминали хорошее. Дети — об организуемых директором спортивных соревнованиях, о чаепитиях с печеньями на большой перемене, о вечерних рассказах про звёздное небо.

Взрослые делились впечатлениями об участии в постановке на сцене сельского клуба «Свадьбы в Малиновке». Тогда даже местному балагуру

Петяньке роль нашлась. Впрочем, для раскрытия образа деда Нечипора ему особо перевоплощаться не потребовалось. Вместе с директором на сцену выходили учителя, которые исполняли заглавные роли, и с десятков колхозников в массовке.

Первое сентября началось с общешкольной линейки. К двенадцати Витиным одноклассникам прибавились выпускники начальных школ соседних сёл: четыре девочки и Володя Матвеев из Отрады, а также три пацана из Марьевки — Пузило, Фукс и просто Витька Горячев. Всех их на левом фланге строя собрала новенькая учительница, кратко представившись:

— Я — Нина Фёдоровна, учитель географии и ваш классный руководитель. В строю стоять смирно.

Так же кратко представился и её муж — рослый молодой мужчина, уверенно шагнувший из собравшейся перед строем группы учителей:

— Я — Козловец Андрей Александрович. Приказом районного отдела народного образования назначен к вам на должность директора школы.

Строго осмотрев притихших учеников и внимающих ему педагогов, скомандовал:

— Классным руководителям доложить о наличии в строю учащихся в соответствии со списком. Во время доклада ученикам класса стоять смирно.

«Раньше было проще... — такая мысль мелькнула в головах не только учеников. — Посмотрим».

Приняв доклады, новый руководитель изложил свои требования:

— Ваша главная задача — учиться. Этим занимаются учителя-предметники. На себя я беру не менее важное — дисциплину и заботу о вашем здоровье. Занятия будем начинать с зарядки. Когда погода позволяет — здесь, на площадке, всей сменой. Первые дни зарядку буду проводить сам, затем назначу ответственных из педагогов. Придёт зима, настанут морозы — зарядку проводить в классных комнатах в начале первого урока под ответственность преподавателя. Всё ясно? Учителям развести учащихся по классам в соответствии с расписанием.

Притихшие ребяташки не спеша потянулись за озабоченными педагогами. До всех стало доходить, что прежней вольницы и понимания между учениками и учителями будет меньше.

Нововведения вызвали новую волну пересудов не только в школе. Тем более что отдельные директорские требования сказывались на бюджетах родителей и вызывали у них отторжение.

На месяц затянулось в некоторых семьях приобретение детям трико для уроков физкультуры. У учеников реакции были откровенные. «Я в подштанниках ходить не буду!» — заявляли мальчишки. Возмущение девочек: «Я что, задницу всем показывать должна?» — находило понимание и у матерей. Использование в женском гардеробе брюк, тем более

в обтяжку, тогда не приветствовалось и воспринималось как склонность к разврату.

Непросто было приучить учеников и к использованию второй обуви при пересечении порога учебного заведения. Школьники нашли интересное решение. На ботинки надевали калоши, которые снимали в тамбуре. Но их оставляли в кустах сирени около школы и щеголяли по территории учебного заведения в той же обуви, что и по дороге домой. Конечно, большинство учеников не были грязнулями, первичным в таких выдумках была демонстрация непослушания для повышения самооценки в глазах товарищей.

Ответ на вопрос: «Откуда он такой взялся?» — прояснил отец после очередного партсобрания:

— На партучёт директор ваш вставал, мы расспросили. Артиллерийское училище он закончил, два года прослужил. Хрущёв сокращение армии затеял. Ему третью звёздочку дали и отправили в запас. Военруком в городскую школу устроился и в педагогический поступил. Сейчас заочно на третьем курсе учится. Женился, но с жильём в городе тяжело. В партию вступил. На укрепление народного образования в деревню директором предложили: командовать, мол, умеешь... Выбрали, где домик для педагогов есть. Вот они и у нас.

— Начальникам не только командовать надо, — прокомментировала мать, — подход к людям нужен. Но и порядок нужен. Как бы и этого не сожрали, учителя-то. Он вон как загибает!

В очередной раз собрав учащихся старших классов, руководитель школы сообщил о приказе облоно¹⁰ — в каждой школе надо иметь хор.

— Будем создавать! — рубанул рукой директор. — Песни должны быть на злобу дня. Например, «Бухенвальдский набат» или «Гимн демократической молодёжи». А вы всё «Во поле берёза стояла». Деревенщина... Дело политически важное, — продолжил он и, строго оглядев сидящих за первыми партами учителей, поставил задачу:

— По классам выучить слова, спеться. Через неделю после уроков всем собраться, будете репетировать хором. Ответственный — вы, Нина Петровна. Будет получаться, позовёте меня, сам послушаю.

Назначенный руководитель не спешила приглашать директора для оценки хора. На третью репетицию он пришёл сам.

Размахивая руками по примеру виденного ещё в студенческие годы дирижёра, Нина Петровна пыталась упорядочить нестройные вопли учеников:

— Эту песню не задушишь, не убьёшь!

— Не убьёшь, не убьёшь!

— Нам...

— По башкам! — в рифму добавил проверяющий и, махнув рукой, вышел из класса.

¹⁰ Облоно — областной отдел народного образования.

— Вторит песне той весь шар земной! — проглотив реплику, продолжили его воспитанники.

Репетиции с перерывами продолжались до зимних каникул. Оставив среди исполнителей тех, у кого получалось, руководитель хора предложила пару патриотических песен для новогоднего концерта. Директор согласился, хотя «Бухенвальдский набат» на фоне ёлочки был, пожалуй, неуместным. Витя из хора был выведен одним из первых. С пением у него не ладилось с первого класса. Но это мальчишку не расстраивало.

Семья нового руководителя школы, в отличие от предшественников, жила замкнуто, тесного общения с сельчанами избегала. Да и родители учеников, не разделяя их нововведений в учебном заведении, в друзья не набивались. Но посудачить о поступках «городских» сельские кумушки были не против. С придыханием и юморком передавалась история о встрече двоюродной сестры деда Кондрата с одетым в лёгкую спортивную форму молодым мужчиной километрах в двух за околицей села.

Бабушка Ганя — пожилая вдова участника войны, известный трудоголик — в этот раз ходила на дальнее поле за соломой для скотины. Взвалив на спину огромную вязанку сваленной в валки, ещё не обмолоченной пшеницы, расхитительница колхозной собственности тащила добычу домой. «Смотрю, мужик навстречу бежит, — делилась она обстоятельствами происшедшего, — в майке и трусах. Ну я вязанку-то бросила и дёру — кто знат, что у него на уме. Отбежала, остановилась, гляжу. Солому-то уже полдороги как до дому донесла, жалко бросать. А он чёй-то стал вязанку мою ворошить, вроде как на спину взваливать. Да не умет, видать — за верёвку дёрнул и рассыпал всё. Ну я осмелилась, вернулась. Глядь — наш директор! Я ведь поначалу боялась — председатель. Оштрафует или трудоднёв лишит. Но тот одетый ходит... Да ведь всякое могло быть. Можя, с молодухой какой сговорился в лесопосадке полюбовиться. Меня-то, старуху, чай, не тронет, но на всякий пожарный отбежала».

Директор своей версией встречи поделился с учителями, а те разнесли по деревне. «Во время пробежки по полям (привычка — курсантом марафон бегал) смотрю: движется по полю кучка соломы. Большая, с полвоза. Старушку-то из-под неё и не видать. Напугалась, что ли... Бросила поклажу — и рысцой от меня. Я попробовал: тяжёлая вязанка — одному на спину не взвалить. Подошла, говорит: «Ты чё на моё позарился?» Извиняться пришлось. Предложил помочь донести. Она: «Я сама». Увязали солому-то, помог взвалить ей на спину. Быстро засемила. А ведь не молодая, на пенсии уже». — «Такая вот она у нас, баба Ганя, — комментировали рассказ односельчане, — не зря Волхой зовут. И зимой и летом всё домой тащит. Ни трактора ей не надо, ни машины».

Вместе с переходом из начальной школы к предметному обучению пришло время новых письменных принадлежностей. До четвёртого класса ученики писали ручкой со сменными перьями, которую периодически окунали в стоящую на парте чернильницу. А в пятом потребовался инс-

трумент, в котором одной заправки чернил хватало на несколько страниц писанины.

Отсутствие хорошей авторучки сильно напрягало Витю. Та, что досталась от старшего брата, часто ломалась, а другой не было. Устройство для набора чернил у неё не работало, и приходилось, написав три — пять слов, окунать нижнюю часть с пером в чернильницу. То есть вернуться к способу, от которого отказались год назад. Родители не придавали особого значения техническим проблемам у младшего школьника. Признаться друзьям, что у него даже приличной авторучки нет, было стыдно. Выставлять на парту чернильницу, как в начальной школе, также было неудобно. Подчас её приходилось прятать в парту и, не афишируя, лазать туда рукой, чтобы обмакнуть перо. Подобные ситуации травмировали психику мальчишки, сказывались на самооценке. Техническое, мелкое на первый взгляд, неудобство приносило запомнившееся на всю жизнь душевное страдание. Эпопея с письменной принадлежностью продолжалась больше месяца и разрешилась, когда отец во время поездки в районный центр нашёл, пользуясь своими связями в торговой среде, новую авторучку. Это был действительно дефицит, первые шариковые авторучки появились года через три.

Тогда же, в пятом классе, Витю увлекло коллекционирование спичечных этикеток. Филумения¹¹ как хобби внезапно навалилась на советских подростков, развивая их интеллект, интерес к истории, прошлым и недавним событиям в стране, знакомя со знаменитыми соотечественниками, достижениями в науке и материальном производстве. Собранные любителями целые альбомы маленьких картинок становились мини-энциклопедиями, развивая кругозор молодых людей, и, несомненно, помогали педагогам в воспитании юных граждан.

В разговоре подростков того времени подчас возникали диалоги:

— У тебя из серии «Пионеры-герои» Вали Котика запасной этикетки нет?

— Есть. Меняю на фото Терешковой из «Советских космонавтов». Ищу этикетки с графиком добычи угля и выплавки стали из «Успехов шестой пятилетки».

Ребятам было невдомёк, что этикетки коллекционируют уже более полутора веков во всём мире.

Увлекали ребят не только интеллектуальные занятия. Мальчишеское озорство проявлялось в разных формах. Особым шиком считалось подстроить что-нибудь этакое взрослым. Самое простое — пройтись поздней ночью по соседям и с улицы закрыть двери на щеколду, закрепив её для надёжности проволокой, чтобы не открылась, когда будут трясти дверь изнутри. Утренние рассказы соседей о том, как приходилось вылезать

¹¹ Филумения — коллекционирование спичечных этикеток, коробков, буклетов (спичек-книжечек), самих спичек и других предметов, связанных со спичками.

через окно, умиляли баловников. Но при этом требовалось сохранять сочувственно-нейтральное выражение лица — «я здесь ни при чём».

Ещё интереснее — поздно вечером аккуратно воткнуть в поперечину оконной рамы булавку, к ней подвесить грузик с длинной нитью, за конец которой можно поддёргивать из ближайших кустов, имитируя стук в окно. Занимались этим баловством вдвоём: пока один, разматывая нитку, уходил в укрытие, второй придерживал грузик, чтобы оттянуть обнаружение устройства.

Пик уличного хулиганства приходился на предновогоднюю ночь. Бродя ватагами по селу, мальчишки, угнав чьи-то сани, до утра всей гурьбой катались на них с горы. Заодно могли свалить чью-то уборную и небольшие хозяйские постройки. А на старый Новый год, в ночь на четырнадцатое января, традиционно устраивали факельные шествия. Пацаны готовились к этому загодя. Обрывки старых ватников в несколько слоёв обматывали вокруг конца крепкой палки и, закрепив проволокой, намачивали в керосине, а поздно вечером группами бродили по улицам с зажжёнными факелами.

Официальное празднование Нового года проводилось в недавно (к осени 1963 года) отстроенном здании клуба в виде бала-маскарада. В костюмах сказочных персонажей, ведьм и чертей, представителей экзотических профессий, пиратов и бандитов в действе принимали участие десятки односельчан. Женщин, как обычно, было больше, но и мужская половина не чуралась вырядиться. Это мог быть просто дембельский комплект отслуживших в СА и ВМФ, сопровождаемый песнями и шутками соответствующих родов войск. Загодя распространялись лотерейные билеты, обладателям которых завязывали глаза, давали в руки большие ножницы и предлагали срезать висящие на бечёвке подарки. Подарки эти нередко помещали в коробки, значительно больше самого презента. Самым дорогим выигрышем обычно была бутылка водки, завёрнутая, чтобы не разбилась, в тряпку, а самым дешёвым — резиновое «изделие номер два» в многоярусной, наподобие матрёшки, упаковке.

Ближе к весне новости и интерес сельчан разного возраста смещались к речке, а точнее, к паводку. Гадали, насколько он будет дружный, «снесёт ли на речке плотинки» и удастся ли восстановить их до сева яровых. Село надвое рассекала речушка, которая в паводок превращала его в отдельные населённые пункты, осложняя путь школьникам за знаниями, а занятым в животноводстве колхозникам — своевременный уход за животными в период отёла и выращивания молодняка. В последние дни разлива, когда паводок уже спадал, мужское население спешило на речку за рыбой. Старшие, восстановив бредни и сети, без боязни лезли в глубину, греясь между забрами у костров и подкрепляясь самогоном. Кто моложе, натягивали сорванные с окон куски тюля на каркас и, прикрепив к нему длинный шест, с берега черпали по буеракам и ямам, вынимая оттуда пескаррей, назёмников и уклеек.

Отец к весенней путине готовил верши, которые плёл вечерами, заготовив ещё в феврале сотни полторы хлыстов из побегов ветлы. В паводок он притапливал верши в речных заводях. Ходить с отцом устанавливать созданные им снасти, а потом доставать улов было для братьев любимым делом. А уж кушать пожаренную мамой щуку тем более.

Заканчивалась учёба в пятом классе. Не принимая воспитательные практики нового директора, ученики большей частью стерпелись с его солдафонством, резкостью в оценках, а учителя свыклись с нетерпением к чужому мнению, далёкими от советской педагогики методами работы с детьми.

Основные события, в результате которых в школе назрел конфликт, произошли, когда Витя учился уже в шестом классе.

Как и другие учебные заведения, небольшая школа в глубинке была встроена в государственную систему обучения и воспитания молодого поколения. Инициированные центром детские спортивные проекты «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», военно-патриотическая игра «Зарница» были не только на слуху благодаря радиопередачам и «Пионерской правде», но и в повседневной практике учащихся сельских школ.

Особо воодушевило руководителя школы, бывшего советского офицера, участие возглавляемого им учебного заведения в «Зарнице».

— Мы имеем все возможности стать первыми не только в районе, но и в области, — заявил директор на общешкольной линейке в начале учебного года. — Вокруг участия в «Зарнице» должна строиться вся воспитательная работа.

Завертелось. Учителя, чертыхаясь, учились вместе с воспитанниками ходить строем. Ребятам было рекомендовано сделать из подручных материалов имитацию личного оружия. Мальчишки, которые и раньше для игры «в войну» изготавливали деревянные винтовки, отнеслись к такому заданию с увлечением, стремясь к максимальному подобию копий оригиналам.

Для помощи в организации «Зарницы» директор привлёк мужа одной из учительниц, который ещё во время Отечественной войны получил офицерское звание. Пётр Афанасьевич готовил строевые смотры, организовывал полевые занятия. При появлении Козловца он, отдав команду «Смирно!», докладывал по уставу о наличии курсантов и их занятиях.

Директор школы, увлечшись наведением дисциплины, к весне всерьёз взялся и за внешний вид учеников. На первых уроках учителям было вменено проверять чистоту рук, в младших классах — и ушей. Сам директор взялся за мальчишечьи шевелюры. Проверя линейкой самые длинные пряди, он вызывал родителей и требовал привести в порядок причёски сыновей. А в случае невыполнения указаний не допускал волосатиков до занятий. Конечно, это вызывало ропот среди учеников. Отдельные смельчаки прямо заявляли, что длина волос на голове их устраивает и идти к

дяде Мише или дяде Володе, которые были в селе парикмахерами, они не собираются. Тем более что приведение в порядок мужской шевелюры, независимо от возраста её обладателя, стоило пол-литра.

Конфликт случился с Витиным тёзкой — одноклассником Горельниковым, которого вне школы кликали по-уличному Тимоней. При повторном вызове в школу отец отказался физически поддержать сына, пока директор лично будет обрезать ученику волосы. Рассказывали, что родитель даже «послал» Андрея Александровича. И тот с помощью учителей выстриг на голове пацана крест.

Возмущение ученика разделили не только его приятели. Разозлённый папаша даже звонил в милицию, но там заявили, что это не их дело. Тимоне пришлось постричься под ноль с помощью доморощенного парикмахера, который, узнав причину, от подношения отказался.

— Ну, погоди, вот уедут из дома, — делился пострадавший планами мести, — сожгу!

— Ему бы колёса у мотоцикла проткнуть, — предложили пацаны более щадящий способ мщения.

— Зачем жечь? — не согласился Витя. — Дом-то не их. В нём директора жили и до него. Выгонят этого, другого пришлют, где жить будет?

И, подумав, предложил:

— Давайте жалобу напишем. В «Пионерскую правду». Оттуда прикажут уволить.

— Да ерунда это, — махнул рукой обиженный, — какое им дело до нашей деревни... А вот с колёсами — идея! Ночью пойду с ножом — все изрежу! Собаки-то у них нет.

На следующий день Тимоня отозвал тёзку в сторону:

— Ходил. В сарае он мотоцикл прячет. На замке. Ну, я со злости щеколду набросил и домой. Видать, в окно выпрыгивал. Ну, ты это... Пиши жалобу-то. Хоть и в «Пионерку». Но я подписывать не буду...

Догадываясь, что и другие ученики подписывать не согласятся, Витя сочинил анонимку. Описывая последнюю выходку директора, фамилию пострадавшего не назвал, но процесс изложил в деталях.

Реакция последовала не скоро, примерно через месяц. Волосы на голове у Тимони уже подросли, и он ходил без фуражки, которую раньше демонстративно не снимал даже на уроках.

Нина Фёдоровна вбежала в класс во время занятий и, сдерживая нервный тик, шепнула англичанке:

— Выйдите, мне надо с учениками поговорить.

Глянув на дёргающееся веко супруги директора школы, Валентина Филипповна выскочила в коридор.

Усевшись за учительский стол, классный руководитель, зажмурив глаза, сидела молча минуты три.

Взяв себя в руки, осмотрела учеников и негромко заговорила:

— Кто-то из вас написал жалобу на директора. Обидно. Мы с Андреем Александровичем стараемся, стараемся... А вы: директор нас оскорбляет, унижает достоинство. Эх, вы... Даже подписаться забоялись. Анонимщики!

Помолчав, продолжила:

— Горельников, Виктор, там про тебя упоминается. Писал?

Тимоня замотал головой:

— Нет, Нина Фёдоровна, я ничего не писал. Честное слово! — и, видимо, уже сознательно сдерживая желание посмотреть на тёзку-автора, повернул голову к окну и, поморщившись, добавил: — Зачем мне это надо?

— А чё, НинФёдоровна, пусть НинПетровна посмотрит, она почерк у всех знает, — встряла в разборку одна из учениц.

— Да нам из редакции напечатанную копию письма прислали... Ошибки орфографические — сплошь! — классная дама развела руками. — Стыдоба! Да там, наверное, поняли, что не очень грамотный ученик писал. Но по тексту — взрослый кто-то помогал. А может быть, и специально ошибки сделали...

И, завершая разговор, перешла на официальный тон:

— Андрей Александрович поручил сообщить, что рекомендацию редакции «Пионерской правды» он выполнит и жалобу рассмотрят на педсовете. Критику коллег, если она будет, директор учтёт в работе. Ответ в редакцию с протоколом педсовета будет направлен.

На этом эпопея с жалобой и закончилась. В формате, ставшем известным ученикам.

Директор же в отношениях с ними стал осторожнее — и в выражениях, и в поступках. Но ненамного. Да и учебный год уже заканчивался.

Через неделю после начала летних каникул отец с очередного партсобрания принёс новость:

— Уволился ваш директор. С партучёта снимали его. В милицию завербовался. Аттестовали, звёздочку накинули, капитаном взяли. Говорит: «Не могу без формы и без погон!».

1991

Стихи первых авторов «Суры»

Виктор АГАНОВ

СУРА РАБОТАЕТ*

Апрель!
С рассвета до заката
Бурлит сердитый ледоход:
Сура
Работает, как трактор,
На берега сгребая лёд,
Ломаёт старые границы...
Звенит и пенится вода,
Сверкает ярко и дымится
Её живая борозда.
Над поймой чибисы кружатся,
Чирок отчаянно кричит,
И звонко в борозду ложатся
Зари хрустальные лучи.

* Опубликовано в № 1 за 1991 год.

Дмитрий ДАРИН

ПОДАРОК

Рассказ

1

— А почему тебя зовут Шура, если ты Саша? Ну, Александра? — спросила крупная девочка из старшей группы неожиданно писклявым голосом. Рядом с ней стояли еще две её подруги и, не стесняясь, осматривали Шуру с ног до головы.

Та, что звалась Шурой, стояла, прижавшись к стене. Вернее, прижатой. Она была новенькой, а новеньких в детдоме сразу испытывали на достоинство. Но она этого не знала, только чувствовала какую-то несправедливость, ведь она никому ничего плохого не сделала. Сами собой стали наворачиваться слёзы, а плакать было нельзя. Она хотела съесть апельсин, данный вместе с напутствием от бабушки, но, может, нужно было сразу им поделиться? Друзей, которые могли бы помочь и подсказать, Александра завести ещё не успела, а враги, кажется, завелись сами и сразу. Полуочищенный апельсин стал сочиться из-под пальцев.

— Потому... потому что это так... ласково звать, — пролепетала Саша.

Девочки засмеялись, даже загоготали.

— Ты гляди, — снова записклявила крупная, — она ласку любит! А ну-ка, дай сюда!

Саша покорно протянула мокрую ладошку.

— Фу! — фыркнула одна из наседавших девочек и ударила Сашу по руке. Апельсин вылетел из ладони и с неприятным чмоканьем приземлился у двери комнаты.

— Да ты неряха пачканая! — нахмурилась крупная. — Быстро на колени и ешь свой апельсин с пола! Я кому сказала?!

Саша переводила недоуменный взгляд с одной девочки на другую. От ужаса и унижения её и без того большие синие глаза расширились и вдруг потемнели. Потекшие было слёзы испарились. Саша отошла от стены, под довольные усмешки нагнулась и подняла злосчастный апельсин.

— Я сказала — с пола жрать! — нахмурилась писклявая и сделала шаг вперед с очевидным намерением ударить. Остальные тоже шагнули, но чуть позади. Саша размахнулась и вlepила апельсиновой мякотью прямо в ей в рот. Все трое опешили и встали как вкопанные. Саша отвернулась и вышла из комнаты. Только на улице на нее напала какая-то нервная дрожь. Её трясло, но слёз почему-то не было. Саша не узнавала себя: всегда кроткая, любимица родителей и двух бабушек, она даже нашалившую кошку не могла обидеть, а тут... Саша также понимала, что за такой поступок ей придется плохо, может быть уже этой ночью, ну и пусть. Лучше плохо потом, чем плохо сейчас. А хуже того, что от нее требовали, и быть не могло.

Саша вспомнила, что ей говорила бабушка еще час назад, даря на прощание этот апельсин:

— Ты, потерпи, внученька, ты же знаешь, что мне на операцию ложиться. А кто тебя в школу соберет, кто накормит? Одни мы теперь с тобой на белом свете, но я тебя заберу, месяца не пройдет. Потерпи, моя хорошая, мама с папой смотрят на тебя с неба, надеются на тебя. Ты же кровинушка наша, чуток только потерпеть, четыре недельки. Ну, пять от силы. Операция, говорят, не такая уж сложная, но потом лежать в палате нужно. Я в больничной палате, ты в этой. Воспитательница точно уверила, что девчонки здесь хорошие, дружелюбные, скучать не будешь. Хорошо, Шурочка?

Мама умерла при её родах, отец погиб на СВО. Мачеха, формально не разводясь, сбежала с каким-то столичным хлыщом, не прожив с ними и трёх лет. Был бы папа жив... Он всегда легонько щелкал дочку по носу, когда она терла кулачками заплаканные глаза, и приговаривал:

Ударит в барабаны
Солдатик оловянный,
Ура, ура! Вперёд, вперёд!
А не наоборот!

Саша представляла, что это она — стойкий оловянный солдатик, про которого читала ей бабушка, как она гордо вышагивает вперед и не оглядывается на отстающих. Слёзы утихали вместе с обидой.

Но где детские обиды, а где взрослое горе. Саша привыкла к несчастью, но привыкла его разделять с единственным родным человеком — бабушкой, а тут с кем? Тут у каждого свое горе. Если каждый делиться будет... Оттого и злые, как бездомные собаки. Ничего себе — дружелюбные... От такого «дружелюбия» всё снова всколыхнулось в детской душе — она вспомнила похороны отца, слова людей в камуфляже, на котором

сверкали медали, десантный флаг над свежей могилой... и тут слёзы уже потекли рекой, даже вытирать их не имело никакого смысла. Оловянный солдатик не помог: всё-таки олово — металл мягкий, не свинец.

Проходившая по двору воспитательница равнодушно потрепала её по головке.

— Ну, ну, перестань. Пообвыкнешь, небось. Иди на ужин — вон в тот корпус — и не плачь, здесь такого не любят.

Это Саша уже поняла. Здесь такого не любят. И таких не любят. И никого не любят. Воспитательница не стала дальше утешать и тем более вникать в девичью душу — таких душ тут больше ста — и проследовала дальше. Саша перестала дрожать, утерла глаза и носик платочком, которым бабушка обтёрла апельсин и отдала вместе с ним, посмотрела в гаснущее небо, словно пытаясь запомнить его перед долгой-долгой ночью, и пошла в столовую.

Даже невесёлое лето пролетает быстрее весёлой, но холодной зимы. Саша больше не плакала. Не потому, что задевали её теперь редко — так, попробовали еще пару раз, но хватило ледяного тона и ледяного взгляда, чтобы пробы прекратились. Только дразнили иногда издалека: «Шура-дура» или «Шура-шкура», но вполголоса, промеж себя, не в лицо. Естественных врагов, даже из старших отрядов, у неё теперь не было, но и подруг тоже. Может, униженные раньше неё, не смогишие дать отпор, теперь испытывали к Саше что-то вроде завистливой ненависти, заменявшей бесполезную ненависть к унижавшим. Может, боялись мести старших девочек за дружбу с непокоренной. А может, оттого, что у неё все-таки были родные — бабушка, которая когда-то заберёт Сашу отсюда, именно её, а не кого-нибудь из них. А им, «инкубаторским», как дразнили их иногда недалекие воспитатели, нужно было уметь понравиться тем редким тётям и дядям, которые приезжали выбирать себе ребёнка. Это чем-то походило на выставку кошек, куда их однажды свозили на экскурсию, — но даже кошки в клетках кому-то принадлежали. У них были хозяева, то есть семья. У «инкубаторских» не было никого. И каждой девочке и каждому мальчику на смотрах нужно было лезть из кожи, чтобы убрать из глаз волчий прицел, не сжимать кулачки, улыбаться во весь рот и становиться белыми и пушистыми. Но притворство слезало с детских душ быстрее, чем просроченная краска с потолков их обшарпанных комнат. И тогда натерпевшиеся от бессмысленного и беспощадного детского бытового бунта приемные родители возвращали ребенка в детдом. «Боже мой, какой это оказался ужасный ребенок. Никакого сладу с ним. Чужая кровь, как волка ни корми...» — взрослые говорили, как по шаблону. Но в действительности ужасными были сами неудавшиеся родители: кто-то попрекал куском хлеба; кто-то «включал Золушку», которая должна была не жить, а отрабатывать жизнь в приемной семье; кто-то, наоборот, сюсюкал и обхаживал сверх меры — так, что от такого сладкого обра-

щения в детских душах быстро образовывался кариес. Чужая кровь... А вот у Саши была бабушка — родная кровь, а значит, она оказалась здесь случайно, временно. И потому так и осталась здесь всем чужой. Чужой, но никогда больше не плакавшей.

Операция прошла не слишком удачно, понадобилась вторая и потом третья. Но обошлось, и Сашина бабушка смогла сдержать свое обещание. Уже выпал первый ноябрьский снег, когда бабушка, отгладив внуку по постриженным волосам и отцеловав в макушку и обе щеки, потом расписавшись, где нужно, повела её домой. Саша обернулась — с детдомом её теперь соединяла только пара следов, больших и маленьких. Когда-то с прошлым нас начинают соединять только большие следы, и только потом к ним снова присоединяются детские. Так устроена жизнь.

2

Саша вернулась в школу, в свой класс, где дети ей обрадовались взаправду. Это было так здорово и приятно — возвратиться туда, где тебя помнят, прийти не на новенького. Её окружили на первой же перемене, совали конфеты и бутики — как будто Саша всё это время жила впроголодь. Такого, конечно, не было — в детдоме кормили сытно, хотя и не очень вкусно, — но выразить участие по-другому дети не умели. Сашу это не смешило, скорее приятно забавляло, но ей не хотелось, чтобы её жалели и даже просто сочувствовали. Жалось жалит сердце подчас больней оскорблений. Саша просто не хотела ни от кого ничем отличаться, а выделяться тем, за что жалеют, не хотела тем более.

— Шура, а как там училки? Лучше нашей географички?

— Шурочка, а физра там есть?

— Шурка, а правда, что там девочки в одинаковой форме все?

— А правда, что косы запрещено носить?

Саша приветливо улыбалась и отвечала на все вопросы, но коротко, чтобы сбить слишком уж повышенный интерес. На второй перемене с вопросами лезли уже меньше, к последнему уроку вопросы и вовсе иссякли, и она наконец ощутила себя в своей тарелке.

Через месяц уже начались самые приятные хлопоты — предновогодние. В каждой российской школе проводятся утренники, приглашается Дед Мороз; родители, кто позажиточней, покупают, а в основном — шьют чадам костюмы зайцев, пингвинов, пиратов, лисичек и снежинок. Сашина бабушка мастерила внуке костюм ёлочки из своего старого зеленого бархатного платья. Бархатная ткань советского производства была, однако, качественной и почти не выцвела, да и платье надевалось по редким случаям — «ёлочка» выходила на славу. Саша каждый вечер крутилась вокруг швейной машинки «Чайка», подсказывая про кружева и бусины. Особенно про звезду, которую нужно было приделать к зеленой шапочке.

Бабушка с притворной строгостью отгоняла внучку, чтобы не мешала, но разве девочку и кошку отгонишь надолго от того, что им интересно?

За неделю до самого весёлого праздника платье ёлочки было готово. Оно было украшено стеклярусом, атласными лентами, снежинками из тюля, а на голову был сшит целый колпак с зеленой мишурой, увенчанный серебристой звездой из фетра. Саша примеряла его перед зеркалом по несколько раз в день и никак не могла дожидаться утреника. Но не только чтобы очаровать всех своим нарядом — она неосознанно ждала, что все неприятности, вся боль будут смыты новогодним весельем с её детского сердечка, что праздник отчеркнет прошлое, и всё плохое, всё тоскливое останется только в памяти, но не в душе. Однако случилось иначе.

— Теперь похлопаем Стёпе — за его костюм космонавта. Стёпа, выходи на середину, сюда, встань перед ёлкой! — командовала классный руководитель, учитель географии Зинаида Эдмундовна.

«Космонавт» Стёпа, пунцовый от стеснительности, встал на указанное место.

— Стёпа хотя не отличник, но твёрдый хорошист. Таких берут в космонавты. И за хорошую учебу и замечательный костюм ему полагается... что? — спросила Зинаида Эдмундовна.

— Подарок! — хором откликнулся класс.

Когда Дед Мороз вынул из своего волшебного мешка упакованную коробку и отдал еще больше загустевшему Стёпе, все дети захлопали — каждый мечтал, чтобы скорее уже вызвали его, похвалили за костюм и дали подарок.

— Что нужно сказать Деду Морозу? — строго спросила классный руководитель.

— Спасибо, — буркнул хорошист Стёпа, почти бегом ушел за спины детей и стал сразу разворачивать коробку. Ему никто не мешал и не подсматривал — все дети смотрели на следующего счастливчика, вызванного к ёлке. Саша стояла с краю, ей вдруг подумалось, что она в платье «ёлочки» лучше всех будет смотреться у живой ёлки. И еще она хотела попросить разрешения рассказать новогодний стишок собственного сочинения:

Я бабулю так люблю,
Не шалю и не грублю,
И учусь серьезно,
И у дедушки Мороза
И у Снегурочки
Попросить бабулечке
Крепкого здоровья
И не хмурить брови!

Ведь она была не просто Александра, а Александра Сергеевна. «Почти Пушкин» — шутил отец. Саша хотела этим стихом порадовать и поб-

лагодарить бабушку за такое платье — самое лучшее на празднике. И бабушка у неё — самая лучшая. И папа — самый лучший. И мама, которую она видела только на фотографиях. Но осталась только бабушка, и стишок был для неё. Саша выписала строчки на листочек из тетрадки и время от времени подглядывала, чтобы не сбиться, когда её вызовут. Но вот уже остались две девочки и один мальчишка — Макар, двоечник, а её всё не вызывали. Наконец выкликнули двоечника — как и полагается по заслугам — последним.

— А теперь, дети, давайте позовем Снегурочку, — пробасил Дед Мороз, и все дети стали кричать за ним по слогам: «Сне-гу-роч-ка! Сне-гу-роч-ка!» На третий раз дверь распахнулась и в залу вплыла не очень молодая, но очень раздурманенная Снегурочка с огромными приклеенными ресницами. Взяв детей за руки, освобожденные от сданных родителями подарков, Снегурочка завела хоровод вокруг ёлки.

Саша стояла в стороне, как окаменевшая. Она не понимала, почему её не позвали, почему не похвалили платье, почему не дали сказать и не дали подарка. Она не плакала, только часто-часто моргала и смотрела на хоровод счастливых детей, которым не было до нее никакого дела. Саша даже не заметила, что её бабушка разговаривает у учительского стола с географичкой и Дедом Морозом, показывая то на неё, то на ёлку.

— Чего вы хотите? — раздраженно говорила Зинаида Эдмундовна.
— Все родители сдали по пятьсот рублей, кроме вас.

— Так откуда ж мне знать, Господи? — всплеснула руками Сашина бабушка. — Никто не говорил, никто не упреждал. И деткам не говорили, а то Сашенька бы обязательно мне передала.

— Конечно, не говорили. Ведь это сюрприз для детей, как мы можем им про их же подарки говорить? Да еще суммы озвучивать? Не соображаете?

— Милочка! Ну как же! А Сашенька? Вот возьмите, сколько у меня есть, но давайте подарок подарим, ей же обида на всю жизнь! У неё отец погиб на Украине, как же можно! — бабушка стала рыться в сумке и достала старомодный кошелек с металлической застежкой. — Вот, двести... триста...

— Не надо, уберите, — брезгливо поморщилась Зинаида Эдмундовна. — Нужно было в школьный чат заходить, там всё было указано, а сейчас поздно уже. И Украина тут ни при чём.

— Куда заходить?

Зинаида Эдмундовна потеряла интерес к разговору и отошла от стола.

— Послушайте, может у вас остался хоть какой-то подарок? — бабушка умоляюще посмотрела на Деда Мороза. Тот развел руками и вывернул мешок — там ничего не было.

— Уважаемая, я и рад бы, но нам дают ровно столько, сколько нужно выдать. А с другой школы ничего не осталось, — развел руками Дед Мороз. — Но погодите.

Он подошел к классному руководителю и что-то стал шептать на ухо, приподняв ватную бороду. Зинаида Эдмундовна сначала отмахивалась, но потом, видно, уступила, вернулась к столу и достала шоколадку «Алёнка».

Когда хоровод остановился, географичка подошла к ёлке, хлопнула в ладоши и крикнула:

— А Дед Мороз у нас забыл про одну девочку. А ну, Александра, подойди сюда, ко мне.

— А она детдомовская, — крикнул кто-то из мальчиков. — Вот и забыли.

Саша посмотрела на класс, выискивая того, кто это крикнул, но не сдвинулась с места.

Пауза затягивалась. Зинаида Эдмундовна, уже без улыбки, подошла к Саше и протянула ей шоколадку:

— На, бери свой подарок!

Саша отвернулась и пошла к выходу. Звезда на её колпаке плыла ровно, гордо и высоко. За внучкой торопилась бабушка с её пальтишком и уже не праздничной шапкой. Когда за ними закрылась дверь, Снегурочка снова взяла детей за руки и повела хоровод под «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай», но уже в обратную сторону.

3

Михаил потянулся к маленькому барчику, сделанному им саморучно в углублении обычного шифоньера, и достал початую бутылку недорогого коньяка. За эти дни он надморозил себе на большую печень, и пить бы не следовало, но завтрашний день обещал остаться незанятым, и можно было выспаться и восстановиться. Да и кто на Руси бросает пить на полбутылке?

Зато на закуску осталась целая плитка шоколада «Алёнка». Михаил зашуршал фольгой и вдруг представил себе давешнюю девчушку с серебристой звездой на смешном колпаке. Это её шоколад достался Михаилу, та злобная училка, видимо, отдала ему «Алёнку» нарочно, чтобы в жадности не упрекнули. Жадность не жадность, а чуткости там ни на грош... Михаил покачал головой и поднес рюмку к губам, с которых полдня нужно было отплевывать вату с дедморозовской бороды. Но не выпил... В голове завертелось что-то неуютное:

— Какая гордая девчонка — гляди, побрезговала шоколадом-то. А он вот не побрезговал. Да, чёрт возьми, какое ему дело — это же не его дочка, не его училка и школа не его. Своей дочурке он подарил такой подарок, что прям счастье... а эта — чужая, на всех чужих детей не страдаешься. Не его и всё. Но город-то его. И тот парень, который, как он слышал, погиб на спецоперации, тоже отсюда. Наверное, по частичной мобилизации взяли. Он сам по возрасту и по званию подпадал во второй

разряд, но до него пока не дошло. А вот мужику этому не свезло, да... А может, вообще доброволец. И я сейчас буду есть шоколад его дочери? Жаль, не спросил её имени-фамилии, в придачу с отчеством. А что бы ты сделал? Сбегал в магазин за отдельным подарком? Так всем не наносишь, а задним числом уже как-то не то...

Вдруг Михаил понял, что нужно делать, поставил рюмку на стол и взял вместо неё телефон:

— Сёма, ты? Ты же еще работаешь в этой конторе... организации... ну, как её... да, фонде... да, который посылки шлет на фронт... Ну да... нет, я теплое в прошлый раз отдал, сам мёрзну... Другое дело. Слушай, может, поможешь одной девчонке? Там исправить надо...

Убедившись, что на том конце его поняли правильно и записали адрес школы, Михаил обменял телефон на рюмку в обратном порядке и спокойно выпил досуха, не закусывая.

Волонтер Сёма не обманул. Связи фонда «Посылки фронту» были налажены на всех уровнях. Недели через две об этой истории уже знали на передке под Бахмутом, где воевал и погиб Сашин отец.

— Ты помнишь Серёгу — позывной «Сталкер»? — спросил своего бойца комроты.

Боец, пропитывавший в банке с растительным маслом бинт для самодельной свечи, откликнулся не сразу:

— Помню, как не помнить. Я его доку сдавал с рук на руки, когда «птичника»¹ на позицию сопровождали. Туда-то нормально, а обратно — накрыло из РПГ.

— Да... — ротный выпустил сизое кольцо в закоптелый потолок. — Не довезли «Сталкера». Помню, он еще приговаривал: «вперёд, вперёд, а не наоборот...» — что-то такое.

— Вот он вперёд за «птичником» и полез... за двухсотым уже... Я говорил ему: дождемся темноты, потом вытащим. Не, полез. А наоборот как раз лучше вышло бы.

Ротный помолчал, накуриваясь всласть.

— Тут такое дело... дочку его обидели. В школе. Волонтеры донесли.

Боец зажег свечу и прикурил от неё же.

— В смысле?

— Да в прямом. Обнесли на Новый год подарком. А детям, знаешь, это обида на всю жизнь.

— Кто ж спорит. И что теперь? Скоро весной запахнет.

Ротный сделал еще затяжку и притушил окурочек о ладонь.

— Олег, у тебя же отпуск не за горами?

Олег, не отрывая взгляда от жёлтого свечного огонька, пожал плечами.

— Отпуск скоро, да я на побывку к своей дочке поеду. И пацану своему. На Алтай. А «Сталкер» с Урала был, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься. С Челябинской области.

¹ Птичник — оператор дрона.

Пара бойцов из освещенного теперь угла блиндажа подошли к столу.
— Мне «Сталкер» раз жизнь спас — я за ним под обстрелом в нужный окопчик нырнул. А в тот, где мы полминуты назад сидели, 120-ка² прямиком прилетела.

— Я тоже в том окопчике с жизнью прощался. «Сталкер» выручил, да ты сам же знаешь, Сыч!

Олег, которого называли Сычом, закурил по новой.

— Да я так... к слову. Заеду. А что сделать нужно?

— Я бы директора школы расстрелял! — полушутя отозвался кто-то из дальнего тёмного угла.

Личный состав дружно рассмеялся. Олег завершил шутку второй половиной:

— На побывку оружие с собой не полагается. Если только из го@номета.

— Ладно. Оставим этих педа... говов жить пока, — милостиво разрешил ротный.

— Давайте, пацаны, сбросимся на такой подарок... на такой, чтобы все в классе от зависти задохнулись, — раздался тот же голос, который предложил расстрелять директора школы.

— Тогда уж и послание ей нужно записать, — предложил Олег, — дружно, вместе. Что отец, мол, герой и всё такое.

— Верно! — одобрил ротный. — Чтобы не посмели больше обижать дочь героя. Но не завидовали, а гордились.

4

Оказывается, в природе встречаются и хорошие понедельники. Саша узнала об этом, когда в конце урока географии открылась дверь и в класс вошли четверо серьезных мужчин. Один — самый коренастый — в камуфляже, с ровным рядом медалей на груди. Второго, в обычной толстовке, с сумкой через плечо, она не знала; третий, в строгом костюме, был, кажется, из какого-то начальства, толкал речи на школьных торжественных мероприятиях. Четвертым был директор школы, он следовал последним, пропуская остальных вперед. Зинаида Эдмундовна свела узкие брови и поджала такие же узкие губы в презрительно-строгую гримасу и уже открыла рот для возмущения, но, увидев расшаркивающееся начальство, оставила строгость только в глазах.

— Здравствуйте, дети, — неожиданно мягко сказал директор школы и махнул рукой встающему классу: садитесь, мол.

Ученики расселись шумнее, чем вставали, и навестили уши. Сейчас должно было произойти что-то очень интересное. Макар и Стёпа вжали плечи — наверняка пришли по их душу за разбитую давеча теплицу в частном секторе.

² Снаряд от мобильного 120-мм миномета «Барс-8ММК», используемый ВСУ.

Молчание долго не продлилось. Тот, который начальник, ужалив взглядом Зинаиду Эдмундовну, развел руками и начал:

— Дети, вы знаете, что по указу президента нашей страны Владимира Владимировича Путина о мобилизации от двадцать первого сентября две тысячи двадцать второго года были мобилизованы... призваны на службу граждане России — триста тысяч человек. Среди них, конечно, есть и мужчины нашей области и нашего города. Они храбро защищают нас на передней линии борьбы с новым фашизмом, который расцвел пышным цветом на Украине. И не все возвращаются назад. Многие... некоторые падают там... пали там смертью храбрых. Это герои, которыми гордится наша область, и наш регион, и наш город...

— И ваша школа! — перебил с досадой тот, который в толстовке. — И ваш класс. Потому что здесь учится дочь такого героя. Мы посылаем гуманитарку бойцам на фронт, за ленточку, на самый передок и в тыл тоже. И всех вас приглашаем к нам волонтерами. Мы — это волонтерский фонд «Посылки фронту». Но тут обратный случай. Посылка приехала с фронта. Дочери героя СВО — Александре Оловянниковой.

Все разом обернулись на замершую Сашу. Она медленно встала и застыла у парты. Только глаза её, перебегающие с одного взрослого на другого, засинели ярче.

Коренастый откашлялся и сделал шаг вперед.

— Меня зовут Олег. Олег Иванович, фамилию не называю, позывной «Сыч». Я здесь у вас проездом в отпуск из зоны боевых действий. Мы воевали с твоим отцом, Саша. И он спас мне жизнь. И не мне одному. И вот мы на фронте узнали, что тебе на Новый год не достался подарок. По... ошибке наставников... или по другой причине... — Олег обернулся и так выразительно посмотрел на Зинаиду Эдмундовну, потом на директора, что сразу стало ясно происхождение позывного. — В общем, мы, сослуживцы и боевые товарищи твоего отца, решили исправить этот... промах. Но, прежде чем вручить тебе наш фронтовой подарок, посмотри этот боевой привет от нашей роты. Сёма, подключи.

Олег дал свой мобильник, к нему подключили портативную колонку, которую Сёма вынул из заплечной сумки.

— Дети, давайте все сюда! — махнул рукой Олег.

— А как же урок? — хотела было возразить географичка, но под взглядом директора осеклась.

Детвора не заставила себя просить дважды и тесно сгрудилась вокруг Олега. Двоечник Макар даже умудрился потрогать медали. Одна Саша осталась на месте, как приколоченная к полу.

— Александра, что же ты стоишь? Иди сюда, — позвал Сёма. — Вот, становись в самый центр. Это же тебе.

Дети расступились, Саша встала прямо напротив экрана телефона. Включилась запись, и какие-то бородатые люди с теплыми глазами и широкими улыбками что-то говорили, называя ее по имени, уважительно

поминая отца, но что конкретно — Саша не разбирала, в ушах стоял какой-то гул, словно в них заложили вату из всей бороды тогдашнего Деда Мороза. Может, это шумели одноклассники, может, прозвенел звонок и шумела вся школа не перемене. А может, волнительный ком встает не только в горле, но и в ушах. Но слова: «дорогая Сашенька» и «поздравляем» — она все-таки услышала. Как же жалко, что этого не видит и не слышит бабушка!

Подняв уже поблескивающие первой слезой огромные глаза на Олега-«Сыча», Саша ждала, что нужно делать дальше.

— Вот тебе флешка, тут всё записано. Дома на компьютере посмотришь ещё раз. И бабушке покажи, — словно угадал её мысли «Сыч».

— У меня нет компьютера, — чуть слышно пролепетала Саша и удивленно посмотрела на засмеявшихся взрослых. Что же тут может быть смешного, если у ребенка нет того, что давно есть у всех.

— Есть, Сашенька, есть! — Сёма снял сумку с плеча и раскрыл её перед девочкой. Там через пластик поблескивал новый плоский, серого металлического цвета ноутбук. Олег вынул его и положил на парту.

— Это наш тебе новогодний подарок. Пусть в марте, зато праздник продолжается. Владей!

— Ого! — зажужжали дети. — Да это же «Макбук»! Во крутень! Дорогуший! Ну, Шурка, везучая!

Олег выпрямился, медали звякнули друг о друга, все сразу затихли.

— Везенье, дети, здесь ни при чём. Растите настоящими людьми, которые любят свою Родину. И малую, и большую — всю страну. Потому что лучше страны нашей не найдешь. И потому её не победить. И всегда у вас, и ваших детей, и у детей ваших детей будут самые лучшие подарки. Честь имею!

На этих словах прозвенел звонок. Дети закружили Сашу и вместе высыпали в коридор. Мужчины тоже вышли, только директор школы задержался на полминуты. Больше для вынесения выговора не понадобилось — возражений от «классухи» не последовало.

2024 г.

1991

*Стихи первых авторов «Суры»***Дина ЗЛОБИНА***

* * *

Почему всю жизнь по краю
Чёрной пропасти хожу?
У чужих костров сгораю,
Дома в сумерках сижу?

Лишь звезда мне грустно светит,
Как космический маяк.
Почему мне не ответит
На вопросы красный мак?

Почему молчит рябина
Над колодезной водой
И порою как чужбина
Отчий край, где снег седой,

Где от солнца золотого
Не добреет ворон злой,
Где у речки я готова
Стать морщинистой ветлой?

Мне б ронять в осенней стуже
В речку жёлтый лист сухой.
Почему мой смех снаружи,
А внутри лишь стон глухой?

* Опубликовано в № 1 за 1991 год.

Вадим БЕЛОУСОВ

**ХРАНИТЕ,
ЛЮДИ,
ТИШИНУ**

Стихи

* * *

Отрывки мыслей в голове седой.
Их не сложить мне воедино.
И уходящая картина
Мой будоражит взор слепой...

Вновь снег, вновь холод, вновь покой.

* * *

Храните, люди, тишину,
Учитесь жить в самих себе.
И, постигая глубину,
Внутри ищите теплый свет.

В безмолвии постигнешь суть.
Ты только там душой богат.
Здесь ощущаешь к Богу путь,
Кругом снаружи — суррогат

И мишуры дешевый блеск,
Ничтожества и лжи круги.
Пока не кончен жизни бег,
Беги к Нему, к Нему беги.

* * *

Всевышний, каюсь и молюсь!
Зажги любовь в душе моей.

К тебе я искренне стремлюсь
Сквозь пелену грядущих дней.

Расчисти путь, возвысь в мечте,
Не дай плутать в отбросах чувств.
Хоть на мгновение обогрей,
Хоть на минуту дай взглянуть
Мне в глубину твоих очей...

* * *

Я – состоящий из героя,
Из подлеца и из конвоя,
Из заключенного в тюрьму,
Из беглеца назад во тьму,

Из ощущения свободы,
Ночных кошмаров, непогоды,
Из малой веры во Христа,
Желанья – с чистого листа,

Из страха, боли и порока,
Из неоконченного срока
Блуждания моей души
Среди осколков мирозданья,

Из малой толики творца,
Из ощущений наглеца,
Из лени, страсти и ума,
Меня заведшего в страданье, —

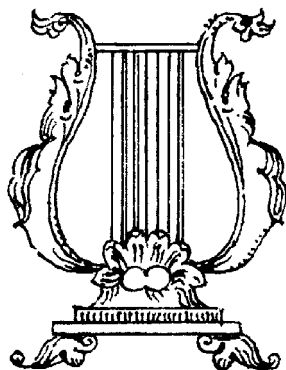
К тебе приду. Продли мой путь.
Не дай во страхе, без надежды,
Усталые смыкая вежды,
В грехе и мерзости уснуть.

* * *

В тиши ночной твой горький поцелуй —
Глоток воды от жажды из колодца.
Мне холодно, согрей и околдуй!
Тебе ведь это просто удаётся.

СТИХИ
УЧАСТНИКОВ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
СТУДИИ
«ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ
ЗВЕЗДОЙ»

Мария СИНЕНКОВА

* * *

Не дым то над домом клубится,
не ветер ютится к земле —
То старая Память-птица
поёт, растворившись во мгле.
Поёт о зелёном саде
в сиянии прошлых лучей,
о яблочно-грушевом граде,
о ясности прошлых ночей.
И было тогда так тонко
и живо качание трав,
как виденье мира ребёнком,
как мая смущенного град.
Теперь тебе долго снится
тот сон в предрассветной мгле.
Тебе здесь, надеюсь, спится
спокойно в родной земле.

Валерия ХУДЯКОВА

* * *

Лес. Закатом горят пики, в тени стволы.
Самолётик и медные пули.

За высокой травой не заметить змеи
и застывшей в испуге косули.

Хвойным пологом, застланное от зари,
рдеет дерево в сумрачной гуще.
Это красным на синем горят фонари,
это дикие яблоки в куще.

Самолётик скользит по незримой оси,
понарошку запущенный в реку.
Расступилась стена изумрудной листвы,
и косуля идет к человеку.

По корням, где лежат ледяные ручьи,
я иду к этой яблоне дикой.
А ружье уже вскинута кем-то вдали
и наставлено на Эвридику.

Но прицел сбит, и возле её головы
зреет плод на трепещущей мушке.
Отломился и выпал куда-то в кусты
механизм деревянной игрушки.

Артём СУРОВ

КОГДА ЕСТЬ ТОТ...

Когда есть тот, кто может поддержать,
становится возможным невозможное.
К мечте своей шагами осторожными
ты начинаешь ближе подступать.

Когда есть тот, кто может объяснить,
становится понятным непонятное.
Идеями горишь незаурядными,
которые желаешь воплотить.

Когда есть тот, кто может подсказать,
все двери для тебя вдруг открываются,
и столько смыслов разных появляется,
и в «можно» превращается «нельзя».

Когда есть тот, кто может растоптать,
с три короба наврать и плюнуть в душу, —

позволь-ка мне вопрос один задать:
действительно ли он тебе так нужен?

* * *

Большинству не дано понять, —
я попробую объяснить, —
что пора уж давно прекратить
всем подряд и во всём мешать.

Не мешай человеку ждать,
выходить из любых ситуаций,
сколько бы им ни продолжаться.
Не мешай человеку ждать.

Не мешай ты ему любить.
Ошибётся — значит, так надо:
пусть увидит, где ложь, а где правда.
Не мешай ты ему любить.

Не мешай ты ему сиять
ярче солнца на небосклоне.
Пусть он будет собой доволен,
не мешай ты ему сиять.

Не мешай ты ему страдать:
всё проходит — пройдёт и это,
в этом нет никакого секрета.
Не мешай ты ему страдать.

Смысл строк легко уловить,
даже если ты не мастак.
И звучит он примерно так:
не мешай человеку жить!

Захар АГАФОНОВ

ПОМНИШЬ?

Помнишь, мы с тобой в недавнем прошлом
были рядом.
Я была твоим бальзамом — впрочем,
стала ядом...

Реет запах — сигареты Charman
с шоколадом.

Ужин. Просишь позабыть о счастье:
— Брось ты, ладно?

Голоса, как стопки, глухо бьются
друг об друга.
Ресторан. В одном тебе забудусь,
мною обруган.

Лилия ЛУНЁВА

* * *

Я бы смог показать тебе звёзды,
но так больно вернуться туда,
Где покрылись багровой коростой
о любви запоздалой слова.

Где из светлого — жемчугом слёзы
на твоих собирались щеках.
Где о нас говорить уже поздно,
и я вновь ухожу впопыхах.

Где из тёмного — ревность рекою
распласталась за дымкой обид.
Страх уйти превращён в паранойю.
Страх остаться набатом гудит.

Мы, как свечи, сгорели. Остались
чёрной копотью в чистых сердцах.
Друг за друга зачем-то держались,
приходили прощаться во снах.

Я б не смог показать тебе звёзды,
Залатать наш разрушенный быт.
Наши чувства — кресты на погосте,
Стоят, врытые в землю обид.

* * *

Демисезонная тоска
в душе сгущается туманом.
Октябрь с дулом у виска
вскрывает штопаные раны.

И ковыряет, как хирург,
уже напившийся ликёра.

И терпкий запах горьких мук
затянет дымкой кортизола.

Он раскроит больную грудь,
рубцы на сердце посчитает,
чтоб снова грубо упрекнуть
меня за то, что я живая.

Но он озябнет и чихнёт,
слегка пошмыгивая носом.
Ведь, защитившись, принесёт
душа свирепые морозы.

* * *

На пыльных тропинках далёких планет
останутся наши следы.
— Мы были когда-то?
— Наверное, нет.
И в этом вся прелесть игры.

В земных воплощениях задача одна —
друг друга прощать и любить.
— А если я трудный?
— А я холодна?
Придётся смириться и быть.

Кармический хвост обнимает, как мать.
Мы что-то друг другу должны.
— Тебе будет больно.
— Я буду страдать.
Но мы для чего-то нужны.

— Я издалека на тебя посмотрю,
но так не решусь подойти.
— Наш шанс вновь быть вместе
не равен нулю,
но я выбираю уйти.

— Я буду к тебе возвращаться не раз,
мы связаны: в этом секрет.
— Я буду молчать.
— Подберу пару фраз,
ты снимешь свой
бронежилет.

На пыльных тропинках далёких планет
друг друга готовы искать.
— Поверишь мне снова?
— Наверное, нет.
— Тогда научись отпускать.

Виктория ШАЙБАКОВА

Из Пьера Ронсара.

Перевод с французского

* * *

Девчушка, провожу тебя на роз
бутоны посмотреть, раскрыты ли?
Они совсем как ты, глядят всерьёз,
Но пурпуром вечерним зацвели!

И всё же жаль до слёз, им места нет
здесь вознестись красой. Не стало
их к утру. Не виден даже след.
Природа миг один им завещала.

Так мне поверь, строга она ко всем,
нас обойти не сможет её рок.
Благоуханья цвет — не насовсем.
Сорвёт однажды старость твой цветок.

Елена ЧЕБАЛИНА

**ТАМ, ГДЕ ЛЮДИ
СТАНОВЯТСЯ
ПТИЦАМИ**

Стихи

* * *

В маленьких домиках свет горит
И ничего необычного.
Там каждый по-своему знаменит
И счастлив до неприличия.
А пахнет предательством и войной
И дружбой плохого качества.
За каждой выстроенной стеной
Истина чья-то прячется.
Но, если стены убрать на миг,
Странное выйдет зрелище:
Будто бы демон в нутро проник
И обнажил убежище
Страхов, фантазий и пустоты,
Скрытых за безразличием —
Все обязательные черты
Человеческого обличия.
Нищий художник напишет фарс
С шапкой, набитой мелочью...
Только бы в домиках свет не гас,
А остальное — мелочи.

* * *

Несколько слов останется в прошлом,
И новый начнётся день.

Каждый в своём вчера думает о хорошем.
И пусть сегодня не лень
В памяти бережно перебирать эскизы,
Не вписанные в сюжет,
И ничего, что снова случился кризис,
А точки отсчёта нет.
И ничего, что завтра — ненастоящее,
Так же, как и вчера.
Здесь — территория происходящего,
Новая кроличья нора.
Так и живём, не поддавшись панике,
Лишь переждав рассвет.
И кипятятся на плитах чайники,
И остановки нет.

* * *

Послушай, просто придумай мне новую жизнь —
Такую, какой у меня ещё не было:
Как будто я выиграла приз —
Чёрный ящик открыла, наполненный небылью.
Или лучше подари мне кота:
Он, как новая жизнь, неуёмный и бархатный, —
Он со мной сиганёт с моста
Или просто сыграет со мною в шахматы.
А впрочем, какой из меня игрок —
Я ведь совсем не умею прятаться.
Из десятка тысяч пустых дорог
Я выберу ту, что мне просто нравится.
А потому, прочитав сейчас этот бред,
Не ищи во мне полезные качества.
У меня всего лишь один секрет,
Даже не секрет, а так, обстоятельство:
Я люблю потрепаться с самой собой
Обо всём, что может казаться значимым,
Доставая из самых глубин порой
Всякую неведомую доселе всячину.
И потому тобою подаренный кот
Станет самым надёжным моим товарищем.
И всё, что с нами после произойдёт,
Уже не кажется столь пугающим.

* * *

Там, где люди становятся птицами
и летят, задевая крыльями покинутые дома,

мы с тобой поменяемся лицами,
отбросим ранги, почести, имена.
Там поймём друг друга по-настоящему,
ведь в душе у каждого своя война
и своя игра в нечто происходящее,
в нечто уходящее. И своя вина,
каждому присвоенная по случаю,
там необъяснима и не нужна.
Там своя гудящая вера в лучшее
и любовь до крайности искренна и верна.
Разлетимся в стороны и рассыплемся.
Каждое признание мгновенно сойдёт на нет.
И возникнут новые межсердечные импульсы,
новый невоинствующий рассвет.
И возникнут новые расстояния,
новые дороги, маршруты и города.
Только бы мне узнать твои новые очертания.
Только бы не потерять тебя навсегда.

1991

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

Дорогие братья и сёстры, приветствую вас!

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Многие выдающиеся умы планеты, жившие в разные века, говорили одно и то же: «Возрождение для планеты придёт из России». «Спасение России — есть спасение мира. Гибель России — есть гибель мира». Сегодня у России есть шанс не только спастись, но возродиться и стать примером для возрождающегося человечества, показав миру новую модель соци-

ально-экономического духовно-нравственного государства, основанного на справедливости. Модель, спасительную для всех, независимо от вероисповедания или социальной или этнической принадлежности. В этом великом действии литература играет одну из основополагающих ролей, и мне приятно наблюдать, как на протяжении вот уже тридцати пяти лет на русской земле, с которой связаны имена М.Ю. Лермонтова, В.О. Ключевского, А.И. Куприна, В.Г. Белинского, заметную роль играет журнал современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура». Этот журнал прекрасно известен профессиональным литераторам и требовательным читателям не только в Пензе и Пензенской области, так как за годы своего существования приобрёл всероссийскую, а впоследствии и международную популярность. Являясь автором и читателем журнала «Сура», хочу отметить, что прослеживается безукоризненно выдержанная и осмысленная направленность в работе всего творческого коллектива, который уверенно создал подлинный журнал, приверженный русской классической и традиционной литературе, а это в наше время особенно значимо. Нельзя не отметить прекрасную полиграфическую базу жур-

нала, работу общественного совета, подборку авторов и, конечно же, востребованность. По моему мнению, журнал «Сура» не просто один из ведущих журналов России, но и журнал, который участвует в выполнении исторической и цивилизационной миссии нашей Родины, а именно он участвует в воплощении глобального процесса мирового преобразования. Девизом Международного Славянского форума искусств «Золотой Витязь» являются слова, сказанные святым преподобным Сергием Радонежским, а он завещал нам: «Любовью и единением спасёмся». Мы спасаемся с вами вместе.

*Народный артист России,
депутат Государственной Думы РФ VIII созыва,
лауреат Патриаршей литературной премии имени
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Н.П. Бурляев*

* * *

Вот и стукнуло «Суре» 35 лет – возраст зрелости и горячей активности, куда всегда тянет, в этот райский уголок на холме под охраной стражника с копьём, в ее душевный мир...

Я не знаю более душевного для пишущей братии уголка, где так тепло, под гитару, под песни, принимают тебя, давая путевку в жизнь твоим «почеркушкам», как выражался Гавриил Троепольский, где набираешься сил и веры, что не зря забыл про домашний покой и уют и лезешь в очередной бой на просторах нашей клокочущей жизни...

Набирайся же еще годы, моя благословенная, отважная «Сура»!

Плодись сыновьями и дочерьми, а мы будем укрепляться в нашей верности и любви к тебе.

С днем рождения!

Твой Михаил Федоров

* * *

Пензенскому журналу «Сура» исполняется 35 лет. Для творческого издания это возраст зрелости.

За прошедшие годы и десятилетия здесь были опубликованы авторы, значимые для всей необъятной России. Их имена разбросаны по городам и весям, а произведения стали примером высокой литературы для

читателей самого разного возраста. Писатели пензенского края притом не теряются рядом с мастерами из столицы и других регионов. Так происхо-

дит постепенное сближение провинции и центра, тем более что смысл и содержание подлинной, глубинной России находится не в мегаполисах, а в больших и малых городах нашей Родины.

Поэзия и проза, литературная критика и публицистика – это художественное и смысловое поле редакция журнала стремится расширять, публикуя на своих страницах вещи, разные по форме и интонации, взаимно непохожие по сюжету и авторской речи. Традиционные жанры очень емко дополняются работами по краеведению, что так важно сейчас, когда особенно остро стоит вопрос о русской исторической памяти.

Журнал «Сура» очень последовательно двигался к своему нынешнему творческому статусу весомого и содержательного издания, которое пользуется заслуженным авторитетом у прозаиков и поэтов, эссеистов и критиков и, самое важное, у читателей.

Творческих сил тебе, «Сура», ярких публикаций по животрепещущим темам. А редакции журнала – терпения и любви к отечественной литературе, чуткого внимания к человеку наших дней.

Редакция журнала «Подъём» (Воронеж)

* * *

Любимому журналу 35 лет!

35 лет – это много или мало? Это огромный срок для печатного издания. Это каждодневный труд над словом на страницах журнала. Это многотысячное поступление материалов от авторов со всех уголков страны, которые нужно прочесть и оценить по достоинству. Это бессонные ночи, работа, поглощающая все свободное время, да и, скорее всего, этого времени у редакторов нет. Да! Это большой срок! Срок этапа части жизни, отданной ради литературы.

Речь идёт о журнале «Сура» и о его редакторском составе в лице главного редактора Б.В. Шигина и членов редакционного совета В. Сухова, О. Сиротина, О. Макаровой, Е. Комзаловой. Это они творцы и создатели издания, полюбившегося читателям.

Журнал на самом деле интересный и познавательный, не только затрагивающий актуальные темы, но и знакомящий с интересными людьми своего города: художниками, поэтами, писателями, критиками. На его страницах освящаются те или иные даты, даётся место дебютировать

молодым авторам, вселяя в них надежду, что всё получится. В нём есть место для детской литературы, чтобы родители могли почитать детям вышедшие новинки, написанные авторами из других городов страны.

Журнал «Сура» – это объединяющее издание, несущее в мир мысли о Родине, вере, доме, семье – главных традиционных ценностях людей на планете. А плохим журнал просто не может быть по определению, так как находится под крылом своего знаменитого на весь мир земляка, любимого всеми поэта М.Ю. Лермонтова. Лермонтовский дух витает над городом Пенза, где создаётся журнал «Сура», рождая новых замечательных творцов слова.

Любое издание начинается с обложки. «Суру» не спутаешь ни с одним другим журналом, так как на его обложке есть портрет М.Ю. Лермонтова и фото Лермонтовской библиотеки, которая помогает в издании чудесного журнала. Значит, наше слово будет жить долго, его будут читать будущие поколения.

От себя лично, от редакции наших изданий «Параллели», «Крылья», «ЛитКузница» и журнала «Параллельки» поздравляем редакцию журнала с юбилеем! Пусть журнал «Сура» радуется читателя своими прекрасными материалами, интересными стихами и яркой прозой. Несите свет и любовь людям! Долгих лет любимому журналу!

*С уважением,
член Союза писателей РФ,
гл. редактор литературно-художественных альманахов
«Параллели», «Крылья», «ЛитКузница»
и журнала «Параллельки»
О.М. Борисова,
Самара*

1991

Стихи сотрудников «Суры»

Владимир ДАВИДОВ*

ПАМЯТЬ

ПАМЯТЬ

Отрывок из поэмы

Дед говорил, не горячась,
Слова с ленцой текли за мыслью;
Рука тянулась — от плеча
И вверх — к виску — беспалой кистью.

Потом опять к плечу рука,
Чуть задрожит и вверх — обратно...
Любил я слушать старика
По вечерам невероятно!

Бывало: бабка на покой,
Задёрнет только занавеску,
Как дед кивнёт мне головой:
— Ужо приду... — не спи, мол, дескать.

Вот сядет (скрипнет табурет),
И щёлкнет крышка портсигара.
И вот мы вместе — внук и дед,
Мужчины — маленький и старый.

* Давыдов Владимир Николаевич — редактор отдела поэзии журнала «Сура» (1992–2002 гг.).

Дед часто открывал сундук
И говорил чуть-чуть устало:
— А вот давай посмотрим, внук... —
И брал альбом в обложке алой.

Семейный старенький альбом
Из пожелтевших фотографий...
Сиренью заслонённый дом.
Отец в сатиновой рубаше.

Вот мама — в бочке, у крыльца,
Купает старшую сестрёнку.
А вот и тот портрет отца —
Последний — перед похоронкой...

Когда я был годами мал,
Не находя себя в альбоме,
Я, помню, крепко ревновал
К сестре, а дед мирил нас, помню...

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

На станции последние прощанья.
Как вдруг внезапно грянул медью гром.
И стриженные мальчики с вещами
Вновь встали в строй, заполнив весь перрон.

Когда раздался каждому знакомый
Прерывистый, сверлящий уши звук
И, вздрогнув, потянулись вдоль платформы
Вагоны, в пёстром колыханье рук, —

В туманную пастель осенней дали,
Минуя семафоров огоньки,
Услышал я под перезвон медалей
Счастливый голос: «В добрый путь, сынки!..»

Россия — неоглядные просторы!
Вот потому в твоих масштабах нет
Приюта меркам маленьким, которым
Сродни враждебность, мелочность сует...

А старый марш «Прощание славянки»
Всё разносился далеко окрест —

Уже вдогон колёсной перебранке
С прощальным взглядом матерей, невест...

НА ХОПРЕ

Здесь перед простором необъятным
Дышится и глубже, и вольней.
Просто всё, и всё невероятно! —
Рыбы всплеск, кружение шмелей...

Здесь во всём какая-то грустинка.
И, наверно, это оттого,
Что похоже на одну картинку,
Что из книжки детства моего.

Всё во мне! — Что лишь доступно взгляду:
Синий воздух и зелёный лес;
Жёлтым, вдалеке, коровье стадо,
И стрекозы, и янтарный плёс...

1991

*Стихи сотрудников «Суры»***Сергей ГУЛЯЕВСКИЙ*****ЗОЛОТЫЕ ЖУРАВЛИ****ОСЕННИЙ РОМАНС**

Ах, как грустно жить на свете
Здесь, у роши на краю,
Где с утра цыганский ветер
Скрипку пробует свою

И, с унылым завываньем,
Монотонный этот звук
Духом вечного скитанья
Наполняет всё вокруг.

Всё, что было, — словно снится,
Жизнь уходит из-под ног,
И душа моя кружится,
Как оторванный листок.

И за жёлтою метелью
Я слежу во все глаза,
Словно я и в самом деле
Поднимаюсь в небеса.

* Гуляевский Сергей Николаевич — редактор отдела прозы журнала «Сура» (1992–2003 гг.).

И за мной с прощальным стоном
Улетают от земли
Осыпающихся клёнов
Золотые журавли.

ТУМАН

О боже, как скучно
Без слез и страданья
В потоках воздушных
Терять очертанья

И, в сумерках тощих
Бесшумно ступая,
Кружиться у рощи,
Как лошадь слепая.

ПЁС

Кошкой пахнет, кошка близко,
Оттого и нету сна.
Чисто вылизанной миской
Скучно светится луна.

Бок болит к дурной погоде.
Рядом сушится бельё.
Оттого луна выходит,
Чтобы выли на неё.

У соседки, у старухи,
Поздний ужин, скрип дверей.
Нету сна. Хотя бы мухи
Прилетали бы скорей.

Жизнь прошла за пустяками.
Оттого-то, может быть,
Клацнув жёлтыми клыками,
Сладко с лёту мух ловить.

Над мушиным роем барин,
Весь меняюсь я в лице,
Когда утром сам хозяин,
Крякнув, встанет на крыльце.

Только чую, чую: ветер
Скоро дунет у ворот,
Свистнет смерть — и перед смертью
Хвост хозяин подожмёт.

И, смиряя поневоле
Сердце гордое своё,
Он, как я, в собачьей роли
Будет в доме у неё.

И подумать даже странно,
Что хозяин, может быть,
Будет в будке деревянной
Под землёю сторожить.

1991

*Стихи сотрудников «Суры»***Лидия ТЕРЁХИНА*****ВСЁ В СВОЙ СРОК****В ЧЕРНОЛЕСЬЕ**

В такую глушь как занесло меня?
Ни дерева здесь не видать, ни пня,
просвета нет, нет никакой дороги...
Жгутом колючим хомутают ноги
тугие плети сизой ежевики.
Хоть надорвись, заглушит зелень крики —
стеной — кустарник лоха и лещины,
подрост ольхи, черёмухи, осины...
Здесь мрачно, сыро, так серо и душно!
Не знаю, как покинуть эту кушу.
Как будто после гибельной стихии
лес измельчал и птицы поутихли.
Но и сюда спускаются стихи из
небесных палестин — по паутинке.

БОЛЬНАЯ БЕРЁЗА

На больной берёзе колготится
разнопёрый птичий карнавал:
свиристели, воробьи, синицы,
даже дятел утром прилетал.

* Терёхина (Дорошина) Лидия Ивановна — редактор отдела поэзии журнала «Сура» (2003–2020 гг.).

Кормятся или бедняжку лечат...
Только человеческий опыт мой
говорит: иссохших листьев лепет
переполнен смертью и зимой.

Знаю, что весёлый птичий щебет
не пробудит по весне серёг
и листочков... Вот и сердце щемит
осознание: ей пора всерьёз,

навсегда, а не под снегопады
уходить и превращаться в прах.
А она сегодня — птичья радость —
напоследок кормит бойких птах.

ВСЁ В СВОЙ СРОК

Всё в свой срок.
Вот упало последнее яблоко раннее,
но светится бледно-зелёным антоновка,
всё ниже, темнея, спускается облако,
берёза обвисла косицами томными,
и по непреложным природным законам
охряными ключьями сделались ночью
летучие крылышки черноклёна.
Всё в свой срок.
И пока не получен последний урок,
я для тех, кто в пути,
затепляю в окне огонёк,
потому что самой в дальний путь
мне уже не идти,
бездорожьем с заплечной сумой
на чужой огонёк не брести...
На своём этаже,
не пытаюсь предвидеть,
что станет с нами — со всеми,
и не дуя с опаской на воду,
россыпь дней зажимаю в горсти.
Но меж пальцев стекает
бесценное Вечности семя,
и неведомо время ухода...
Всё в свой срок.

1991

*Стихи сотрудников «Суры»***Татьяна КАДНИКОВА*****ВЕДЬ В НАШИХ ВЕНАХ
ГОРОД НАШ ТЕЧЁТ**

* * *

Казалось бы, всё в Пензе не хитро:
Купеческие домики по ходу,
В ней не найдёшь трамваев и метро —
Уютней здесь и проще пешеходу.
Но как в себя мне хочется вобрать
Её базар с толкучкою негромкой.
И с музыкантом вместе поиграть
Внизу Московской, в скверике укромном!
Пусть кто-то озабочен, вдаль спешит,
А кто-то шагом движется вальяжным,
Прислушиваясь к песенке «за жизнь»...
И твой земляк тебе спасибо скажет
За то, что ты такой же, как и он, —
Обычный работяга... не столичный.
И благовест прольёт свой долгий звон,
Наш скромный дар приняв и возвеличив.
Мигнёт над Пензой быстрый самолёт.
В ответ рукой с земли помашем гордо,
Ведь в наших венах город наш течёт —
Дыханьем неба, света и восторга.

* Кадникова Татьяна Владимировна — редактор отдела прозы журнала «Сура» (2010–2016 гг.).

УТРЕННЯЯ МУЗЫКА

Пусть кто-то утром гладит кофточки,
А кто-то варит кашу манную.
Я слушаю с утра Чайковского,
Приветствуя зарю румяную.

То замирая, то вальсируя,
На службу собираюсь спешно я.
И зеркало, меня копируя,
Поглядывает чуть насмешливо.

В маршрутки втискиваюсь душные,
Бегу в метель, себе завидуя:
Как здорово надеть наушники
И слушать музыку Свиридова!

И суетность, и раздражение
Уступят место ей тихонечко.
С утра звучат проникновеннее
Сонаты Шнитке и Бетховена.

Живи и здравствуй, радость тайная!
Светило, восходя, закружится.
Как много в мире неслучайного:
Нашли друг друга я и музыка.

ВСТРЕЧА С КУПРИНЫМ

Возможно, кто-то ждёт чудес иных,
Ведь, разобраться, всяк из нас — мечтатель!
А я б хотела встречи с Куприным
В его домишке старом, в Наровчате,

И чтоб витал везде апрельский дух.
Во двор мы выйдем. Синь небес и влага.
Я знаю: у него прекрасный нюх,
И вешней прелью нам дышать во благо.

«Куприн здесь!» — всколыхнется Наровчат,
Примчатся за автографом мальчишки.
«Читали мы про доктора! — кричат, —
Про пуделя, слона... — все ваши книжки».

А мы пойдем тихонько за село —
Увидеть, как поля весной красивы.
«Как, — он мне скажет, — было тяжело
Без всех без вас и без моей России.

Средь деревенских я такой, как есть.
«Тут русский дух», — изрёк бы мудро Пушкин.
В Европе — лишь амбиции и спесь,
Иным лекалом скроенные души.

Как покалечил наши судьбы век!
Пора назад мне — ждёт баул дорожный».
И солнца блик — гранатовый браслет —
Он мне в ладони оберегом вложит.

И я расплачусь от избытка чувств,
Одна оставшись под бескрайней синью.
И без него я в дом пустой вернусь,
Где пахнет хлебом, мятой и полынью.

МЕРКУШЕВ Анатолий Фёдорович (24.09.1948 – 23.03.2023). Родился в Ставропольском крае. Окончил ПХУ им. К.А. Савицкого (1975). Член Союза художников РФ. Участник республиканских, всесоюзных и международных выставок, неоднократный призёр всесоюзных и международных конкурсов плаката. Лауреат премии за достижение в области изобразительного искусства. Преподавал в ПХУ, работал художественным редактором в литературном журнале «Сура» (1992-1993, 2000-2003). Сфера творчества – плакат, прикладная и станковая графика, живопись. Работы находятся в частных коллекциях страны и за рубежом.

Начинай рабочий день
с хорошим настроением.
Плакат. 1981

«В уме я создал мир иной». 2012

Мысли
с натуры.
Минводхоз.
1991

Ранний
завтрак.
1991

Мысли
с натуры.
ГОЭЛРО.
1991

СЮЗЕВА Наталья Геннадьевна. Родилась в Пензе в 1965 году. Закончила ПХУ им. К.А. Савицкого (1984), отделение «Промграфика».

До конца 1990-х гг. занималась плакатом. Лауреат и дипломант многих всесоюзных и международных выставок-конкурсов плаката. Член Союза художников России (1993), секция «Искусство плаката». Художественный редактор литературного журнала «Сура» (1994-2000). В настоящее время работает как художник-живописец. С 1994 г. преподаватель специальных дисциплин в ДХШ №1 в Пензе. С 2005 г. преподаватель специальных дисциплин в ПГПУ им. В.Г. Белинского в Пензе, кафедра ИЗО. Активная выставочная деятельность – с 1988 г. Работы хранятся в государственных и частных коллекциях России и за рубежом.

Я несу тебе Луну

Прогулка с мотыльками

К 35-летию журнала «Сура».
Живопись Натальи СЮЗЕВОЙ

СУРА

Бой красных
петухов

Русская Зима

Не бойся,
я с тобой

Земляника поспела

1991

Стихи сотрудников «Суры»

Валерий СУХОВ ЧИТАЯ КЛЮЧЕВСКОГО

РУССКИЕ

*Ни один народ в Европе не способен
к такому напряжению труда на короткое
время, какое может развить великоросс...*
В.О. Ключевский

Характер русский — формирует климат.
Пусть вечно выживаем — но живём!
Сохой вспахали до камней суглинок —
И он нам заменяет чернозём.

Рвём жилы, выкорчёвывая сосны,
Чтоб на новине вызревала рожь.
И день порою знойно-сенокосной
Перед грозой на смертный бой похож!

Привычны к бедам мы с времён Батия,
Где город был, там пепел и зола.
И пусть от ига низко гнётся вяя,
Зато целей бывает голова.

* Сухов Валерий Алексеевич — редактор отдела поэзии журнала «Сура» (с 2020 г. по настоящее время).

То втопчем в грязь, то запоём осанну.
И грешен всяк, лишь на духу спроси.
Мы верим только князю Александру:
Не в силе Бог, а в правде на Руси!

Как ванька-встанька с пола поднимались.
Отдали всё, фантомно что болит.
Пусть нет Руси, но русские остались.
А под иудами — земля горит!

Мы глобус школьный на ветру вращаем.
Он пулями нацистскими прошит.
Мы возвращаемся и возвращаем
То, что по праву нам принадлежит...

Пусть тучами клубится вражий сонм —
Бессмертен полк из воинов убитых.
И вновь зовёт нас колокольный звон
На литургию Куликовской битвы!

ПОЕДИНОК

*Московское государство родилось
на Куликовом поле, а не в скопидомном
сундуке Ивана Калиты.
В.О. Ключевский*

Князь твердил слова молитвы,
Крест меча в руке сжимая.
Волновалось поле битвы,
Грудь высокую вздымая.

Напряглись тугие жилы.
Кровь бурлила, закипая!
Справа — русские дружины.
Слева — полчища Мамая.

Засверкали стрелы молний.
Тучи мчались, багровея.
Понесли навстречу кони
Пересвета — Челубея!

Копья их скрестились в схватке.
Так явилась Русь на свет.

Челубей истлел в распадке.
В рай вознёсся Пересвет.

КРЕСТ И МЕЧ

*Глаз исторического знания уже не в состоянии
разглядеть хода этой подготовки великих борцов
1380 года; знаем только, что преподобный Сергей
благословил на этот подвиг главного вождя
русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников
смело, без колебания, и победишь».*

В.О. Ключевский

Сергий и Дмитрий — святитель и князь.
Креста и меча неразрывна связь.

Под радугой окропились дождём,
Крестным на небо идя путём.

На траве — серебро сентября.
Битва занялась, как заря.

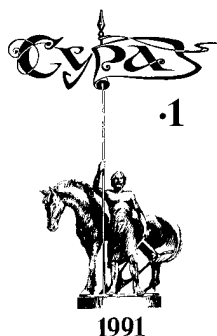
Лик грозы по-татарски раскос.
Русский яростен сенокос!

На Куликовом поле полки
К вечеру полегли, как валки.

Стал на закате кровавым Дон.
Раненый князь поднялся с трудом...

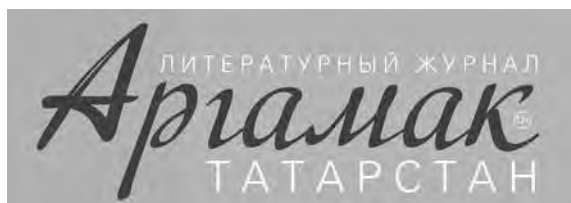
Калики над Куликовым полем —
Кричат «курлы» с неизбывным горем...

В памяти остались людской
Святые: Радонежский, Донской...

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

ПО РУССКОМУ ТЕЧЕНИЮ

Есть в России особые реки – реки-сёстры, несущие свои воды в единую для всего Отечества Волгу. В Набережных Челнах – это Кама, впадающая в главную русскую реку слева и захва-

тывающая своим течением Удмуртию, Пермский край, Башкортостан и Татарстан, а в Пензе – Сура, правый волжский приток, текущий через Пензу, Ульяновск, Нижегородскую область, Мордовию и Чувашию. Исходя из этого, представляется не случайным, а глубоко метафоричным то обстоятельство, что наши города также объединяет единое литературное течение современной российской действительности: на берегу Камы уже 17 лет издаётся литературный журнал «Аргамак. Та-

тарстан», а пензенская река дала своё название журналу современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура», празднующему своё 35-летие. Получается, что «Сура» – старшая сестра «Аргамака»! Ну разве мы можем не поздравить с этим замечательным юбилеем своих коллег, соратников по общему литературному делу, которое в отличие от других, не менее важных видов искусств несёт в себе главные смыслы, запечатлённые в Евангелие от Иоанна: «Вначале было Слово»?.. Всем «суровским» от всех челнинских и татарстанских поэтов, прозаиков, критиков и публицистов желаем отменного здоровья

и творческого долголетия! И – пусть не ослабевает ваша финансовая поддержка из губернаторской казны, чего и себе желаем, имея в виду бюджет родной Республики Татарстан! Государственная помощь в словотворчестве была важна и необходима в русской литературе начиная со времён Александра Сергеевича Пушкина, она успешно продолжалась и в более позднее – советское – время. Это общенародное, государственное дело!

В наше сложное, противоречивое время многие смыслы стали размываться и подвергаться сомнению. Со времён «перестройки» (я не напрасно ставлю тут кавычки) нас пытались приучить к тому, что литературное творчество – сугубо индивидуальное ремесло, писатель должен сам заботиться о судьбе им написанного, в том числе, о своих тиражах и, соответственно, заработках, к удивлению чиновников называемых гонимыми. Стало подвергаться сомнению содержание литературно-художественных журналов за государственный счёт. И по сей день по этой причине резко снизились тиражи так называемых центральных журналов, а некоторые из них даже закрылись. В Москве, например, удалось закрепиться немногим из них. Слава Богу, продолжают существовать и выходить к читателям «Молодая гвардия» и «Наш современник». Замечательно, что писателей России поддерживает публикациями «Новая Немига литературная», журнал на русском языке, выходящий в братской Белоруссии.

Но удивительно, как неожиданно отреагировала на этот негативный процесс российская провинция! Она, словно предчувствуя надвигающуюся беду отлучения общества от художественного слова, стала открывать литературные журналы и альманахи в своих палестинах. Так появились в Красноярске – «День и ночь», в Иркутске – «Сибирь», в Оренбурге – «Гостиный двор», в Йошкар-Оле – «Литера», на Алтае – «Бийский вестник», в Калининграде – «Берега». Успешно продолжает существовать наиболее старший по возрасту воронежский «Подъём». А тут и мы с «Сурой» в Пензе и с «Аргамаком» в Набережных Челнах. И все из названных действуют отнюдь не в роли пристяжных или «местечковых» изданий, а каждый со своим стилем, характером, гражданским поведением и – на общероссийском уровне! При этом многие журналы и альманахи я не назвал, да простят меня за незнание их обстоятельств коллеги-редакторы...

В заключение хочу поблагодарить редакцию журнала «Сура» за то, что я становлюсь по милости её главного редактора Бориса Шигина и заведующего отделом поэзии Валерия Сухова постоянным автором вашего замечательного журнала. А недавно и совершенно неожиданно стал его лауреатом в номинации «Поэзия» за 2025 год. Горжусь!

*Николай Алешков, главный редактор журнала «Аргамак»,
Набережные Челны*

* * *

Главному редактору журнала «Сура»
Шигину Б.В.

Уважаемый Борис Владиленович!

В августе 2026 года журналу современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура» исполнится 35 лет. Поздравляю Вас, как главного редактора с 2003 года, а в Вашем лице весь коллектив сотрудников и авторов издания со славной датой!

Журналу есть чем гордиться: его любят и знают в России, его авторов объединяет любовь к нашему национальному гению

– Михаилу Юрьевичу Лермонтову, чьё творчество – путеводная звезда для всех, кому дорога русская культура. Давний автор журнала «Молоко» Николай Васильевич Лукьянович – капитан 1-го ранга в отставке, доктор политических наук, профессор – выступал на страницах «Суры» с документальным повествованием, посвященным поэту. Впоследствии он выпустил монографию «Михаил Юрьевич Лермонтов. Тайны и загадки военной службы русского офицера и поэта». В 2023 году эта книга была отмечена Всероссийской литературной премией им. М.Ю. Лермонтова.

Мы рады, что на страницах «Суры» представлено творчество многих наших авторов: Валерия Савостьянова, Алексея Полуботы, Ивана Щёлокова, Нины Поповой, Светланы Замлеловой, Геннадия Ёмкина, Александра Нестругина, Виктора Кирюшина, Вячеслава Лютого, Евгения Юшина, Артёма Попова, Виктории Синюк, Василия Килякова, Дмитрия Воронина, Александра Балтина, Андрея Попова, Елизаветы Мартыновой, Елены Заславской, Риммы Лютой, Дмитрия Ермакова, Алёны Даль, Якова Шафрана, Виктории Радугиной, Фёдора Ошевнёва, Ирины Соляной, Сергея Пылёва, Олега Куимова и др. Добрые рабочие отношения сложились у редколлегии нашего издания с редактором отдела поэзии «Суры» Валерием Алексеевичем Суховым. Так и должно быть: в творческом взаимодействии, благодаря дружественным изданиям, ориентированным на классический идеал в культуре, выстраивается единое литературное поле России – ради будущего народа, государства, мира.

Уважаемый Борис Владиленович! От имени редколлегии и авторского коллектива, от имени читателей нашего журнала желаю Вам и сотрудникам «Суры» доброго здоровья и благополучия. Пусть трудами главного редактора, редакции и авторов «Сура» продолжает радовать нас достойными произведениями русской словесности. Журнал уже стал частью

истории современной литературы России. Пусть впереди будут новые вехи и юбилеи – под сенью великого поэта России Михаила Юрьевича Лермонтова!

С уважением,
главный редактор Лидия Сычёва

* * *

**Тульское отделение Союза российских писателей
Редколлегия литературного альманаха «Тула»**

Дорогие друзья и коллеги!

От всей души поздравляем вас с замечательным юбилеем – 35-летием вашего журнала!

Три с половиной десятилетия – это не просто срок, это целая эпоха в культурной жизни Пензы и всей России.

За эти годы ваш журнал стал не просто сборником текстов, а настоящим мостом между талантливыми авторами и взыскательными читателями. Вы сохранили верность высоким литературным традициям, но при этом всегда оставались открытыми к новым именам, смелым жанрам и современным темам. Здесь, на пензенской земле, рождается настоящая проза и поэзия, которая находит отклик далеко за пределами региона.

Желаем вам неиссякаемой энергии, вдохновения и новых открытий! Пусть ваши страницы никогда не пустеют, тираж растет, а каждый номер становится событием. Новых ярких авторов, благодарных читателей и верных друзей.

С юбилеем, хранители живого слова! В добрый путь к новым вершинам!

*Председатель Тульского отделения Союза российских писателей,
главный редактор литературного альманаха «Тула»,
прозаик Овчинников Сергей Михайлович.*

Члены редколлегии литературного альманаха «Тула»:

Андрей Коровин (Москва) – поэт,

Борис Лукин (Москва) – поэт,

Александр Евсюков (Москва) – прозаик, критик,

Борис Земцов (Москва) – прозаик, публицист,

Виктория Ткач (Тула) – поэт,

Юрий Кириленко (Тула) – прозаик.

08.06.2026

Андрей ШАЦКОВ

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
НАЧАЛА
XIX ВЕКА**

Стихи

I. ВАЛЬС ДЕКАБРИСТОВ

Весна — ты близко! Ощущаю
Твою загадочную синь.
Друзья, ко мне, на чашку чая!
Поручик, троньте клавесин.

Сыграйте что-нибудь такое...
Хотя б старинный мадригал.
И переполненный бокал
Я двигал звукам в такт рукою.

Гас вечер... Стаи черных птиц
Вещали сумерек истому.
Меж аксельбантов и петлиц
Ты шла, ступая невесомо.

Присела около меня:
«Мой друг, темно, зажгите свечи...»
И вот на худенькие плечи
Упал тяжелый сноп огня.

Я звякнул шпорами, и мы
Плывем тихонько по гостинной.
На проводах своей зимы
Танцуем этот вальс старинный.

И с заалевшего лица
Не сходит странная улыбка.
Всё в мире призрачно и зыбко,
Лишь отбивают такт сердца.

Трубач тревогу протрубил,
И суета на коновязи...
«Здраст...! Ваш...!» — фельдъегерь отрубил,
А сапоги в дорожной грязи.

Растает полк в объятьях тьмы.
Мой друг, наш след залижет заметь...
Но пусть твою тревожит память
Печаль о проводах зимы.

II. ВЕСНА НАД РУЗОЙ

Там, где лещина да болотина
И бор густой до окоема,
Опального поэта Родина
И бабушкиных сказок дрема.

Здесь, где сошлись дороги узкие,
В полях заснеженных блуждая,
Все бродят костяки
французские,
От града Рузы — до Можая...

Купецкий город сладко почивал.
(Здесь в пятницу гуляла ярмарка.)
В рядах обжорных ели сочиво.
И пили хмель казенный чарками.

И были горожанки в панике
От удалых гусарских выстрелов.
И продавали мед и пряники
Засевшие в лабазах выкресты...

А в это время в Шереметьево,
И в Комлево, и в Осташёво
По окончанью года третьего
Войны
цвели сады вишнево.

И в храм собравшись Воскресения,
Надев с опушкою мундиры,
Впервые про «Союз спасения»
Вели беседы командиры.

И достичь мечтали — лучшего.
И правили балы и свадьбы.
А домочадцы ждали — Тютчева
У тетюшки, в стенах усадьбы...

Когда весна стоит над городом,
Когда на сердце петь охота,
В рубашке с растворенным воротом
Стучись в заветные ворота.

К той, что была судьбой обещана
И снилась напролет, наверное,
От Сретенья до Благовещенья,
От Благовещенья до Вербного!

III. НА СТОГНАХ РОССИИ

Над Бородинским полем — вечность
И два «орлиныя крыла»!..
Звёзд августа густая млечность
Над спелой рожью процвела.

С утра огнём взорвутся тучи
Редутов, брызжущих свинцом.
Гвардейский юный подпоручик
Не дрогнет каменным лицом.

Серж — средний Муравьёв-Апостол —
В перчатках тронет коновязь...
В бою — российских бед короста
Ещё не режет ясных глаз.

Штыком солдат обрящет волю
Под сенью царственной руки!
В стальном каре стоят по полю.
Российской гвардии полки...

Умолкли трубы ратной славы.
Свободы сны умчались прочь.

На стогнах вековой державы
Царит удушливая ночь.

Нет, не судьба...
Любовью братской
Добыть свободу не с руки...
В каре на площади Сенатской
Стоят мятежные полки.

Над ними — поминаньем вечным
Плывёт церковью сорокоуст.
Отсюда — трактом бесконечным
Летят в метель, под снежный хруст

Фельдъегеря, и так непросто
Развеять лютую тоску...
Серж — средний Муравьёв-Апостол —
На марш в Черниговском полку

Выводит роты...
В чёрном дыме
Не различить в полях пути.
И не Москва теперь «за ними»,
А холодный Питер впереди!..

Куртина. Рокот барабана.
Незыблем царственный престол.
И проступает из тумана
Поспешно срубленный «Глаголь».

И рябь с утра в небесной сини.
Рябят и Стугна, и Нева...
И носит ветер по России
Заупокойные слова.

IV. ЗИМНЯЯ ЕПИТИМЬЯ

Господь молчанье наградил...
И руки выронили стилос.
Пока поэзия постилась,
Ко мне никто не приходил?

Чье там копыто у крыльца?
Откуда тянет запах серы?!

И снова кружат дум химеры.
И веки — тяжелей свинца.

Увяла в Болдине трава.
Листва осенняя сгорела,
И, льдом отрезав дух от тела,
Зима, ты, кажется, права?

Что мне осталось? Побелеть,
Пустив за верою порошу.
И лишь сибирских трактов ношу
Судеб любимых женщин петь?

И сына пить за упокой.
В каре, на площади Сенатской,
Он принял смерти кубок братский
Простреленной свинцом рукой.

Дыханье смрадное в ночи...
Но языки капелей — сахар
снегов слизнут. Поставь без страха
На подоконник три свечи.

Гляди в туманное кольцо
На святки, гульбища, коляды
И жди... Из Северного ада
Проглянет внешнее лицо!

И разомкнет Господь уста.
И разомкнутся реки к устью.
И вновь потянутся над Русью
Стрижи в заветные места.

И грянет первый гром вдали,
И промелькнет в прогале вербы
Весна с глазами Натали
И с нежной поступью Эвтерпы!

Сергей ОВЧИННИКОВ
РАДОСЛАВА

Рассказ

*Какой высокий день! Листва опала,
И солнце в тонком неводе теней.
Уже заметно холоднее стало.
Да, да, заметно стало холодней.
Яснее мысли. И сердца просторней.
Так не бывает летом никогда.
Над человеческою разговорней,
Как над пространством, только провода.
Да, только провода — две нитки света,
Летящие неведомо куда
И так же оборвавшиеся где-то,
Как мы с тобой, без тени, без следа.
Любовь Ваганова, Тула*

Шел четвертый год той странной и страшной войны, которую римский папа Франциск считал началом Третьей мировой.

Осенью Прохор отправился в горы на обычную для него литературную сессию. В этот раз он прилетел не в Крым, а в Адлер — навестил живущих там родственников, забрал у них одну из машин, в довоенные времена недорого купленную возле порта в Новороссийске, и покатил вниз, к морю. Сестра Прохора и его шурин в самом начале СВО приобрели в поселке выше аэропорта небольшой участок земли, начали строиться. В то время многие люди северной и центральной России переезжали на Кавказ, в Краснодар, Анапу, воплощая свою прежде несбыточную мечту — жить на курорте.

Родственники Прохора находились в молчаливом лагере «антивойны». Многие люди в России не принимали СВО, видели в украинцах

своих славянских братьев, говорили, что у нас «и своей земли достаточно». В начале XXI века российское общество в очередной раз разделилось, уже не по имущественному признаку и не по отношению к советскому прошлому. Возникла новая линия разлома — война. Некоторые мужчины, с семьями или без, уезжали за границу, чтобы пересидеть там смутное время. А другие сражались — тяжело, жестоко, кроваво. Нечто похожее происходило на Украине. Логика поступков воюющих мужчин подразумевала большие смыслы и сильные эмоции, связанные с воинским долгом, служением родине...

Стараясь заглушить сомнения, Прохор уже в первые дни войны порвал свой загранпаспорт, чтобы не вести «гламурный» образ жизни, когда другие воюют. Он посылал землякам-солдатам продукты, медикаменты, ездил в только что освобожденный, заминированный Мариуполь... Но берега Черного моря он всё же оставил в списке своих перемещений, не находя тут признаков предательства.

В горах у моря ему хорошо писалось. Устав от домашней суеты, он поселялся на несколько дней в какой-нибудь приморской глухомани, чтобы заняться литературой. В этот раз приманкой для него послужила старая византийская крепость, ныне разрушенная и сплошь заросшая плющом, акацией, фиговыми деревьями. Уже несколько лет Прохор неутомимо писал о Византии, перед войной успев побывать в её городах. Константинополь, Смирна, Антиохия в Турции, Фессалоники в Греции, Александрия в Египте, Мангуп, Херсонес, Сугдея, Качи-Кальон, Челтер-Мармара в Крыму не давали ему покоя. Всё думалось: как и почему погибла огромная православная империя? Не повторяет ли сейчас Россия путь Византии? Главной причиной падения Российской империи в 1917 году ему виделось предательство, и в новом времени ему важно было не стать предателем самому.

В пасмурные дни Прохор обычно сидел в номере за компьютером и стучал по клавиатуре, размышляя о Манцикерте, Константинополе, княжестве Феодоро... Если же выглядывало солнце, он торопился к морю. В багажнике машины у него лежали гидрокостюм и небольшое ружье для подводной охоты. Добыв несколько сардин, барабулек, бычков и пару десятков крупных мидий, он сыпал их специями, чесноком, луком, жарил на пляжном мангале, сдабривая трапезу вином и фруктами, купленными у местных торговцев. В этот раз Прохор поселился в эллинге у моря, мангал находился перед входом в гостевой дом, украшенный рыбачьей сетью, глиняной амфорой, декоративным якорем... Красота нужна была Прохору для работы — красота морских закатов и восходов, красота женщин, детей, собак, ящериц, деревьев, цветов. После обеда Прохор отправлялся в крепость по взбирающейся в гору зеленой улице с нагретым солнцем асфальтом или шагал в ущелье, пробитое местной речушкой за прошедшие тысячи лет. Достопримечательностями здесь

считались монолитный дольмен размером с небольшой дом, сероводородный источник у его подножия и скалистый грот с протекающим через него ручьем.

У дольмена днем собиралась разношерстная братия, рассуждающая о ведической цивилизации, якобы оставившей нам дольмены, о мистических способах познания, о Гиперборее, Шамбале, тайнах Атлантиды. Прохор временами задерживался возле этой беспокойной компании, слушал про пирамиды Египта, пещеры Тибета, иногда подавал и свой голос, желая поспорить.

— Именно с приходом ариев в Индию там началось строительство дольменов! — кричал в этот раз один из местных язычников, похожий на артиста Папанова. — Особенно много дольменов в индийской местности Стрижайя. И не случайно именно там живут индийские амазонки. Племя Минаро матриархально. Вот и у наших женщин часто встречается полиандрия! Молодая красивая женщина часто имеет несколько гражданских мужей. Женщины племени Минаро — настоящие амазонки. Лихие наездницы, меткие лучницы. И при этом все они красотки европейской внешности, носители генотипа P1a. И наши женщины тоже коня на скаку остановят, в горящую избу войдут! В русских семьях часто матриархат. Одни и те же предки. Вот и на Кавказе много потомков ариев...

— Тут целая коллекция генотипов, — подавал голос Прохор. — Самая разнообразная на всей земле. Грузины, армяне, азербайджанцы, евреи, абхазы, татары... А ещё аварцы, хазары, кумыки, сваны и адыги, бацбийцы, удины, андийцы, агулы, цахуры... Несколько десятков народностей со своей историей. А потомки ариев — вы имеете в виду алан, осетин? Или говорите о скифах, сарматах, роксаланах? Но это были смешанные народы, так утверждает Клесов, а ему лучше знать с его ДНК-генеалогией...

— Клесов ведет отсчет истории ариев от носителей P1a и P1b, живших в Сибири примерно 20 000 лет назад! — громыхал «Папанов», поддерживаемый гулом, исходящим от единомышленников. — А надо заглянуть дальше. Согласно индийским ведам исход ариев с северной прародины произошел более чем 20 000 лет назад. На севере Евразии тогда лежали в море огромные острова с относительно теплым климатом. Страбон в своей «Географии» один из островов называет Туле. Другой остров — Великий... В сегодняшней Арктике тогда был совсем другой климат! Геологоразведочные работы в Северном море, проведенные недавно «Бритиш петролиум» и «Газпромом», обнаружили на дне остатки тропической растительности и коралловых рифов. Совсем недавно, по историческим меркам, остров Врангеля был свободен от льда, там жили не только люди, но и мамонты. Их местная карликовая разновидность погибла всего 3700 лет назад, это подтверждают биологи!

— А почему северные земли ушли под воду? Из-за таяния ледников? — включил диктофон Прохор.

— Сработал механизм дрейфа полюсов, — убежденно воскликнул «Папанов». — Это происходит постоянно, магнитные полюса и сейчас дрейфуют. Но 12 900 лет назад, после удара небесным телом из космоса, то ли кора Земли проскользнула относительно жидкого ядра планеты, то ли ещё что, но Земля получила новые географические полюса. Планета затем слегка изменила свою форму — из-за вращения она растягивалась к экватору и уплощалась в районе новых полюсов. Сформировалась новая карта течений и ветров — европейские, канадские, гренландские ледники, удалившись от полюса, начали таять, и северные земли ушли под воду, в том числе горные хребты Ломоносова, Менделеева, Геккеля, Доггер-банка возле Британии... Остались на поверхности самые высокие места — Кольский полуостров, Новая земля, Шпицберген, остров Врангеля...

— Да, да, — кивал Прохор. — В словах ваших что-то есть. И потому на Кольском полуострове огромное количество мегалитов? Исследовать их ездили Гумилев, Барченко, десятки других ученых. Но их находки до сих пор замалчивают!

Прохор достал ещё и блокнот, чтобы записывать свои мысли. «Папанов» не останавливался, увидев интерес к своим словам.

— Ещё французский аббат Жан Балби в переписке с Вольтером утверждал, что вся современная цивилизация, история и многие знания идут из Арктиды, Гипербореи, которая существовала до планетарной катастрофы наряду с Атлантидой, — блистал знаниями «Папанов». — Гиперборейцы поднимались в воздух на своих летательных аппаратах, их «виманы» описаны в индийском эпосе. Космическая катастрофа, ставшая прообразом Потопа, уничтожила эти цивилизации. Немногие уцелевшие в горах люди Гипербореи после сдвигались к югу вдоль Уральского хребта, поселяясь с той и другой его стороны. Постепенно климат в Сибири становился все жестче, 4 500 лет назад в приуральских землях и на северных островах сделалось непереносимо холодно. Тогда и вымерли последние мамонты острова Врангеля, а многие люди — арии «страны городов» — сдвинулись дальше на юг. От Аркаима — в Иран, Индию, Аравию... Язык гипербореев стал ведическим санскритом...

Утром, хорошо выспавшись и поработав за своим ноутбуком, Прохор отправился в монастырь, расположенный на стоящей неподалеку горе среди сосен и вязов. Перейдя железную дорогу, он стал подниматься вдоль каменной слоистой стены по щебенистой дороге. Море открывалось внизу на многие километры, яркий солнечный свет пронизывал кроны сосен. Впереди Прохора к монастырю шагала, чуть прихрамывая, молодая женщина в камуфляже и потертых берцах. Из-под ее кепки выбивались светлые волосы, на руках были тактические перчатки, открывающие пальцы для работы с оружием... «Русская амазонка, — подумал

Прохор. — Только что говорили о них, и вот, пожалуйста! Наши мысли материализуются!»

Думая о женщинах на войне, Прохор замедлил шаг. Он гостил в Киеве у дяди, когда начинались события второго майдана и донбасского сопротивления. На Крещатике и улице Грушевского в Киеве мужчины строили баррикады, горели автомобильные шины и мусорные баки, над всем этим висел черный, жирный, масляный дым. Выла февральская метель, на продуваемой ледяным ветром улице громоздилось множество темных шатров и палаток. Их было пугающе много — большие западные деньги маячили за ними. Сотни больших палаток, десятки железных бочек с углем, возле которых грелись украинские парни, девушки. Еще не началась стрельба, но уже слышны были необычные звуки — хлопки взрывпакетов, удары металла о металл.

Иногда рядом с палатками появлялись бойцы «Беркута», они легко захватывали лагерь молодежи, но вскоре уходили — к ним поступал приказ не трогать боевиков. Запах предательства был так же явственен там, как запах горящих шин. В палатках протестующих были и женщины. Даже двоюродная сестра Прохора иногда приходила сюда. С ним она старалась не общаться. Вначале Прохор думал, что хлопками взрывпакетов и горящими шинами все и ограничится, пытался спорить с молодыми украинцами. Говорил, что революция «всегда пожирает своих детей», украинцам невыгодно ссориться с Россией, лучше сидеть на двух стульях, получая преференции с той и другой стороны, ведь «ласковый теленок двух маток сосет». Но украинская молодежь была опьянена свободой и вседозволенностью.

— Давай, дядя, шуруй отсюда, пока жив! — кричали ему боевики. — Москаляку на гиялку!

На украинских парубков действовали ещё и вещества, которые подмешивали в уличный чай, раздаваемый любому желающему. Прохор тоже испытывал в Киеве необычайную возбужденность, а дома его настиг «отходняк», особенно когда он увидел первые жертвы этой трагедии...

В монастырскую церковь девушка в камуфляже так и не вошла. Любопытный Прохор на минуту выглянул из храма, пока монахи причащались. «Амазонка» сидела в беседке с одним из трудников подворья. Они были явно чем-то взволнованы. Женщина тихо плакала, мужчина целовал ей руки. Здесь происходила какая-то человеческая трагедия, одна из многих тысяч за последнее время. Когда церковная служба закончилась, людей в беседке уже не было.

К обеду солнце по-летнему разогрело воздух, Прохор отправился на пляж. Взял напрокат шезлонг, пристроил компьютер на раскладной столик, всегда возимый с собой в багажнике, принялся стучать по клавиатуре, накрыв голову и экран полотенцем, чтобы не отсвечивало. Когда же

он сбросил попону, рядом с ним на камнях сидела та самая «амазонка»: темные очки, белый купальник, светлая кожа, левая нога изрезана свежими шрамами.

— Помолиться приехали? — спросил у неё Прохор, показывая взглядом на монастырскую горку.

— Я не по этой части, — сказала женщина, покачав головой. — Сейчас надо сражаться, а не молиться! Молитвами ничего не изменишь. Вы, вообще-то, кто такой?

— Человек. На жизнь зарабатываю медициной, в остальное время занимаюсь литературой. Невозможно жить одним телом... Не так ли?

Она помолчала секунду, затем спросила:

— Так вы мой коллега? У меня позывной — «Буковка»! А коньяка у вас не найдется? Мне нужно всего три глотка. Врач назначила мне таблетки, но я не хочу... Соскочить после будет трудно.

— Коньяк предпочитаете российский, армянский, дагестанский? — спросил Прохор, чувствуя, что пространство вокруг него начинает искривляться от напряжения. Он знал: случайностей в жизни не бывает, эта встреча им обоим окажется для чего-то нужна.

— Любой! — женщина усмехнулась. — Не берите дорогой, я к этому не привыкла. За ленточкой мы употребляем энергетики в диких количествах. Алкоголь там сейчас не приветствуют.

— Я скоро вернусь, не уходите, — сказал Прохор, поднимаясь на ноги. Он знал: в поселке неподалеку есть продуктовый магазин. Прохор купил там коньяк, сыр, фрукты, на обратном пути прихватил из будки с надписью «Прокат» второй шезлонг. Поставив его рядом со своим, налил в стаканчики коньяк себе и «амазонке».

Спустя час он знал о ней многое. Её звали Радослава. Наверное, это был ее писательский псевдоним или фронтовой позывной, он так и не понял. Она выросла в приволжском городке возле большой воинской части. Родители ею занимались мало, большую часть времени она проводила на улице, и вот там ей повезло с друзьями. Радослава росла «мальчишницей», часто играла в войну. Из-за этого поступила она после школы в авиационный институт, на всякий случай подала документы ещё и на филологический. Друзья-мальчишки вскоре ушли в армию, авиационный институт она бросила, решила все же стать филологом. Ее дворовые друзья, отслужив срочную, отправились на Северный Кавказ по контракту. Приезжая в отпуск, они много рассказывали о войне, и Радослава, окончив институт, стала военным журналистом — не захотела работать школьной учительницей. Одна из первых её командировок была в Южную Осетию. Там как раз началась война, чуть позже названная «пятидневной». Радослава угодила под грузинские «Грады», ее спас прапор-десантник, заставивший бежать от дороги, по которой они ехали, прикрывавший ее своим «броником».

А все её друзья погибли. Один, самый младший, лопоухий срочник, — на границе. А двое других, контрактников, — на кавказской войне. И Радослава решила: ей надо рассказать о своих друзьях, иначе они исчезнут бесследно. А если она напишет — друзья останутся живыми, хотя бы на страницах ее книги. Это всё, что она могла для них сделать. И она написала книгу. Радославу заметили, она стала ездить на совещания молодых писателей, занималась в мастерской Захара Прилепина, продолжая писать о своих героях.

Один из них вырос в многодетной семье, родители умерли, все братья и сестры рассыпались по детдомам, и у него появилась мечта — собрать всех родных под крышей большого деревенского дома, чтобы жить вместе, заботиться друг о друге. Этот парень и на Кавказ пошел служить для того, чтобы заработать на дом. Был там тяжело ранен, долго болел, строил дом, но так и не успел пожить в нем, умер в двадцать два года от последствий ранения.

Когда началась украинская война, Радослава не смогла отсиживаться в тылу. Сначала ездила на Донбасс как волонтер, однажды привезла купленный на собранные деньги небольшой дрон, «мавик». И оказалось, мальчишки на фронте не умеют с ним обращаться! А она умела, профессиональный фотограф, стала учить их, и война затянула её...

— Сколько собираетесь пробыть здесь? — спросил Прохор, когда она замолчала.

— Мне надо ехать, — сказала она. — Дома два сына, тут мне делать нечего! Игорь, — она посмотрела на монастырскую горку, — не собирается возвращаться!

— Он вам кто?

— Первый муж. От него у меня старший. Я подумала: вдруг он согласится вернуться? Сын очень скучает.

— Если задержитесь на день, — пообещал Прохор, — я устрою вам большую экскурсию. Вам надо отвлечься от войны...

— Я подумаю, — сказала она. — Вы в каком номере остановились?

Она постучала к нему ночью.

— Что такое? — не понял Прохор, открывая дверь.

— Я задыхаюсь, меня вырвало! Таблетки вместе с алкоголем — это что-то!

— Садитесь сюда! Сейчас измерю давление! — Прохор всегда возил с собой аптечку, тонометр, он был зарегистрирован в авиакомпании как врач, ему делали скидку на билеты.

Радослава приняла таблетку, снижающую давление, Прохор усадил её на стул, накрыв плечи покрывалом с кровати, а сам устроился рядом так, чтобы можно было держать ее за руку. Он понял: спать ему сегодня не придется.

— Я поговорю немного? — спросила Радослава, задыхаясь уже меньше. — Меня успокаивает звук собственного голоса. Наверное, это значит, что я еще живая.

— Попытки суицида у вас были?

— Давно, после одного случая. Жили мы тогда вдвоем — я, мой сын и любимый мужчина. У меня лопнул аппендицит, я сразу не поняла, насколько все серьезно. Начался перитонит, а мужчина спокойно лег спать, привык, что все проблемы решаю я сама. «Скорую» вызвал мой сын, ему тогда было лет восемь, но он догадался, как это сделать. Меня увезли, прооперировали. После наркоза я проснулась в пять утра от того, что за окнами палаты пел соловей. Нужно было как-то жить дальше, и я заплакала. Не слезами даже — душой. Плакала три дня, потому что за эти дни самый близкий мужчина ни разу не позвонил мне, чтобы хотя бы узнать, жива ли я. С тех пор я перестала бояться смерти, радоваться жизни и привязываться к людям. Кроме детей у меня теперь нет близких.

— А Игорь?

— Он как-то сказал мне, что не вывозит этой нынешней жизни. Он добрый и мягкий, воцерковился, пошел в монастырь трудником. Я едва нашла его здесь.

— Думали, он вернется?

— Привезла подарки от сына. Сказала, что простила его. У него ведь был еще один брак. И у меня после Игоря была ещё одна любовь — там, за ленточкой. Я сначала была волонтером — привозила продукты, лекарства. Потом собрали деньги на «птичку». В том отделении, куда я ездила, не было ни одной «птицы», и ребята рисковали собой, когда можно было рискнуть «мавиком». А я умела его пилотировать, до войны занималась фотографией, снимала видео с «мавика». И мне пришлось учить ребят управлять им. Когда я приехала через месяц, оказалось, что все, кого я учила, погибли, — мне пришлось учить новых. И там я встретила мальчишку на пятнадцать лет моложе себя, который влюбился в меня! Никто не любил меня так, как он! Месяц назад он погиб под Александрогородом. Это на самой границе ДНР, там и сейчас «серая зона»... Их группу штурмовой разведки накрыли две «Бабы-яги». От ребят ничего не осталось, их не смогли даже вынести оттуда, они числятся пропавшими без вести. До сих пор их не похоронили. Хотя я пыталась с группой закатиться в рейд, но не вышло — пристреляно всё до сантиметра! Родители верят, что он жив, а я каждый день говорю им: «Нет, он умер».

— Зачем? Пусть бы верили!

— Всегда нужно знать правду!

— Многие люди бегут от правды, им удобнее жить в придуманном мире. И каждый придумывает свой мир, какой ему удобнее. Может, тебе хватит воевать? Возвращайся оттуда, занимайся детьми, ты же филолог! Учи детей читать правильные книги! Сама пиши!

— Я сейчас не могу писать. Для творчества нужен ресурс, а у меня его нет. Я даже не уверена в том, проснусь ли я утром живая.

— Возвращайся с войны! — сказал Прохор, поглаживая ее руки. — Или ты вечно хочешь быть амазонкой, русским самураем?

— С войны нельзя вернуться, — вздохнула она. — Внутри тебя все равно война, и она тебя жрет, сжигает... Ты читал Ремарка?

Наутро он повел ее на экскурсию, надеясь хоть немного заболтать тревогу. Что ещё он мог для неё сделать?

— Русские пришли на Южный Кавказ в январе 1864 года, — говорил он, когда они шли в гору. — Выдвигался в эти места Даховский отряд под командованием генерала Геймана. В том январе здесь стояли сильные морозы, поэтому наступать наши не торопились. Абадзехам, адыгам, шапсугам дали время на добровольное выселение. Срок — до 1 февраля. Через перевал Гойтх Даховский отряд перешел 20 февраля, войска расположились лагерем у реки Псецуапсе, там сейчас Лазаревское. Часть убыхов, абадзехов уплыла на своих лодках, баркасах в Турцию, а те, кто остался, молодежь, — решили сопротивляться вон в той крепости. Видишь? Слева от устья ручья тут находился черкесский аул и чуть выше его средневековая крепость, вот ее остатки. Тут было много аулов среди леса. Белые домики среди деревьев, сады, кладбища. От стен крепости в сторону перевала рос густой каштановый лес. В этом лесу убыхи на тропах сделали завалы, готовились долго обороняться. Отряд Геймана двинулся сюда от Псецуапсе 18 марта: одна часть наших войск шла вдоль моря, другая — по горным тропам. Большинство в нашем отряде составляли севастопольские и бакинские стрелки. На берегу черкесы сделали завалы из старых баркасов, нашим пришлось их разбирать, чтобы протаскать пушки. С правого берега вот этой речушки русские войска стали убыхов обстреливать. Горцы отступили в крепость и тоже открыли огонь. Но севастопольские стрелки, опытные вояки, не спасовали — под пулями сразу полезли на стены. Убыхи с визгом и гиканьем бросались на них с шашками, обстреливали русских солдат из ружей, но куда там... Убыхи стали отступать, оставив в крепости 20 убитых. Всего их погибло тут 60 человек, а наших — семеро «двухсотых», а раненых 14 человек. Тела своих погибших наши солдаты погрузили на баркасы и похоронили в Лазаревском форте. Пока убыхи воевали, шапсуги, сидящие в таборах возле моря, в сражение не вмешивались. И русские войска их не тронули. Везде у берега тут стояли нагруженные турецкие «кочермы», ожидавшие попутного ветра для отбытия в Турцию. 19 марта намечалось новое сражение с убыхами — теперь уже в долине Чемитоквадже, в трех километрах отсюда. К русским там присоединилось несколько десятков конных шапсугов, которые решили выступить против убыхов, притеснявших их. Но в долине Чемитоквадже сражение не состоялось — навстречу русским войскам выехало несколько убыхских старейшин. 19 марта лидер

убыхов Керантух вернулся сюда из Абхазии, он и велел прекратить сопротивление. Так что в этой крепости состоялось последнее сражение убыхов в кавказской истории. Позже генерал Гейман приказал перестроить эту крепость, ниже ее возвели ещё одну стену, закрывающую вид на море, об этом сказано у Василия Верецагина в его «Путевых заметках». А затем крепость сломали строители железной дороги в начале XX века — они срезали мешающий им береговой выступ с участком стены. В конце 1950-х здесь стояла воинская часть, из камней крепости построили маленький кинотеатр на территории военной «дачи». Затем крепость продолжали рушить — при строительстве подъездной дороги, при строительстве канала для стока воды... И теперь от неё почти ничего не осталось. А когда-то длина её стен была больше 700 метров, толщина их достигала двух метров — маленький город! Свой порт, несколько двойных башен, которые выдвигались за стены на 6 метров и заходили в глубину крепости на 4 метра. Такие сдвоенные башни характерны для римско-византийских укреплений, строили крепость явно не убыхи.

Прохор стал показывать Радославе уцелевшие стены крепости:

— Смотри, они выложены из тщательно подобранных друг к другу плит песчаника, сланца, известняка. Между внешними стенками забутовка из камней, песка, гравия. И среди них обломки пифосов, кувшинов, мисок... Это Византия! И вовсе не 14 век, как здесь на табличке написано. Это 6 — 8 век...

— А почему Византия исчезла? — спросила Радослава.

— Они не хотели рожать детей, прямо как многие люди у нас сейчас! А если дети появлялись, их воспитывали «гражданами мира», они не хотели служить в армии. Все деньги в поздней Византии забирала столица, окраины империи отваливались, потому что им выгоднее было жить под турками. Даже торговать нормально у византийцев не получалось! Для этого надо строить флот, участвовать в морских сражениях! А они отдали все на откуп венецианцам, получали свой небольшой процент — думали, так будет вечно! А у венецианцев другая религия, другая философия жизни... Когда Мехмед Завоеватель осадил Константинополь, европейцы прислали на помощь всего две тысячи человек... Мы сейчас живы только потому, что ещё не отказались от своей религии, как византийцы, у нас еще рождаются дети и у нас есть мужчины, которые готовы сражаться. Даже некоторые женщины — ты, например...

— Пацифисты мне говорят, что я идиотка... Мол, мир давно стал единым, им правят «транснационалы», и потому не имеет значения, какому государству принадлежит земля. Говорят, вся земля и заводы, по большому счету, принадлежат мировому правительству, а люди... Они как раз мешают, и потому людей стравливают, чтобы они уничтожали друг друга... Голова кругом идет! Кто из нас прав?

— Жизнь покажет, — сказал Прохор. — Но мне страшно думать, что ты тоже погибнешь. Может быть, тебе лучше учить детей? Растить сы-

новой? Это ведь тоже война — за душу каждого ребенка! Нужно не дать им вырасти чужими. Может быть, в этом вообще главный смысл нынешних сражений. Надо включить, наконец, в каждом российском человеке транспондер «свой — чужой». Иначе нам конец!..

Вечером Прохор ездил провожать ее на вокзал в Лазаревское.

— Ты на войну или домой? — спросил напоследок.

— Поеду на фронт в свое подразделение, даже без жалованья. Боюсь идти на медкомиссию! Врачи, наверное, спишут меня по возрасту и по здоровью. Но мне тяжело в вашем мире, — сказала она, поцеловав его в щёку. — Меня здесь всё раздражает! Мой второй муж — агроном. Сейчас зовет меня собирать какие-то сливы, он долго их выращивал. Они сладкие, вкусные, но я их жру и представляю себя тупой плодояжкой. Вся ваша жизнь — на уровне плодояжек. Если медкомиссия пропустит — буду служить. Нам нужно победить, иначе мои друзья погибли зря! И мы победим, если вы, мирные, не станете стрелять нам в спину. Помогите нам, гады! Без вас мы не затащим, не справимся! Но тебе спасибо за эти два дня. Без тебя мне вчера было бы тяжелее...

Вагоны плавно двинулись, унося Радославу. Прохор стоял на платформе, глядел составу вслед и думал, как странно устроена жизнь: почему он её никогда больше не увидит?! Поезд серой змеей изогнулся на повороте, уменьшаясь, становясь невидимым.

2025

Александр БАЛТИН

**СГОРЕТЬ
СТИХАМИ
ДЛЯ ДРУГИХ**

Стихи

* * *

Больна Отчизна. Кто же мать
Невзлюбит за её болезни?
За не-любовь такую в бездне
Свинцовой будешь прозябать.

Отчизна! Сладость слова, свет,
От одного идущий в душу.
Банально? — Совершенно нет,
Какую бы ни думал думу.

Туман поутру над Окой
Слоится нежно-волокнисто,
Перекликается с водой,
Пусть немо, а уйдёт — небыстро...

Иль старый тополь у окна —
Цветаст — почти что Византия!
Коль осень щедростью дана,
Цвета отметишь ключевые.

А ключевой — он золотой:
Цвет неба и духовной силы.
Отчизна бездною благой
И шаровой в себя вместила

Всего — избыточно вполне.
Увы, и боли, и болезни.
Но упрекать негоже мне
Грядущий цвет всеобщей песни.

* * *

Безвестность и бесславье — между ними
Чернеет пропасть — в славу ли провал?
Бывало — стали волосы седыми,
А... с первой книгой некто выступал.

Кому известны лютики иль кашка,
Цветущие для всех и... для небес?
А есть неутрачивающая чаша
Алчбы — я не могу вне славы, без...

Безвестность — это тихое стремленье
Приблизиться к познанию небес,
Такое написать стихотворенье,
Какое оценил бы синий лес.

* * *

Себя, как уголь, в топку книг
Перебросал — и что осталось?
А ты, сгорев, остался в них —
Простых, причудливых, витых —
Твоя любовь, тоска и жалость...
Не говори, что это малость —
Сгореть стихами для других...

Евгений СТЕПАНОВ

СИМВОЛ СЧАСТЬЯ

Стихи

САМЫЕ-САМЫЕ

Самые слабые мне помогали —
Пенсионеры, дедули-бабули.
Самые сильные не помогали —
Гнули меня, но пока не согнули.

Самые верные были со мною,
Даже когда небогатый излишек
Кончился и надо мной стороною
Клин прокурлыкал печальных рублишек.

Самые мудрые не поучали,
Были — сердечные, добрые — рядом.
И не пытали пустыми речами,
Но согревали участливым взглядом.

Самые смелые не восхищались
Собственной доблестной смелостью — даже
Сильно и необъяснимо смущались,
Точно испачкавшись в пепельной саже.

Самые громкие — тихие речи.
Тихие речи грохочут набатно.

Самые близкие люди — далече.
И никогда не вернутся обратно.

2025

ДИАЛОГ С ДАВНИМ ДРУГОМ

— А как тебе, мой друг, живется?
Ты жизни рад или не рад?
— Еще чуть-чуть — и мозг взорвется
От бед, обид, проблем, утрат.

И наблюдать за страшной бойней,
Идущей всюду, мочи нет.
— А может, надо быть спокойней
И не хандрить в расцвете лет?

— Не знаю. Очень тяжело мне.
Пришла пора не лучших дней.
— Я понимаю. Только помни,
Что многим горше и трудней...

2025

БЫКОВО: ВОТЧИНА

Я когда-то жил в Тамбове.
А теперь обжил Быково.
Мне переезжать не внове.
Переехал. Что ж такого?

Я когда-то жил в Одессе.
А теперь обжил Быково.
Оле, милой поэтессе,
Тоже здесь легко, фартово.

Я когда-то на Арбате
Жил. Теперь обжил Быково.
И доволен жизнью, кстати.
Дома не хочу иного.

Я когда-то жил в Берлине.
А теперь обжил Быково,
Где синицы на рябине
И сосна взлететь готова.

Я когда-то жил в Женеве.
А теперь обжил Быково,
Где вальяжно на пригреве
Ходит по траве корова.

Я когда-то жил в Париже.
А теперь обжил Быково.
И к земле я стал поближе.
А земля — всему основа.

Я когда-то жил в Чикаго.
А теперь обжил Быково,
Ощувив как дар, как благо
Теплоту родного крова.

А в Быково все толково.
Не могу в тоску здесь впасть я.
Дом. И дверь. Над ней — подкова.
А подкова — символ счастья.

2025

Екатерина РОГОЖКИНА**ЛЕПЕСТОК
В БОЮ
НЕ ВЯНЕТ****Очерки о героях СВО*****ЛЕПЕСТОК В БОЮ НЕ ВЯНЕТ**

Приходя в гости к маме, Дмитрий Пшеничников садится возле портрета деда и спрашивает: «Дед, ну что, ты поможешь мне опять?» Выкарабкавшись после тяжелого ранения, он вновь отправляется в зону СВО.

Телохранитель

— Так получилось, что дедушка, Николай Иванович Пшеничников, мне о войне не успел рассказать. Он умер, когда мне семь лет было, — говорит Дмитрий. — У него в ноге с войны осколок остался, потому хро-мал сильно. Так и умер с этим осколком.

О боевых заслугах ефрейтора 1270-го стрелкового полка 385-й стрелковой дивизии Дмитрий знает из рассказов отца. Особенно впечатлил эпизод форсирования Днепра.

— Река была красной от крови погибших бойцов. Там, прямо в воде, его и ранило, — рассказывает младший Пшеничников. — Но, несмотря на это, он смог спасти командира: вовремя увидел плывущее на него бревно. Тот в письмах и много лет спустя писал: «Спасибо тебе большое, Николай, ты — мой телохранитель».

Информацию о наградах деда Дмитрий нашел на сайте «Подвиг народа.рф». Отражая контратаку немцев у деревни Прилеповки, автоматчик Пшеничников уничтожил пять гитлеровцев. За это был награжден меда-

** Очерки были опубликованы в газете «Пензенская правда».*

лью «За боевые заслуги». Мужество и героизм воина при прорыве обороны противника в Могилевской области отмечены медалью «За отвагу». Еще в его арсенале — орден Славы 3-й степени и орден Красной Звезды.

Дмитрий сетует, что удалось найти обрывочные сведения о боевом пути деда, и продолжает работу. Ему обидно, что в Белинском районе ставят памятники всем участникам Великой Отечественной войны, а его дедушке — нет.

— Говорят, год смерти не тот, на который это правило распространялось, — разводит руками военнослужащий. — Эту несправедливость я устранил. Но чуть позже.

Стойкий «Лепесток»

Первый раз Дмитрий оказался на СВО в самом начале. Когда объявили частичную мобилизацию, он работал на мебельном производстве. И даже мысли не допускал, что можно «откосить»: для морпеха (в этом роде войск он в свое время срочную службу нес) это неприемлемо. Повестка ему пришла на 27 октября, но 25-го объявили об окончании набора. Выдохнуть бы и жить дальше. Нет!

— Я сразу же поехал в военкомат и записался добровольцем, — объясняет Пшеничников.

После трех дней учебки попал под Кременную, стал снайпером с лирическим позывным «Лепесток» (такой позывной выбрала ему младшая дочка). А попасть в снайперы помог опыт охотника: Дмитрий стреляет из нескольких видов оружия. Боевой путь был недолог, но жарок. Последний бой, в котором бились Дмитрий и его однополчане, произошел 11 декабря 2022 года у Торского выступа.

— У нас там жестко было: 20 человек осталось из 98, — лаконично описывает итог сражения Пшеничников.

Сам он ранен.

— Когда был прилет, успел глаза прикрыть рукой, потому что определил, что падает минометка. Срезало кожу над глазом, и вот осколок в руке, — рассказывает боец. — Ранение получил в обед, но до полвосьмого вечера еще на позиции находился.

За дежурным «находился на позиции» скрывается разыгранный самой жизнью сюжет «остаться в живых». 12 атак парни только днем отбили. Все, кто приходил на подмогу, через 20 минут — «двухсотые» или «трехсотые».

Дмитрий Пшеничников

А они как заколдованные. Отступать — значит кому-то надо прикрывать. Остались только пензенские: «Бродяга», «Прогресс», Олег Бунтин.

— Мы попрощались. Говорим: мол, ну все, давайте. Пацаны пошли на отход, а мы прикрыли.

Ждали подмогу, но ее не было. Когда остались практически без снарядов, решили отходить. А где спрячешься? Это же не населенный пункт. Посадки, а за ними — поле пшеницы. Создали четырехметровое окно для отхода.

Ангелы или дед?

Выходили: два ножа, саперная лопатка и семь патронов у Дмитрия.

— Выползли. Ребята двигались, я стрелял, — воспроизводит события того дня «Лепесток». — Взводник, когда нас увидел, только и спросил: «Пацаны, откуда вы такие живучие?»

Н.И. Пшеничников

А мы: «Пенза — сила!» Он до сих пор со мной общается. Только я ему простить не могу: почему так получилось?

— Как можно было выйти живыми из этого ада? — вырывается у меня вопрос.

— Парни говорят, это ангел над нами крылья раскрыл, а мне кажется, что дедушка помог, — серьезно говорит «Лепесток», — иначе я не знаю, как это объяснить. Судите сами: за двое суток ко мне в нору (укрытие на двух человек) залетела единственная польская мина. Все остальное висело над деревом, под которым мы укрылись, надо мной, над ребятами. И это при том, что по нам отрабатывали вражеские танки, артиллерия, штурмовые группы — вообще все, что возможно. Блиндаж первый вражеский был в 30 метрах.

Потом гранатами начали закидывать. Перед нами — кустик маленький, в палец толщиной. Три раза гранаты в него ударяли и отлетали.

После тяжелого ранения и контузии «Лепесток» почти полтора года восстанавливался. Благодарен врачам: осколок между мышцами и костями застрял — мог без руки остаться, но врачи в Астрахани спасли ее. А потом супруга выхаживала, она медик.

Остались счета

— Знаете, я бы давно на фронт вернулся, — рассуждает боец, — но обещал дочке и жене, что только по мобилизации в следующий раз. Хо-

тел нарушить обещание, сказал, что снова добровольцем иду. Были слезы и боль. Понимаете, они когда плачут, у меня внутри все разрывается. Ну ты вроде мужчина, ты хочешь показать, что слез у тебя нет, а на самом деле плохо получается.

Теперь немного схитрил: попросил прислать повестку.

Он знает, как нелегко близким ждать его возвращения, но на фронте остались счеты. За погибших товарищей, за прицельно уничтоженные на его глазах школы, за деда, в конце концов.

Если можешь принести пользу Родине, сделай это.

Р.С. Трогательная встреча

Жительница села Наталья Доронкина прочитала в газете «Пензенская правда» материал о Дмитриии Пшеничнике с позывным «Лепесток». История воина так поразила ее, что она написала по следам публикации стихотворение «Живой источник»:

Стояли насмерть — истина и зло.
Не многим нам в бою том повезло.
Сражались жестко: двадцать нас из ста
Осталось после боя неспроста.
Живыми выйти там, где сущий ад,
Помог лишь Бог, в народе говорят.
Я принял эстафету — дед помог
Да позывной от дочки «Лепесток».
Над нами ангел с крыльями парил
И скольким смог, тем жизнь и подарил.
От пуль и взрывов спас он земляков —
Ребят из Пензы, воинов, бойцов.
Свести чтоб счеты за друзей, солдат,
Что в поле битвы мертвыми лежат,
Мне подвиг деда воевать помог,
И в памяти о нем — живой источник.

Дмитрий в тот момент был на фронте. Журналисты издания переслали ему стихотворение, за которое он искренне поблагодарил автора и выразил надежду, что позже сможет сказать ей спасибо лично.

В конце сентября у пензенца закончился контракт, и он вернулся на родину и побывал в гостях у Натальи Николаевны. Он приехал с букетом цветов.

— Спасибо за ласковые и нежные слова. Вы нас так вдохновили, — искренне сказал Дмитрий автору поэтических строк.

— Вдохновили вы, воины, которые нас защищают, нашу Русь, православную веру, — ответила она.

«ТАК СКРОИЛА МАТУШКА, И НЕ ПЕРЕШИТЬ!»

Как заговоренный

Алексей Яковлев

На фото — сельский мужик с кустистыми бровями и длинной бородой. Не зная истории Николая Дмитриевича Яковлева, деда нашего героя, скажешь, что всю жизнь землю пахал, с лошадьми умело управлялся. Отчасти так. Но к мирной жизни он пришел через три войны: Гражданскую, Финскую и Великую Отечественную. Яковлева-старшего призвали 1 сентября 1941 года из села Илюшкино (ныне оно входит в состав Неверкино). Ему на тот момент было 44 года. Служил связистом в 355-й бригаде.

— Когда кто-то говорит: мол, мне дед про войну ничего не рассказывал, я считаю это лукавством. Просто не так спрашивали, — рассуждает Алексей.

Его дед, вновь мысленно проживая события минувших дней, часто делился с внуком историями, когда оказывался на грани жизни и смерти.

Обломали зубы Манштейну

В сентябре 1942 года Сталин подписал указ о создании резервной армии для защиты Сталинграда — 2-й гвардейской. Это был первый случай, когда армии изначально дали название, которое присваивалось за боевые заслуги. Видимо, было понятно: бойцам предстоит выполнить тяжелую работу.

— Туда набирали только опытных бойцов, — продолжает Алексей. — А у дедушки столько войн за плечами! Формирование шло в Тамбовской области: в лесах, в строжайшем секрете. В декабре их посадили в эшелоны — всего около 120 тысяч человек. Выгрузка происходила в точке, от которой до места назначения было 200 километров.

— И они зимой при минус 25 градусах совершили 200-километровый марш-бросок, таща на себе оружие, провиант и все прочее, — добавляет Алексей Владимирович. — Это был их первый подвиг.

Но главное ждало впереди. На выручку окруженной армии Паулюса шла армия под руководством Манштейна. Немцам оставалось 40 километров до Сталинграда, они уже чувствовали себя победителями. Но на реке Мышке их встретила 2-я гвардейская, прибывшая сюда на шесть

часов раньше. Николай Яковлев продолжал воевать. Освобождал Ростов, Мариуполь, Волноваху, Донецк, шел на Севастополь.

Это был первый эпизод военных действий, когда Николай Яковлев воевал практически бок о бок с сыном: Владимир был участником Керченской десантной операции. Но свидеться не удалось. А много позже оба Яковлевых освобождали Кенигсберг, но тоже разминулись. Война закончилась для Николая Дмитриевича в 1944-м под Бухарестом, откуда он отправился на родину.

Не испугались «Эдельвейса»

Н.Д. Яковлев

А Владимиру Николаевичу до возвращения домой было еще далеко. Мобилизованный в начале 1939 года, он в составе погранотряда нес службу на границе Литвы с Польшей. После Польского похода Красной армии территория страны отошла СССР, а пограничники передислоцировались на границу с Германией.

Но в 1941 году под натиском фашистов отряд уже в составе действующей армии участвовал в оборонительных операциях. Пришлось отступать до самого Кавказа.

— С распухшими коленями в страшный мороз перешли Большой Кавказский перевал и гитлеровские войска, которые стремились к азербайджанской нефти, туда не пустили. Устояли против элитного фашистского «Эдельвейса», — рассказывает Алексей Яковлев уже историю своего отца.

Это было начало долгожданного наступления. За спиной оставались освобожденные Новороссийск, Крым, Кенигсберг. Здесь, на границе с Литвой, пришлось задержаться надолго: ловили «лесных братьев» — прибалтов, помогавших немцам.

Снова в Донбассе...

А несколько лет назад пришлось и Алексею взять в руки оружие. Думал ли его дед, что спустя 80 лет его внуку придется вновь освобождать от фашистов Донбасс? Наверное, если бы та старушка, которая предрекла смерть его товарищей, сказала и это, он бы не поверил.

Алексея, как офицера запаса, мобилизовали на СВО 19 октября 2022 года.

В.Н. Яковлев

— Во втором полку, формировавшемся в Пензе и состоявшем из уроженцев Башкирии, не хватало офицеров. Я был назначен командиром роты, — вспоминает он. Командиры в полку были почти все пензенские. И позывные соответствующие: к примеру, у комбата — «Сура», а у Яковлева — «Росток».

После обучения полк перебросили в Новоазовск, недалеко от Мариуполя, а в середине января — на южно-донецкое направление, в Марьинский район. Летом перекинули на «линию Суровикина». Российские военные шли по земле, которую 80 лет назад полили кровью их предки.

— Я под Донецком увидел мемориал в память о подвиге 2-й гвардейской армии, в которой воевал мой дед, и других подразделений Советской армии, освобождавших Донбасс! — делится Алексей.

В ноябре 2023 года начался штурм Новомихайловки. Подразделению «Ростка» требовалось захватить промзону возле нее. Когда был ранен командир, Алексей заступил на его место. В обязанности входило формирование штурмовых групп. Он делал это по справедливости, чтобы на опасное задание по очереди шли люди из разных взводов.

— Первыми погибли два молодых парня, — глухо говорит Алексей, — сами вызвались. Я их так воспитал.

Алексей и сам не отсиживался за спинами сослуживцев. Трижды ходил на задание в составе штурмовых групп. Удача отвернулась от него 21 января 2024 года, когда штурмовали опорник, около которого был убит их комбат.

— Шли двойками, восемь человек: я с товарищем чуть впереди, остальные отстали. Заметили вражеский блиндаж. Бросили гранату внутрь, обезвредив вражеских солдат. Но наши действия зафиксировали с другого, самого крупного опорного пункта. По радиации наши ребята передали: к вам выдвинулись три группы — всего 11 человек, — рассказывает наш герой.

Начался стрелковый бой. Противники все ближе. Уже было слышно, как они передергивают затворы.

— Может, мы и отбились бы, но над нами завис дрон, — продолжает участник СВО. — Когда он скидывает взрывчатку, слышен щелчок, то есть до взрыва пара секунд и можно успеть отпрыгнуть, — объясняет участник СВО, — но нам не повезло: боеприпас упал без щелчка. Меня посеколо справа. Хорошо, я в каске и «броня» был, а то бы...

Но один осколок глаз пробил и там остался. Друг пострадал сильнее. Подоспевшие сослуживцы вынесли раненых с поля боя. А потом — гос-

питали в Еленовке, Ростове, военно-медицинская академия в Санкт-Петербурге. Врачи не давали никаких положительных прогнозов и готовили документы на увольнение.

Но процесс этот небыстрый. А потому покалеченный Алексей Яковлев, вместо того чтобы поехать домой, вместе с другими был брошен на штурм Красногоровки.

Батальон прикомандировали к другой бригаде. Важный момент: хотя после отправки Алексея приказ об увольнении пришел в часть, решение о выводе его из Красногоровки могло принять только командование этой бригады. Но там такая началась заваруха...

— Мне не так страшно было, когда меня ранило под Новомихайловкой. Стрелковый бой: видишь врага, идет перестрелка, свистят пули. Возникает азарт, как в детстве играешь, — признается он. — А вот в Красногоровке я плохо видел и слышал, не мог полностью контролировать ситуацию, особенно прилет дронов-камикадзе в многоэтажки, в подвалах которых скрывались наши бойцы. Враг простреливал буквально каждый метр, поэтому даже поход за водой мог стать смертельным. Бежишь по открытой заминированной местности, усеянной трупами, чтобы наполнить пятилитровую бутылку водой, и не знаешь, вернешься ли назад...

Приказ «добрался» до Алексея только в конце сентября 2024 года, и боец наконец-то поехал домой.

Перспективы восстановления зрения нет. На повторном осмотре медики сказали, что любое вмешательство только усугубит ситуацию. Но Алексей не озлобился, не проклинает тот день, когда попал на фронт. Он настоящий российский воин, который, как и его предки, выше собственной жизни и здоровья ценит интересы Родины. Как поет Олег Митяев: «Так скроила матушка, и не перешить!»

От автора Символ мира и войны

«Росток» рассказал о многих жутких эпизодах боевых действий: прямые попадания снарядов в здание, лазарет в подвале, который организовала местная медсестра... Но меня особенно зацепила эта бутылка для воды. Символ мира и войны. Мы здесь, ткнув пару раз в телефон, заказываем доставку воды на дом, а там — неизвестно, вернешься ли назад с живительной влагой... Это лишнее напоминание, что нужно ценить то, что имеешь, и стократно говорить спасибо тем, благодаря кому мы можем просто пить воду и не думать, будет она у нас завтра или нет.

Фото Сергея Красильникова и из личного архива семьи

Дмитрий ЖАТКИН

**МЕЖДУ
ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ**

Мой друг, профессор Николай Васильев, заметил однажды, что, когда он начинал работать на кафедре русского языка Мордовского университета, рядом с ним были его учителя; постепенно учителей становилось всё меньше, а учеников — всё больше. В какой-то момент он понял, что ученики окружают его повсюду, а из числа учителей остались лишь редкие «динозавры». Вспомнил его слова, посмотрев в декабре 2025 года на лица присутствующих на общем собрании пензенских писателей. Из 42 человек осталось только двое, принятых в 1990-е годы, еще четверо, принятых в 2000—2002 годах, а дальше уже и мы с Владимиром Бахаревым из Сердобска, принятые вместе на одном общем собрании. Как мало осталось тех, кто принимал нас в союз! И всё ближе край, точка отсечения. Но так не хочется в это верить...

* * *

Стаж литературной работы писателя отсчитывается от первой публикации. Моя первая статья вышла в 1995 году в апрельском номере многотиражной газеты «Педагог» пензенского педуниверситета и была посвящена творчеству уникальной народной певицы Ульяны Сергеевны Ежковой. Всю жизнь она жила в сельской местности — сначала в с. Невежино Белинского района, затем в р.п. Пачелма, где никому и в голову не приходило, что подобных ей бабушек-сказительниц, которые не только знают и поют больше ста народных песен, но еще и собственные песни на народные мотивы сочиняют, по всей стране раз-два и обчелся.

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Дмитрия Жаткина с 50-летием, желает здоровья и творческих успехов.*

Конечно, бабушку давно заметили в областном Доме народного творчества, однако известность необычной народной певицы далее круга фольклористов и участников народных хоровых коллективов никак не распространялась — до той поры, пока не сгорел дом в Пачелме и Ульяна Сергеевна, не имевшая детей, не переехала в Дом ветеранов, — и здесь к ней стали приходить журналисты, газетные и телевизионные, она стала откликаться на просьбы о творческих встречах... Признаюсь, все последние годы жизни народной сказительницы считал своим долгом проводить ее в Доме ветеранов — по поводу и без повода, писал о ней, публикуя статьи в самых разных изданиях: газетах «Доброе утро» и «Наша Пенза», в журнале «Краеведение».

Общение с Ежковой сформировало во мне необычную для того (да и для нашего) времени страсть — интерес к фольклору, в особенности к народной песенной культуре. Я жадно впитывал от нее всё услышанное, вычитывал в книгах различную информацию о народных обрядах, обычаях, приметах, поверьях, лечебных заговорах, толкованиях снов — всё было безумно интересно. Народная культура открывалась передо мной во всем своем богатстве и гармонии. Меня интересовал и фольклор народов Пензенского края — мордвы (мокши и эрзи), татар-мишарей, чувашей. И в этом интересе меня однажды поддержал главный редактор первого издания «Пензенской энциклопедии» профессор Кирилл Дмитриевич Вишневский, который, написав энциклопедическую статью о русском фольклоре, предложил мне сделать то же самое в отношении фольклора народов Пензенского края. О фольклоре земляков-чувашей написать не смог, не хватило материала, а своими исследованиями фольклора мордвы и татар Пензенского края (как энциклопедическими статьями, так и публикациями в различных журналах и сборниках) горжусь до сих пор, хотя к этой тематике давно не обращаюсь.

* * *

Кто был редактором «Педагога» в том приснопамятном году, когда была напечатана моя первая статья, позабыл: настолько нестабильное было время и настолько часто менялись редакторы. Но зато я прекрасно помню человека, сидевшего в одном кабинете с редактором, — это была заведующая редакционно-издательским отделом педуниверситета Лидия Ивановна Дорошина. Как раз в 1995 году в издательстве Института усовершенствования учителей она выпустила свой первый сборник стихов «Формула судьбы». Несмотря на то что у Лидии Ивановны в тот момент было совсем немного публикаций (преимущественно в многотиражной газете «Компрессоростроитель»), ее отличали чувство слога и стиля (видимо, сформировавшееся на основе многолетнего редакторского опыта) и умение критически воспринимать любой текст, в том числе и собственный. От Лидии Ивановны я впервые узнал страницы давней истории пензенской писательской организации: она рассказывала о том,

как в середине 1960-х годов, в совсем еще юном возрасте, будучи учащейся художественно-графического отделения педагогического училища, посещала литературное объединение, руководителем которого был член Союза писателей Яков Гаврилович Танин (Гельбсман); как рукопись ее книги «Семнадцатый звездопад» была в 1967 году рекомендована пензенскими писателями к выпуску в Саратове в Приволжском книжном издательстве, но так и не увидела свет. Между «Семнадцатым звездопадом» и «Формулой судьбы» был такой большой разрыв во времени, что Лидия Ивановна, наученная горьким опытом, старалась вместить в заданный объем как много больше произведений: стихи публиковались мелким шрифтом, в подбор, кое-где даже висячие строки встречались... Знала бы она тогда, сколько книг ждет ее впереди...

Вскоре я познакомился со всей семьей Лидии Ивановны и часто бывал у нее в гостях. Отчетливо запечатлелся в памяти ее муж — ветеран пензенской журналистики Анатолий Геннадьевич Дорошин. На момент знакомства он уже пережил инсульт и вынужден был оставить работу, перейдя на пенсию. Я видел, как забота Лидии Ивановны продлевает его жизнь и как он отвечает взаимностью любимой женщине. От старшего поколения журналистов я не раз слышал разные смачные байки про бурные молодые годы Анатолия Геннадьевича, который своей галантностью, обаянием, щедростью, неким природным аристократизмом вскружил тьму женских голов, но передавать их здесь не берусь — всё же пишу только о том, что видел сам. Знакомство с Борисом Анатольевичем Дорошиным, моим ровесником, в ту пору студентом исторического факультета педуниверситета, вскоре вылилось в совместную работу над книгой «История средств массовой информации Пензенской области», вышедшей в 1998 году и до сих пор не имеющей аналогов. Одновременно Борис вел сбор материалов по истории Пензенской ученой архивной комиссии, что в самом скором времени легло в основу его кандидатской диссертации, защищенной под руководством профессора Виталия Владимировича Гошуляка.

Наконец, тогда же я встретил еще одну поэтессу: это была Вера Дорошина, младшая сестра моего соавтора и одногодка Бориса, поначалу школьница, несколько позже студентка отделения журналистики педагогического университета. Я помню, как шла работа над первыми сборниками стихов Веры «Начало дня» и «По ниточке» — ей было тогда семнадцать-восемнадцать. Стихи Веры мне понравились сразу, причем даже те первые, с неизбытым мрачным девичьим пессимизмом, — не говоря уже о том, что она опубликовала впоследствии, демонстрируя невероятный профессиональный рост («Слова на ветру», «Двери метафор», «Призрачные пристани»). Вера принадлежит к числу очень немногих пензенских поэтов, произведения которых я практически безошибочно узнаю в общей массе по особому творческому почерку. Своей ранимой душой поэта она остро ощущает фальшь, противоречие между мыслью,

словом и делом, лицемерие, неискренность, поэтому ей сейчас особенно трудно. Мне самому иногда кажется, что колесо истории в какой-то момент двинулось назад, но это всего лишь обман зрения, не имеющий ничего общего с реальностью. И мы еще убедимся в этом. Для этого нужно немного — всего лишь дожить... Как тут не вспомнить классическую фразу Корнея Ивановича Чуковского: «В России надо жить долго, тогда что-нибудь получится!» Об этом же говорил и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

* * *

Вскоре в кабинете редакционно-издательского отдела пензенского педуниверситета появилась еще одна сотрудница — интеллигентная молодая женщина Любовь Юрьевна Горюнова. Ее приход совпал с приемом на должность редактора «Педагога» Евгения Игоревича Мануйлова. Вновь появившиеся в моей жизни люди были, некоторым образом, родственниками. Любовь Юрьевна — третья жена известного пензенского философа и культуролога Игоря Михайловича Мануйлова, Евгений — его же сын от первого брака. В кабинет РИО стал часто заглядывать и сам Игорь Михайлович, человек крупный, яркий, колоритный, с неиссякаемой жизненной энергией, — во всей его личности ощущался масштаб. Даже самые обычные люди (например, таксисты — мы несколько раз ездили с Игорем Михайловичем на его дачу за железнодорожной станцией Арбеково и в его квартиру на ул. Саранской, в районе Пензы-IV) сразу, по одному его виду, понимали, что перед ними какой-то начальник, влиятельный человек. На самом деле он не занимал больших должностей — заведовал кафедрой гуманитарных наук во втузе (впоследствии ставшем технологическим университетом). Но при этом в конце 1990-х гг. он достаточно близко общался с главой Железнодорожного района, а впоследствии губернатором В.К. Бочкаревым, председателем правительства Пензенской области А.В. Долгановым. Кстати, последнего (еще до его вхождения в команду губернатора В.К. Бочкарева) я видел несколько раз в кабинете РИО, он готовил к изданию книги «Рецидивы “шоковой терапии”» и «Патология власти», упоминал о своей работе в последние годы существования Союза в должности заместителя министра электротехнической промышленности и приборостроения СССР, а также об опыте взаимодействия с начинающим предпринимателем, а впоследствии влиятельным олигархом Борисом Березовским.

Разговоров о науке с Игорем Михайловичем почти не было, у меня сложилось впечатление, что в тот период он особо ею не занимался, — зато много говорили об истории, о ситуации в образовании и, больше всего, о живописи. Игорь Михайлович был страстным коллекционером произведений современных пензенских художников. У него имелись свои пристрастия, на которые он и ориентировался, прежде всего следование авторов канонам реализма, — звания заслуженных и народных, какие-то

другие формальные отличия одного художника от другого не были для него сколь-нибудь существенными. Приобретая картины, Игорь Михайлович очень серьезно поддерживал пензенских художников в материальном (да и в моральном) отношении. Картина была для него и основным подарком — ко дню рождения, юбилею, к какому-то празднику...

Когда я иду по коридорам ставшего родным технологического университета, то вижу на стенах триптих Альфреда Оя по мотивам произведений Максима Горького («Старуха Изергиль» — эпизод о сердце Данко, «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), картину Льва Кузнецова по мотивам славянской языческой мифологии — это всё оказалось в вузе благодаря Игорю Михайловичу Мануйлову. Об этом уже сейчас мало кто помнит (если точнее, почти никто не помнит). Вспоминаю и историю создания на основе коллекции Мануйлова на его родине Неверкинской картинной галереи, прозванной в народе «сельской Третьяковкой». Игорь Михайлович не только коллекционировал картины, но и нес искусство в народ, — и в этом было его невероятное подвижничество, щедрость души... Однажды Мануйлов подарил мне две свои небольшие книжки, выпущенные в вузе, — «Беседы о культуре» и «Зачем людям нужно искусство?». Совершенно непритязательные, они вызвали у меня душевный отклик, в результате чего появилась рецензия в газете «Доброе утро» от 20—22 июня 1997 года. По предложению Игоря Михайловича Мануйлова и Любови Юрьевны Горюновой я написал одну из главок книги «Признание в любви: Этюды о художниках», посвященную творчеству кузнецкого художника, заслуженного работника культуры РСФСР Александра Порфирьевича Алферова. Бережно храню эту книгу, вышедшую в начале 1998 года с большим полноцветным портретом спонсора издания, главы администрации Железнодорожного района г. Пензы В.К. Бочкарева; на форзаце — автограф составителей: «Дмитрию Жаткину, подающему большие надежды»...

Признаюсь, в то время я не до конца сознавал смысл увлечения Игоря Михайловича. Только годы спустя, собрав коллекцию старинной западноевропейской бронзы, я понял, как велика энергетическая отдача от произведений искусства, в которые вложены труд и талант одаренных природой людей. Подлинное искусство преображает человека, формирует в нем веру в себя, пробуждает чувство собственного достоинства, в моменты беспросветной депрессии позволяет сохранять само желание жить. И мощная энергетика этих произведений, особенно при их скоплении на небольшом пространстве, решительно изменяет ауру самого места. По сути, обычная квартира становится местом силы. В общем, сейчас я понимаю Игоря Михайловича гораздо больше, чем тогда.

Благодаря контактам Мануйлова удалось познакомиться с двумя талантливыми молодыми художниками, студентами выпускного курса Пензенского художественного училища Дмитрием Владимировичем Поляковым и Ольгой Александровной Евдокимовой. Они фактически вы-

ступили соавторами книги Веры Дорошиной «Начало дня» — обращаю внимание: не просто иллюстраторами, а полноценными соавторами, настолько гармонично совпали картины мира молодой поэтессы и двух молодых художников. В результате было принято решение вынести все три имени на обложку книги, предисловие к которой написал Игорь Мануйлов. Эти же ребята проиллюстрировали новые книги Лидии Ивановны — «Вязь» (1996) и «Ночной поезд» (1997). Каждая из книг, несомненно, становилась событием в литературной жизни нашего региона, я откликался на них рецензиями на страницах «Доброго утра». Тогда же Дмитрий Поляков создал гравюру с изображением старинного здания на углу улиц Кирова и Славы, в котором находились типография «Полиграфист» и Департамент средств массовой информации и полиграфии Пензенской области, — эта гравюра была размещена на обложке написанной в соавторстве с Борисом Дорошиным книги «История средств массовой информации Пензенской области» и до сих пор бережно сохраняется мной как память о том времени. Вскоре ребята-художники создали семью и уехали в Москву, там они проиллюстрировали немало книг ведущих издательств; сотрудничество на пензенской земле было кратковременным, но запомнилось на всю жизнь, ибо сочетали они в себе наряду с несомненными художественными талантами еще и умение понять человека рядом, душевную наполненность и простую человеческую скромность.

* * *

В ельцинские времена (вплоть до 1998 года) в Пензе выходила еженедельная газета, посвященная вопросам культуры, — «Доброе утро». Ее существование стало возможным благодаря финансированию областного управления культуры, которое возглавлял Евгений Семенович Попов; главным редактором газеты был Владимир Николаевич Садчиков, театровед и драматург, кандидат искусствоведения, впоследствии, в начале 2000-х гг., принятый в Союз писателей России. Я начал сотрудничество с газетой «Доброе утро» в сентябре 1995 года и публиковался в ней до самого ее закрытия. «Доброе утро» подарило мне знакомства с ветеранами пензенской журналистики Олегом Николаевичем Котляром, Леоном Леоновичем Хосроевым, Владимиром Феофановичем Поповым, с тогда еще молодыми журналистами Павлом Шишкиным, Татьяной Яновой (Таньковой), Игорем Айкашевым.

Там же, в редакции «Доброго утра», я познакомился с кандидатом филологических наук Александром Михайловичем Прониным. Александр Михайлович, нередко печатавшийся в газете, был большим эрудитом, интеллектуалом, в его голове уживались тысячи фактов, деталей, которыми он мог мастерски оперировать. Его родиной являлся Ленинабад, древний Худжанд, центр Согдийской области Таджикистана, откуда он был вынужден бежать с женой и малолетним сыном в начале 1990-х годов, спасаясь от гражданской войны и сепаратизма националистов. Он

уехал оттуда с самым скромным домашним скарбом, потеряв жилье и имущество, жил в подсобном помещении с отдельным входом в гимназии № 53 на Западной Поляне, подрабатывая в ней сторожем. Но основным местом его работы была кафедра мировой и отечественной культуры педагогического университета. Талантливого исследователя, защитившего диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова, заметил заведующий этой кафедрой профессор Николай Михайлович Инюшкин, оказывавший ему всемерную поддержку. Приехав в Пензу, Александр Михайлович оставался человеком «азиатского круга» — многие традиции, на которых он вырос, неукоснительно сохранялись в быту. Мы нередко встречались с ним у него дома (если так можно назвать упоминавшуюся выше гимназическую подсобку), где он неизменно наливал гостю зеленый чай в пиалу и доставал восточные сладости. Делился научными открытиями, при этом излагая мысли по-восточному образно и витиевато, — нередко его рассуждения казались мне похожими на перевернутую восьмерку, символ бесконечности. Да и сам его облик подчас напоминал восточного мудреца — в стареньком, потрепанном, но при этом идеально чистом костюме, с жиденькой бородой и сверкающими от озарения мысли глазами. Александр Михайлович ощущал свою потерянность, трагичность выпавшей ему судьбы: его родина, Таджикистан, где среди горных рек жила его душа, отринула его, а Россия 1990-х тоже не могла ничего ему дать. Бежав из Таджикистана, Пронин не поменял своего доброго отношения к простым таджикам, с которыми часто беседовал, встречая их на рынке, на их родном языке; он понимал, что виной всему — политические игры. Людей, с которыми он общался близко, доверительно, было совсем немного. Наверное, более других его привлекали молодые философы, люди с неповторимым глубоким взглядом на мир, из которых он особенно сблизился с Сергеем Эдуардовичем Шешневым, вместе с которым создавал Пензенский дом ученых и на протяжении нескольких лет организовывал научно-практическую конференцию «Идеалы и реальности культуры российского города», и Максимом Вячеславовичем Бахтиным, который годы спустя стал организатором конференции памяти Пронина. Бытовая неустроенность, отсутствие собственного жилья и перспектив его приобретения подтачивали эмоциональное состояние Александра Михайловича, он пытался отвлечься, найти тихую гавань в научной работе, в творчестве, но жизнь постоянно напоминала о себе, была ключом по голове. Он чувствовал ответственность за семью, за судьбу сына — и при этом бессилие в борьбе с трагическими обстоятельствами. Всё это, на мой взгляд, и привело к онкологии и безвременной кончине Александра Михайловича. Не так уж и долго прожил в Пензе Александр Михайлович Пронин, вот уже более двадцати лет его нет с нами, но его образ нет-нет да и встает как видение из прошлого. Интересно отметить, что в 2019 году, проводя образовательно-просветительские мероприятия в Худжанде, в Худжандском государственном университете

имени Бободжана Гафурова (именно так называется сейчас Ленинабадский педагогический институт, где учился и работал Александр Михайлович), я встретил людей, кто до сих пор помнит Пронина, причем как человека активного, со смелой гражданской позицией, общественника. Мне вспоминается другой Пронин — мудрый, осмотрительный, обдумывающий каждое слово и при этом ранимый, надломленный жизнью, берегущий от внешних посягательств свой внутренний мир.

* * *

Редакция «Доброго утра» размещалась в бывшем Доме политпросвещения на Кирова, 51. В том же здании, но несколькими этажами выше, находилось помещение пензенской областной организации Союза писателей России. Благодаря этому я, в ту пору двадцатилетний паренек, знал Николая Андреевича Куленко, Василия Степановича Стенькина, Федора Николаевича Ракушина, Ларису Ивановну Яшину, Дину Дмитриевну Злобину, и о многих из них уже успел написать на страницах газеты. Судьба подарила мне возможность общения с одним из основателей организации, ее первым многолетним председателем и первым редактором «Суры» Николаем Ивановичем Катковым, который, живя неподалеку на ул. Славы, приносил в редакцию свои новые басни, сатирические стихи. В конце 1997 года, изрядно поработав в Государственном архиве Пензенской области, я подготовил большой очерк, посвященный 40-летию пензенской писательской организации, внимательно ознакомившись с которым Николай Иванович внес правки, уточнения, некоторые места безжалостно вычеркнул... Именно в таком виде очерк и был напечатан в № 1 «Суры» за 1998 год. Так началось мое сотрудничество с пензенским литературным журналом. А где-то через год главный редактор «Суры» Виктор Александрович Сидоренко ввел меня в редакционный общественный совет журнала. Это был самый сложный период в жизни редакции. После смены губернатора в регионе было прекращено финансирование и «Доброго утра», и «Суры». Но журнал выстоял: в 1998 году вышел всего один номер, в 1999 году — четыре номера, в основном за счет спонсорских денег, привлеченных по случаю 200-летней годовщины А.С. Пушкина. И почти в каждом из номеров увидели свет мои очерки.

Иногда сильно жалею о том, что не храню своих рукописей. В частности, материал по истории пензенской писательской организации, подготовленный на основе архивных дел, был намного богаче того, что поместилось на страницах «Суры». Многие статьи по литературному краеведению, написанные для «Доброго утра», нещадно сокращались, подгонялись под количество строк (набор и верстка осуществлялись по старинке, с помощью линотиписток и метранпажа, компьютеров в редакции не было), при этом нередко утрачивался весьма ценный историко-культурный фактографический материал. Вспоминаю, как Василий Степанович Стенькин показывал мне у себя дома переплетенные ранние

и поздние редакции своих повестей, отмечая, что это может пригодиться будущим исследователям его творчества. Где же сейчас этот архив?.. Вспоминаю, как перевозился в Кузнецкий краеведческий музей оказавшийся невостребованным в Пензе архив умершего в 2001 году Николая Ивановича Каткова... В коробке со старыми газетными публикациями нашел случайно сохранившиеся рукописи двух своих статей 1990-х годов: одна из них была напечатана в сокращенном виде, другая — написана, но так и не опубликована. Прочитал их внимательно и понял, что печатать их сейчас не хочу. Написанные на литературно-краеведческом материале, они никоим образом не устарели с точки зрения содержания. Просто сама манера повествования, где-то несколько наивная, излишне доверительная, не учитывающая различных точек зрения и обстоятельств, а где-то и бойко-разухабистая, заставляет меня сегодня оценивать свои статьи 1990-х годов весьма критически.

* * *

У меня дома бережно хранится небольшая книжица, выпущенная в феврале 1997 года к финальному мероприятию конкурса молодых дарований на приз «Хрустальный парус». Конкурс, идейным вдохновителем которого был Николай Михайлович Инюшкин, проводился при поддержке коммерческого банка «Тарханы» в нескольких номинациях: «Краеведение», «Музыка», «Литература», «Изобразительное искусство», «Театр». Я был одним из финалистов в номинации «Краеведение» и радовался этому, понимая, что достиг максимума возможного. Совершенно очевидно, что я, студент и автор газетных статей, вряд ли мог конкурировать с кандидатом исторических наук, заведующим кафедрой истории древнего мира, средних веков и археологии педуниверситета Геннадием Николаевичем Белорыбкиным, которому в ту пору было уже 34 года. Когда финальное мероприятие состоялось и всех пригласили на банкет, Геннадий Николаевич предложил мне собрать в книжице автографы всех участников конкурса и его организаторов. И мы вместе отправились с этой целью вдоль фуршетного стола. «Молодой талант — наше богатство. Искренне желаю новых дерзаний и удач», — написал на титульном листе заместитель главы администрации Пензенской области Василий Петрович Букин. Остались автографы художника по стеклу, изготовившего приз конкурса, Николая Прилепкина, тогдашнего председателя правления КБ «Тарханы» Геннадия Антонова, артистов Евгения Бакалова, Татьяны Карпекиной, Марины Прошлаковой, писателей Николая Буянова, Юрия Суркова, Алексея Игошина, художников Марии Корольковой и Натальи Сюзовой, скульптора Дмитрия Смирнова, создательницы ансамбля «Мирыне» Елены Пыковой, скрипачки Надежды Токаревой, пианистки Екатерины Черной и др.

Сейчас, когда проводится много различных конкурсов для молодежи до 35 лет, когда особое внимание уделяется именно ее грантовой подде-

ржке, причем без должного внимания к ученым и писателям среднего возраста, чья молодость пришлась на 1990-е годы, подобными мероприятиями не удивить. Но в том далеком 1997 году ничего подобного не было! Конкурс стал большим событием в культурной жизни Пензенского края. Он способствовал сплочению молодых сил. Я особенно сблизился с Геннадием Белорыбкиным, Юрием Сурковым и Николаем Буяновым. Геннадий Николаевич затеял выпуск журнала «Краеведение», в котором я стал постоянным автором, нередко заносил новые материалы непосредственно домой главному редактору; у Юрия Суркова была очень хлебосольная мама, Зинаида Федоровна, и заглянуть к нему в гости в квартиру на ул. Толстого — одно лишь удовольствие; Николай Буянов резко пошел «в гору», несколько его романов приняло издательство «Эксмо», и я писал рецензии на них для «Доброго утра» и журнала «Сура». Годы идут, и нет уже с нами ни Юрия Суркова, ни его хлебосольной мамы, ни Николая Буянова... Еще раз пролистываю книжку, вынутую из шкафа. Автограф Николая Михайловича Инюшкина: «Дима! Когда мы будем жить в XXI веке, не забывай своих учителей». Пожалуй, никто из преподавателей в вузе не относился ко мне с таким теплом и отеческой заботой, как он. Светлый человек, выдающийся подвижник пензенской культуры. Таких учителей нужно помнить всегда. Как и всех людей, кто делал тебе добро.

* * *

В конце мая 1997 года в Пензе проходила Всероссийская научная конференция по лингвистическому, историческому и литературному краеведению, посвященная памяти братьев А.Н. и Б.Н. Гвоздевых, один из которых, Александр, был лингвистом, профессором куйбышевского пединститута, а второй, Борис, историком-краеведом, одним из основателей Пензенского краеведческого музея. Организатором конференции являлся профессор Василий Данилович Бондалетов, пригласивший меня выступить с докладом фольклорно-этнографической тематики на секционном заседании. От самой конференции мало что осталось в памяти, но она подарила мне судьбоносную встречу с профессором Мордовского университета Николаем Васильевым, ставшим моим близким другом на последующую четверть века. В момент нашего знакомства Николаю Леонидовичу было чуть за 40. Он расстался со второй женой, балериной Мордовского государственного театра оперы и балета, которая категорически не принимала его спартанских условий бытия в находившемся в самом центре Саранска ветхом доме с удобствами во дворе. Но какой же это был дом (недаром — г. Саранск, ул. Саранская, д. 1) и какая в нем царил аура! Старинный кожаный диван начала XX века, огромные зеркала в пол, бюст поэта А.И. Полежаева, ныне находящийся в его музее... И, самое главное, книги — целое царство книг: и в кабинете, и в гостиной, и в небольшой комнате, где мне десятки раз приходилось ночевать... Книги были основным богатством дома, многие из них я увидел впервые; с

любопытством снимая их с полок, я узнавал фамилии неизвестных мне прежде исследователей, отчетливо понимал, что многое уже изучено и обращение к любой теме на профессиональном уровне невозможно без учета достижений предшественников. Николай Леонидович писал о А.И. Полежаеве (этому поэту посвятил он свою докторскую диссертацию), Н.П. Огареве, М.М. Бахтине — людям, тесно связанным с Мордовией, но при этом воспринимаемых в общероссийском контексте. Своим примером он призывал находить в краеведении страницы, значимые для всей страны, и выносить их на уровень ведущих отечественных журналов. Васильев тонко знал поэзию А.С. Пушкина, весь связанный с его именем «золотой век», призывал меня концентрироваться на изучении именно этого блистательного периода. Это только несведущим кажется, что нельзя ничего нового сказать о Пушкине и его современниках. «Изучение литературы XIX века требует от исследователя гораздо большего уровня эрудиции, образования и культуры, нежели обращение к советской или современной литературе, а тем более к литературе народов России», — убеждал Николай Леонидович.

Понимая правоту Николая Леонидовича, я не сразу смог последовать его советам. С 1998 года я учился в аспирантуре МНИИЯЛИЭ по специальности «Фольклористика», куда попал благодаря содействию известного пензенского историка, в ту пору кандидата исторических наук Владимира Ивановича Первушкина, постоянно поддерживавшего контакты с коллегами из соседней республики. Моим научным руководителем была Татьяна Петровна Девяткина, исследователь свадебных обрядов и песен мордвы-мокши и мордовской мифологии. Тема, связанная с паремиологией мордвы Пензенской области, настолько увлекла меня, что уже через год с небольшим кандидатская диссертация была завершена. Диссертационных советов по фольклористике было тогда (да и сейчас) совсем немного. Помню, как помогал мне с розыском совета для защиты Анатолий Антонович Ловков, проректор по научной работе педуниверситета, сделавший звонок ученому секретарю ВАК Николаю Ивановичу Загузову. Последний, вероятно, подумав, что речь идет о докторской диссертации, сказал, что по фольклористике есть всего два совета по России, причем оба в Москве — в ИМЛИ и в Московском государственном открытом педагогическом университете (впоследствии — Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова, присоединенном к МПГУ в 2015 г.). Так я оказался в МГОПУ, где защита успешно состоялась весной 2000 года. В состав совета входили признанные корифеи фольклористики В.П. Аникин, Б.П. Кирдан, Т.В. Зуева, С.А. Джанумов, а председателем являлся исследователь русской обрядовой поэзии академик Российской академии образования Юрий Георгиевич Круглов, впоследствии научный консультант по моей докторской диссертации.

Завершив диссертацию, я продолжал приезжать в Мордовию к своему другу Николаю Васильеву. Возникали идеи совместных статей и книг.

Именно на рубеже 1990—2000-х гг. Васильевым была разработана концепция алфавитно-частотных словарей русских писателей XIX века, прежде всего предшественников и современников А.С. Пушкина. Несмотря на то что писательская лексикография бурно развивалась на протяжении всего XX века, что привело к появлению не только фундаментального «Словаря языка Пушкина», но и различного рода словарей произведений других авторов, творчество поэтов пушкинского времени в значительной степени оставалось вне поля зрения лексикографов. Во многом это объяснялось устойчивым (но, как выяснилось впоследствии, ошибочным) мнением, что язык Пушкина вобрал в себя всё многообразие лексики эпохи, в связи с чем словари языка современников и предшественников великого поэта не дадут сколько-нибудь существенного пополнения научного знания. Занимаясь творчеством А.И. Полежаева, Васильев не мог не обратить внимание на языковую индивидуальность поэта, позволявшую понять его мировоззрение, степень образованности, осмыслить отдельные содержательные особенности поэтических текстов. Многие слова, употребленные А.И. Полежаевым, не были отмечены в «Словаре языка Пушкина», что настоятельно подтолкнуло исследователя к мысли о необходимости подготовки «Словаря языка А.И. Полежаева». Принципы, выработанные при создании этого словаря, опубликованного в 2001 г., стали основой для изданных впоследствии нами совместно словарей А.А. Дельвига (2009), Н.М. Языкова (2013), П.А. Вяземского (2015), Е.А. Баратынского (2016), Д.В. Давыдова (2016), Н.М. Карамзина (2016), Д.В. Веневитинова (2017), И.И. Дмитриева (2017), К.Ф. Рылеева (2017), К.Н. Батюшкова (2018). В 2026 г. мной опубликован (также в соавторстве с Н.Л. Васильевым) словарь поэтического языка В.А. Жуковского, в работе над которым мой друг принимал участие на раннем этапе. Изучение языка художественной литературы дало мне многое, но прежде всего — умение отстраненно взглянуть на литературный процесс, поставив во главу угла не субъективную концепцию (какой бы правильной она ни казалась), а неоспоримый факт, подтверждаемый текстом произведения, письма, архивного документа. Симбиоз языка и литературы был характерной чертой очень многих работ Н.Л. Васильева.

Не могу не назвать и другие результаты нашего сотрудничества — книги о мордовском писателе Д.И. Морском (2020), П.А. Вяземском (2022), сборник неопубликованных произведений В.Г. Бенедиктова (2023), причем последние два издания я завершал в одиночку уже после смерти Николая Леонидовича в мае 2021 года. Васильев всегда призывал меня быть перфекционистом и печататься только в самых лучших российских и зарубежных журналах, не гнаться за количеством публикаций, предпочитая их качество и статусность. Также он был в определенной мере «коллекционером», старался идти не по проторенному пути, а отправлять материалы в журналы, где раньше еще не публиковался. Если в стремлении к статусности публикаций я полностью поддерживал колле-

гу, то его погоня за разнообразием мне была непонятна. У каждого журнала свои требования к объему материала, к его оформлению, к подаче примечаний и библиографического списка, к англоязычной аннотации и т.д. — всегда проще печататься там, где ты уже не раз это делал. У Васильева были свои аргументы: «Ты посмотри, я пишу в основном о Полежаеве. Неужели один журнал будет из номера в номер печатать мои статьи об одном и том же поэте?» Впрочем, со временем тематика статей Васильева ощутимо расширилась, в т.ч. и благодаря появлению словарей, на основе материалов которых нами подготавливались сопоставительные исследования лексиконов разных авторов.

Николай Леонидович ушел из жизни, оставив на мое попечение пять незавершенных проектов совместных книг (и это не говоря про статьи!). Я рад тому, что три книги из пяти уже состоялись. И если Господь даст сил, то обязательно завершу оставшиеся две — словари поэтического языка В.Л. Пушкина и В.Г. Бенедиктова.

* * *

Недавно, оформляя через Департамент торговли и услуг города Москвы место под захоронение на участке 21-а Троекуровского кладбища, набрел на находящуюся в трех сотнях метров (на соседнем 20-м участке) могилу своего научного консультанта Юрия Георгиевича Круглова. Я знал, что он покойся именно на Троекуровском, но само кладбище огромно (более 33 га) — и тут такое неожиданное соседство. Выдающийся фольклорист, он принял меня в докторантуру с моей не очень-то близкой ему темой по творчеству А.А. Дельвига (во многом сформировавшейся под влиянием Н.Л. Васильева) и успешно довел до защиты в июне 2005 года. Уже в процессе работы над диссертацией происходило расширение моих научных интересов: от Дельвига к «пушкинской плеяде», далее к «золотому веку», к античной традиции в русской поэзии, международным связям русской литературы, русско-западноевропейским взаимовлияниям.

Занимаясь своей докторской диссертацией, я мог в значительной мере опираться на книги, имевшиеся в Пензенской областной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. Какие-то издания приходилось заказывать по системе межбиблиотечного абонемена (МБА), что-то я смотрел в Москве — в Ленинке, в Исторической библиотеке, — но это была сравнительно малая часть. В нашей провинциальной библиотеке легко находились научные издания, вышедшие вплоть до конца 1980-х гг., далее — в 1990-е — вообще мало что издавалось, и поэтому в начале 2000-х гг., живя и работая в Пензе, я мог вполне владеть актуальным уровнем знаний в области литературоведения. Однако в XXI веке начались стремительные перемены: научных изданий стало больше, тиражи их, напротив, радикально уменьшились, причем настолько, что распространялись только в Москве, Санкт-Петербурге и, может, еще в нескольких городах — Екатеринбурге,

Новосибирске, Томске. Наметился и год от года только усиливается разрыв между уровнем исследований, проводимых в ведущих научных центрах (ИМЛИ, Пушкинском Доме, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, Томском госуниверситете и т. д.) и в российской провинции. Казалось бы, и защит много, и докторов наук много (гораздо больше, чем в советское время), а уровень проводимых в регионах исследований в большинстве своем, мягко говоря, недотягивает: особенно наглядно это видно, если сопоставить работы, выходящие на защиту, посмотреть публикации, указанные в авторефератах. Один волгоградский профессор как-то сказал мне, что это раньше, дескать, была разница между исследователем в Москве и в провинции, а сейчас всю разницу нивелировал Интернет, что называется, бери не хочу, и книг дома иметь не надо, — я живо представил себе, как он работает, опираясь исключительно на источники из Всемирной паутины, и мне стало грустно: вряд ли можно ждать от него каких-то открытий, главное, чтобы компиляция была добротной.

Понимая, что вряд ли в дальнейшем можно рассчитывать на областную библиотеку, а в Москву тоже не наездишься, я стал формировать собственную научную библиотеку, при этом учитывал те проблемы, которые были очевидны в обширной библиотеке Н.Л. Васильева, где большинство многотомных изданий оказались представленными неполным комплектом томов, что затрудняло работу с ними. Изначально нацелившись на полноту собрания, мне в большинстве случаев удалось ее добиться. Например, удалось полностью собрать все три издания «Большой серии» «Библиотеки поэта» и все книги «Новой библиотеки поэта», которые занимают отдельный шкаф; при этом самыми редкими и долго не попадавшимися были не самые старые книги довоенных годов издания, а, казалось бы, более доступные издания второй серии: том «Стихотворения и поэмы» Гамзата Цадасы (1958), «Дагестанские лирики» (1961), «Эстонские поэты XIX века» (1961), а также книга К.К. Случевского из «Новой библиотеки поэта», составленная Е.А. Тахо-Годи (2004). Удалось найти многие редкие издания по истории русской литературы, вышедшие в XIX — начале XX века, приобрести академические собрания сочинений, ряд авторитетных серийных литературоведческих изданий, отследить выход и своевременно купить многие малотиражные книги, незаменимые для филолога, прежде всего справочные издания по литературоведению, библиографии писателей, росписи содержания литературных журналов, альманахов и сборников, летописи жизни и творчества, каталоги частных книжных собраний и т.д. Собранная библиотека позволила организационно усилить работу с аспирантами и докторантами: за два десятилетия после собственной защиты мне удалось подготовить и защитить 5 докторов и 16 кандидатов наук. Без большой домашней библиотеки такой результат был бы невозможен.

Моя библиотека постоянно растет и расширяется — несмотря на хроническое недофинансирование всего и вся, у нас в стране на удивление

много энтузиастов, которые небольшими творческими группами, а то и в одиночку берутся за создание собраний сочинений самых разных писателей (Осипа Сенковского и Аполлона Григорьева, Евдокии Ростопчиной и Михаила Каткова, Надежды Кохановской (Соханской) и Исаака Бабеля), за подготовку многотомных словарей, за комментированные издания дневниковой, мемуарной литературы, эпистолярного наследия писателей, становящиеся ценными документальными источниками, без которых не может состояться ни одного глубокого исследования. На наших глазах формируется новое поколение талантливых филологов (1990-х — начала 2000-х годов рождения), большинство из которых я знаю исключительно по опубликованным работам — книгам и статьям в высокорейтинговых научных журналах, — Георгий Велигорский, Иван Волков, Дмитрий Цыганов, Евгения Гервинус, Яков Слепков... Нельзя не смотреть на будущее с оптимизмом: библиотека будет пополняться и дальше.

* * *

Интересные открытия позволила сделать кропотливая работа с рукописями, хранящимися в Российском государственном архиве литературы и искусства, Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, Рукописном отделе Пушкинского Дома, Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке. Благодаря этой работе удалось впервые опубликовать оригинальные и переводные произведения В.Л. Пушкина, П.А. Вяземского, В.Г. Бенедиктова, Д.Л. Михаловского, Д.Е. Мина, В.М. Михеева, Б.В. Бера, В.Е. Чешихина (Ч. Ветринского), М.К. Станюкович, И.А. Аксенова, Г.В. Адамовича, В.Г. Шершеневича, В.А. Меркурьевой, В.А. Пяста, А.И. Оношкович-Яцыны, С.Д. Гуревича, Т.Л. Щепкиной-Куперник, С.Н. Дурылина, С.Н. Протасьева, В.И. Лебедева-Кумача, К.И. Чуковского, Г.А. Шенгели, С.Д. Кржижановского, Е.Л. Ланна, И.А. Кашкина и многих других.

Основной площадкой для введения в научный оборот ценнейших архивных материалов стал выпускаемый под моей редакцией сборник «Художественный перевод и сравнительное литературоведение», продолживший традиции известного сборника советского времени «Мастерство перевода», у истоков которого стоял К.И. Чуковский. На начало 2026 г. в московском издательстве «Флинта» вышло 20 томов этого сборника (объем каждого тома в среднем 700—900 страниц), включающего статьи по проблемам художественного перевода, межкультурной коммуникации, истории русской переводной художественной литературы, архивные и современные переводы. Со сборником в разные годы сотрудничали ведущие отечественные и зарубежные переводчики: Майя Залмановна Квятковская, Сергей Анатольевич Александровский, Татьяна Валерьевна Берфорд, Геннадий Моисеевич Зельдович, Евгений Давыдович Фельдман, Вячеслав Иванович Шаповалов, Илья Абрамович Липес,

Алла Всеволодовна Шарапова, Никита Николаевич Винокуров, А. Грибанов (Александр Александрович Штейн), Олег Александрович Комков, Вита Штивельман, Алина Лацинник и очень многие другие (прошу не обижаться тех, кого не назвал). Среди публикаций преобладали переводы с английского, французского, других западноевропейских языков, относительно редки были переводы с иврита, восточных и славянских языков. Сборник публиковал авторов из США, Канады, Австралии, Израиля, Польши, Украины, Казахстана, Кыргызстана. Были среди его авторов и пензяки — Юрий Серебряник, Ольга Денисова, Сергей Антипов.

* * *

Когда меня спрашивают, какими результатами своей работы я особенно доволен, всегда отвечаю: тремя изданиями, вышедшими в академической серии «Литературные памятники». Видимо, это то небольшое, что точно останется после меня. Замечательные книги в тёмно-зелёных ледериновых переплетах с тиснением свитка, на котором указаны автор и название его произведения, выходят с послевоенных времен. В новейшей истории серия сохранилась благодаря усилиям редакционной коллегии, которую в разные годы возглавляли такие выдающиеся филологи, как академик Д.С. Лихачев, доктор филологических наук Б.Ф. Егоров, академик Н.И. Балашов, член-корреспондент РАН А.Д. Михайлов, академик А.Б. Куделин, а также трех издательств — московской и петербургской «Науки» и частного издательства «Ладомир» (книги последнего характеризуются, на мой взгляд, наиболее высоким уровнем научной подготовки). Для этой академической серии в составе небольших исследовательских групп мне удалось подготовить «In Memoriam» Альфреда Теннисона (совместно с А.Н. Горбуновым и Т.Ю. Стамовой; 2018), «Дом жизни» Данте Габриэля Россетти (совместно с В.С. Некляевым; 2018), «Трагическую историю доктора Фауста» Кристофера Марло (совместно с А.Н. Горбуновым, В.С. Макаровым и А.А. Рябовой; 2019). Книги вышли одна за другой, почти одновременно, хотя каждая из них — результат многолетних усилий. Сейчас в работе материалы еще для трех книг, имеющих большую или меньшую степень готовности. Не буду заранее анонсировать, уж очень тернист их путь к читателю.

Вспоминая о том, как влияли на меня и мои творческие интересы более опытные старшие коллеги, не могу не отметить и влияния со стороны более молодых — моих вчерашних аспирантов и докторантов. Говорю прежде всего о Вере Владимировне Сердечной, защитившей при моем участии в качестве научного консультанта докторскую диссертацию по русской рецепции Уильяма Блейка. Вера — театральный критик, член экспертных советов национальной премии «Золотая маска», фестиваля молодой режиссуры «Артмиграция», Международного Большого детского фестиваля, куратор программы «Маска Плюс», член жюри Северного театрального фестиваля, фестивалей «ТОН», «Горячее сердце», «Улица

Чехова», «Кубань театральная», «Комедия-фест» и др. Под ее влиянием я стал часто обращаться в новых статьях к истории русского драматического театра, осмысливать деятельность забытых театральных критиков прошлого, писать об истории сценических воплощений произведений отечественных и зарубежных драматургов. Многие статьи мы подготавливаем в соавторстве.

* * *

Более десяти лет назад, в январе 2016 г., моя жизнь серьезно изменилась. Пензенские писатели избрали меня председателем правления Пензенского регионального отделения. Честно говоря, на протяжении ряда лет я не очень активно интересовался жизнью организации, просто наблюдал, что кто-то умер, кого-то приняли в союз, у кого-то вышла новая книга. В определенный момент возникло ощущение, что и в литературной среде, так же, как и в научной, происходит некая девальвация — уходят из жизни крупные авторы со своим индивидуальным почерком, а взамен им появляются авторы уровнем ниже, некоторых из которых нельзя воспринимать иначе как самодеятельных. К такому положению дел привели многолетнее отсутствие внимания государства к нуждам писателей и невозможность зарабатывать на жизнь литературным трудом. Ныне можно определенно говорить, что на активности самодеятельных творцов во многом держится вся низовая литературная жизнь, в провинции в особенности. Еще раз подчеркну, не на вояжах столичных гастролеров, а на каждодневном вкладе местных, часто весьма скромных, творцов в культуру родного края, в просвещение того народа, что их окружает: своих соседей по лестничной площадке, земляков из родного села и т.д. И если есть не показное, а искреннее желание сохранять региональную культуру и, развиваясь, идти от нее к культуре России и далее к культуре мира, о чем так много писал Николай Михайлович Инюшкин, нужно бережно и внимательно относиться к каждому, кто стремится донести свое творчество до земляков. Не с ухмылками и сомнениями, а трепетно, с пониманием того, что именно эти многочисленные авторы и образуют корневую систему того ветвистого древа, которое при должном внимании и уходе обязательно принесет плоды. И еще: никогда не нужно бояться ставить большие творческие цели и их добиваться. На наших глазах есть реальные примеры, когда писатели из российской глубинки, неизвестные прежде за пределами своего региона, становились узнаваемыми и востребованными.

Николай ИНЮШКИН

**ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ:
СТРАНИЦЫ
ТВОРЧЕСКИХ
БИОГРАФИЙ***

К 90-летию со дня рождения

27 сентября этого года моему учителю и старшему товарищу Николаю Михайловичу ИНЮШКИНУ исполнилось бы 90 лет. Это время в конце сентября называют зазимьем: первые заморозки, птицы улетают на юг... Когда-то я посвятил Николаю Михайловичу романс, который так и называется «Зазимье». Впервые он был исполнен во время 60-летнего юбилея ученого. Птицы улетаются, годы летят... А память и благодарность, слава богу, остаются!

Николай Михайлович Инюшкин был удивительно деятельным человеком! Филолог, доктор философских наук, профессор, культуролог, эстетик, историк-краевед, автор 13 монографий и 10 учебно-методических пособий, 150 научных статей, целого ряда интереснейших книг, сценариев фильмов и пьес. Он много писал о наших земляках, прекрасных сыновьях Сурского края. Писал ярко! Два таких очерка мы публикуем сегодня в юбилейном номере «Суры», активным и постоянным автором которой он был на протяжении многих лет. Светлая память!

Б. Шигин

В.Г. БЕЛИНСКИЙ**

В Пензе от Верхней Пешей улицы до гимназии, что находилась на пересечении Троицкой и Никольской, пройти было недалеко, а самое

* Из книги: Инюшкин Н.М., Тюстин А.В. Пензенский край: страницы творческих биографий. — Пенза: Сталкер, 2011. — 184 с.

** В 2026 году исполнилось 215 лет со дня рождения В.Г. Белинского.

простое — через Линию Присутственных мест. Став гимназистом с 1 августа 1825 года, герой нашего рассказа наверняка так и делал. Подъезжавшие или подходившие к домам казённых губернских учреждений чиновники вряд ли замечали невысокого худощавого паренька с книгами под мышкой в неказистом серёньком суконном казакине, часто пестревшем незащитыми прорехами. И уж, конечно, никому в голову прийти не могло, что небольшая улочка эта по прошествии времён будет носить имя незамеченного подростка. Да и сам он столь же маловероятно мог предположить, что к гимназии будет выходить с Линии Присутственных мест мимо памятника себе самому.

Но судьбе, вернее сказать, содеянному для России Виссарионом Григорьевичем Белинским суждено было оказать ему не только такие знаки благодарной памяти.

Этот краткий очерк не претендует на пересказ-анализ наследия подлинного новатора в критическом осмыслении русской литературы её «золотого века». Есть надежда на то, что удастся обозначить и подтвердить те первовпечатления, что повлияли на корневые основы характера и образа мыслей В.Г. Белинского. Место, рождавшее эти первовпечатления, — земля детства и ранней юности — Пензенский край.

Город, который в наше время носит имя Белинского, в пору, когда приехал сюда на должность уездного лекаря Г.Н. Белинский, назывался Чембаром. Приехал с семейством, состоявшим из жены, троих детей и бабушки, поздней осенью 1816 года.

Именно тогда пятилетний Виссарион начал вбирать в свою чуткую душу и умную голову те самые первовпечатления. Конечно, лучше всего, годы спустя, запечатлятся они в воспоминаниях и суждениях самого Белинского, разбросанных по многим его статьям, в свидетельствах современников.

«... Я снова становлюсь ребёнком, и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот выхожу на двор родимого дома с тесовую кровлей, окруженного бревенчатым забором... Вот от ворот до крыльца трехугольный палисадник, с акациями, черемуховым деревом и купюю розанов. Вот и маленькая баня при входе в огород, даже среди белого дня пугавшая моё воображение своей таинственной пустошью... А вот возле нее и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем».

Откуда такая фантазия? Об одном из ее источников послушаем всё того же Виссариона Григорьевича, вспоминавшего: «В младенчестве слышал сказки о могучих богатырях, о храбрых витязях, о злых колдунах, о страшных домовых; с малолетства приучил свой слух к жалобному протяжному пению родных песен».

Под видом «мемуаров писателя» Белинский в 1839 году оставил нам ценнейшее свидетельство о страстном увлечении чтением ещё в дошкольные годы и о том, какие книги помогали «душе его развиваться». Здесь и Ка-

рамзин, и «Робинзон Крузо», и журнал «Детское чтение» Новикова, но на столике в детской чембарского дома лежала, да и в нынешнем музее лежит «Повесть о приключениях английского Милорда Георга», изданная в 1819 году. Своеобразный детектив, которым зачитывалась Россия ещё с конца XVIII века. Так вот, в рецензии уже на девятое издание этой книги строгий критик с отличным вкусом вспомнит о своём детском увлечении.

«О милорд английский, о великий Георг! Ощущаешь ли ты, с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и бессмысленная! В то время, когда я уже бойко читал по толкам, хотя ещё и не умел писать, в то время, когда ещё только начиналось моё литературное образование, когда я прочел и «Бову», и «Еруслана» гражданскою печатью, «Повести и рассказы господина Волтера» и «Зеркало добродетели» с раскрашенными картинками, — скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенея ко всему благому и прекрасному?.. Помню тот день незабвенный, когда, достав тебя, уединился я далеко, кажется в огороде, в лесу пышных подсолнечников — этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом невозмущаемом уединении, быстро переворачивал твои толстые и жесткие страницы, всею душою удивляясь дивным приключениям, так могуче и красно изложенным... О, милорд, что ты со мной сделал? Какая кому нужна до моего детства?»

В нашем очерке «нужда» до всего, из чего складывался облик великого русского литератора. Конечно, до его детства, которое в 1822 году миновало свою золотую пору. Одиннадцатилетнему Виссариону, поступившему в 1822 году в Чембарское уездное училище, жизнь готовила нелёгкие испытания. Гнетущая семейная атмосфера, частые ссоры, образованный, но грубый отец, пристрастившийся к спиртному, были одним из горьких обстоятельств окружавшей мальчика уездной жизни с её невымышленными страданиями и пороками. И все же Виссарион жадно учился, много читал, даже переписывал наиболее ему понравившееся и поразившее. Теперь это были лучшие произведения русских писателей XVIII и начала XIX века.

В ведомости за 1823 год Белинский значится в числе лучших учеников. Но уже тогда кое-кому становилось ясно, что, может быть, речь идёт не просто о хорошем ученике, не об «отличнике». В 1823 году Чембар посетил директор народных училищ Пензенской губернии, будущий автор исторических романов И.И. Лажечников: «Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла моё внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светлелся разум не по летам... Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством... Я спросил, кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря»,

В.Г. Белинский

— сказали мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевною теплотой приветствовал его... Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частию члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нараспашку... Душа его, в которую пала с малолетства искра Божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен. С ранних лет накопилась в ней ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чём бы они ни проявлялись, в обществе или в литературе. Оттого-то его убеждения перешли в

его плоть и кровь, слились с его жизнью».

И.И. Лажечников сожалел, что ему не пришлось стать учителем «ястребка», как он назвал Виссариона, в Пензенской гимназии. Когда 1 августа 1825 года Белинский был зачислен в это губернское учебное заведение, его бывшего директора уже перевели в Казань.

Но в гимназии, по преимуществу не отличавшейся высоким уровнем преподавания и особенно гуманностью системы воспитания — потасовки, карцер, брань, — были и педагоги, общение с которыми помогало духовному росту четырнадцатилетнего Виссариона. Воспоминания талантливого учителя М.М. Попова — свидетельство не только роли таких контактов, но и интенсивной умственной жизни, которая при всех повседневных трудностях и возвышалась, и вызывала уважение у гимназических товарищей и педагогов.

«Он брал у меня книги и журналы, пересказывал мне прочитанное, судил и рядил обо всем, задавал мне вопрос за вопросом. По летам и тогдашним отношениям он был неровный мне, но я не помню, чтоб в Пензе с кем-нибудь другим я так душевно разговаривал, как с ним, о науках и литературе».

А вот мнение ровесника-гимназиста Д.Л. Иванова: «Ни одна минута не пропадала у Белинского даром: он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь, или беседовал с дельными людьми, или предавался в одиночку размышлениям». Заметим, что читал Виссарион не только художественную, но и научную литературу. Так именно в Пензе закладывался фундамент энциклопедической образованности, которая позволила повзрослевшему Виссариону с авторитетом и знанием писать рецензии на книги разных областей знания.

Но если чтение было для героя нашего очерка делом привычным ещё в Чембаре, то губернский центр стал местом первовпечатления, оставшегося в числе радостных и важных на всю жизнь.

«Театр! Театр! Каким магическим словом был ты для меня во время оно! Каким невыразимым очарованием потрясал ты тогда все струны души моей и какие дивные аккорды срывал ты с них!.. Сердце бьётся резко и глухо, дыхание замерло на устах, — и на волшебной сцене всё так чудесно, так полно очарования; молодое неискушенное чувство так всем довольно, и, Боже мой, с какою полнотою в душе выходишь, бывало, из театра, сколько впечатлений выносишь из него!..»

Что же это был за театр в Пензе, сумевший произвести такое впечатление на юношу? Крепостной театр, открытый ещё в 1807 году местным помещиком Г. Гладковым. В 1820-е годы он был единственным в городе. И хотя не составляло труда проникнуть в закулисные тайны «храма искусств», где хозяйское рукоприкладство по отношению к актёрам было делом обыденным, страсть к театру всё же овладевала душой учащейся молодёжи. Для похода на спектакли приберегались особые деньги. Когда у Белинского не доставало собственных средств для театра, он прибегал к займам, которые всегда уплачивались при получении денег из дома.

О противоречивом, но в основе своей уважительном, благодарном отношении Виссарион Григорьевич вспоминал и годы спустя. «Даже и днём, если случится пройти мимо безобразного и неопрятного театра в губернском городе, — с каким благоговейным чувством смотришь, бывало, на этот «великолепный» храм искусства, — снять перед ним шапку как-то стыдно при людях, а остаться с покрытой головой казалось непростительной дерзостью».

Вряд ли можно признать случайным, что работа над первым произведением, предназначенным для печати, началась в Пензе и Чембаре, и это была драма «Дмитрий Калинин». Она созрела как результат долгих наблюдений и размышлений в пору жизни Белинского в городах своего детства и юности. Вот только один тому пример: ведь имя Дмитрий Калинин появилось у главного героя пьесы совсем не случайно. Именно так звали одноклассника Виссариона, отец которого был «дворовый человек Егор». И разве не характеризует мировоззрение 14-летнего Белинского то, что с единственным крепостным, обучавшимся в гимназии, он целый год просидел на одной скамье. Такая близость по духу не случайна, и молодой драматург делает Дмитрия своего рода крепостным интеллигентом, способным в современной литературной форме передавать в монологах негодование и гнев против главного порока российского общества — крепостного рабства, стремление к освобождению любой ценой. Последняя фраза драмы, конечно, запрещённой цензурой к публикации: «Свободным жил я, свободным и умру! (закалывается)».

Так стремительно, наполненно жадным чтением, неустанной работой мысли, яркими для него театральными впечатлениями, общением с друзьями, зоркими наблюдениями за жизнью проходили пензенские годы Виссариона. И всё заметнее становилось, что уже перерос он в основном жалкие гимназические занятия, что уже учиться-то «ястребку» в этих

стенах нечему и нужно, времени не теряя, делать новые шаги в большую жизнь российского духа.

Случилось такое после того, как в январе 1829 года Белинский, прибыв на зимние каникулы в Чембар, принял решение не возвращаться в гимназию, а готовиться к экзаменам в университет.

Но это уже другие страницы истории жизни и творчества героя нашего очерка, на которых он сделал себя не просто выдающимся критиком и мыслителем, но фактически сотворцом того высочайшего явления в отечественной культуре, которое называется теперь золотым веком русской литературы.

Всё так, однако как не признать немаловажность для первого подлинного русского интеллигента немалой роли тех первовпечатлений, что остались в душе его с чембарских и пензенских времён. Не потому ли очень уместно и символично скульптурное изображение юноши в том самом казакине, которое видят тысячи и тысячи студентов возле Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. «Истинный рыцарь духа без страха и упрёка» очень нужен и в XXI веке.

Н.Н. БУРДЕНКО*

По размаху кровопролития, по числу жертв в войнах XX век обошел все предыдущие. И как бы ни назывались эти войны, никогда в истории не было столько человеческой боли. Значит, как никогда нужны те, кто пытается облегчить страдания, спасти надломленные жизни.

Наш рассказ об одном из деятельных гуманистов XX века, участнике всех войн, которые вела Россия в первой половине столетия. О Николае Ниловиче Бурденко.

В Каменке, ставшей нынче настоящим городом, дома, где он родился, не сохранилось.

Хотя имя его носит одна из улиц. Памятная доска и на здании, где была земская сельская школа.

Но дороже любой доски живая память юных каменных краеведов. В школьном музее они поведают о том, что будущий врач и ученый родился 22 мая 1876 года в семье Нила Карповича и Варвары Маркиановны Бурденко.

Выходец из крепостных, отец жадно учился, кое-чего добился, много читал, любил природу. Все было хорошо, но тяжелым кошмаром семьи стали его запои. А в семье — девятеро детей, Николай — четвертый. Так что Коля уроки самостоятельности начал брать очень рано. К порогу школы он добрался без провожатых пяти с половиной лет тайком от родителей. Отворил дверь в класс и посреди урока подошел к знакомому учителю: «Я пришел учиться, буду послушным и не буду озорничать».

* В 2026 году исполнилось 150 лет со дня рождения Н.Н. Бурденко и 180 лет Пензенской областной больнице имени Н.Н. Бурденко.

Даже через много лет Бурденко с благоговением вспоминал своих первых каменных учителей — Михаила Ивановича Некрасова и Гаврилу Ивановича Барабаша.

Когда Коле исполнилось 10 лет и сельская школа была окончена, пришлось ему распрощаться и с сельскими просторами, и с Гремячим ключом, и с детской мечтой стать наездником — уж очень хороши были скакуны в барском именье!

С плачем отвезли его в Пензу — в духовное училище, да еще и жить определили в интернат. Училище находилось в здании, до перестройки в начале XX века выходившем на улицу Дворянскую, ныне Красную. Время, здесь проведенное с сентября 1886-го по июль 1890-го, радости принесло мало. Учение без интереса. Наглое право силачей в общежитии. Вши, про которых старшеклассники говорили, что они не от грязи, а от тоски по дому.

Только вот скоро каменского дома, куда Бурденко рвался на каникулы, не стало. Уволил-таки помещик отца, и всему семейству пришлось переезжать в Пензу, где дедушка Карп Федорович купил на Песках небольшой домик.

Пройдут годы, и домик, перевезенный на территорию больницы имени Бурденко, станет музеем. А пока что Николай мог приходить сюда только по воскресным дням — помочь по хозяйству, с младшими позаниматься. Жил-то по-прежнему в общежитии духовного ведомства — только с 1891 года уже как учащийся Пензенской духовной семинарии.

В своих автобиографических записях умудренный жизнью академик Бурденко предостерег против модного в ту пору порицания всего, что связывалось с семинарскими годами.

Ведь в стенах этого учебного заведения формировались весьма оригинальные умы, среди которых был, к примеру, В.О. Ключевский.

При всей косности семинарской атмосферы на воспитание ума и сердца Николая Бурденко оказывали влияние такие либеральные и широкообразованные педагоги, как ректор Позднев, инспектор Протопопов, библиотекарь Хвощев. Кстати, библиотека, и не только семинарская, была источником самообразования упорного юноши. Именно здесь в кружке любителей науки и литературы Бурденко не раз публично читал из произведений Пушкина и Лескова.

Как одного из лучших учеников, Николая «приберегали» для показательных ответов перед высокими гостями. Порой это дорого стоило молодой душе. Как-то приехал на урок гомилетики — науки о церковном красноречии — архиерей. Бурденко велено было произнести проповедь о вреде пьянства. Речь получилась таким страстным обличением порока, что даже слезы потекли из глаз юного проповедника. Немудрено — ведь в большую точку ненароком попала тема.

Материальное положение семьи становилось все тяжелее, и Николаю приходилось не только учиться, но и упорно месить вязкую пензенскую

Н.Н. Бурденко

грязь, бегая из конца в конец города по урокам.

Но... надежды близких на то, что первокурсник семинарии 1897 года станет слушателем Петербургской академии, не оправдались. Решение молодого Бурденко в голове не укладывалось. Отказаться от обеспеченной и открытой духовной карьеры, от учебы в столице, и ради чего? Ради дороги в Сибирь, в Томский университет на медицинский факультет!

Уехал, имея в кармане 75 рублей, собранных товарищами по выпуску, и две марки по 7 копеек от отца. Это чтобы было на что письмо послать, когда совсем худо станет.

Совсем худо не стало. Учился увлеченно, но из-за участия в студенческих волнениях пришлось перевестись на другой край России — в Юрьевский (ныне Тартуский) университет.

В 1904 году молодому медику, чьи несомненные способности были замечены профессурой, пришлось применить свои знания в условиях, далеких от клинических.

Русско-японская война. «Травматическая эпидемия». Первые зримые трагические уроки того, как дорого обходится плохо налаженная медико-санитарная служба. Пока помощник врача мало чем мог помочь, кроме как личной самоотверженностью.

Солдатский Георгиевский крест стал первой боевой наградой Бурденко. Раненый, он не покинул поле боя, пока не оказал помощь более тяжело раненному солдату. В эту бесславную войну Николай получил еще и контузию — первый шаг к грядущей глухоте.

Затем наступили тихие десять лет напряженной учебной, лечебной, научной работы Николая Ниловича в Юрьеве. Успешно закончен университет, определяется его специализация как хирурга, он совершает поездки за границу.

Но мы коснемся только одной, для нас особенно интересной. Конечно же, в Пензу, и, увы, последней поездки в родные края.

Летом 1907 года В.К. Трофимов, заведующий хирургическим отделением Пензенской губернской больницы, собрался в научную командировку. А на свою должность пригласил сотоварища по санитарному отряду на Русско-японской войне Николая Бурденко.

Даже поселиться предложил в своей квартире на улице с символическим названием Лекарская.

Вряд ли думал молодой хирург, входя впервые в двери больницы, что придет время, когда она будет носить его имя, что появится здесь его бюст.

Врач А.В. Бономорский, который помогал Бурденко при операциях, вспоминал: «Николай Нилович оставил у работавших с ним неизгладимую память своей уверенностью, решительностью, быстротой соображения и действия. Это был хирург, быстрый как молния. У него была поразительная работоспособность. Деля ежедневно несколько операций, руководя самостоятельно хирургическим отделением, он в то же время много читал и писал свою докторскую диссертацию».

1914 год, Первая мировая война. Вторая — в жизни уже широко известного профессора Бурденко. На всех постах, которые занимал он в армии, — от начальника госпиталя до главного военно-санитарного инспектора — везде борьба за наиболее рациональную организацию медицинской помощи.

И это при том, что сам Николай Нилович за время Первой мировой войны сделал более двух тысяч операций, большинство из которых на черепе!

Увы, пациентов с театра боевых действий не стало у Бурденко меньше и после того, как российские политические события запустили маховик еще одной войны — Гражданской.

После революции он избирает сторону красных и перебирается в Воронежский университет, где заведует кафедрой в хирургической клинике.

Только с 1923 года, переехав в Москву, ученый получает возможность уделить главное внимание решению научно-практических проблем нейрохирургии. В 1934 году он становится директором нейрохирургического института, любимого детища, само рождение которого было подготовлено новаторскими идеями ученого.

Что это — путь в чистую науку? Почетные звания? Международное признание? Все это было. Бурденко избирают в Академию наук, европейские светила медицины в восторге от его операций. В 1937 году Николай Нилович избран депутатом Верховного Совета СССР, затем награжден орденом Ленина, становится лауреатом Сталинской премии.

Но, наверное, даже шум официальных оваций, которые, кстати, он не слушал — слух покинул его именно в 1937 году, — не заглушил в душе военного врача тревоги, которая все более нагнеталась в атмосфере времени.

Он думал о войне. Он стал главным хирургом-консультантом Красной армии. Его указания, советы, инструкции спасали жизнь там, где слышались боевые раскаты — на Халхин-Голе, в боях с финнами, куда Бурденко отправляется лично.

Предчувствия большой войны сбылись.

Приказом Сталина Бурденко назначается главным военным хирургом Красной армии. И хотя в сентябре 1941 года ученого поражает инсульт

и он теряет речь, система военно-полевой хирургии действовала эффективно во многом благодаря его дальновидности.

Более 70% раненых было спасено и возвращено в строй.

А Николай Нилович совершает подвиг воли — «научается» говорить и тоже возвращается в строй.

Бурденко был генерал-полковником. Это высшее звание военно-медицинской службы. Но при любой возможности маршал медицины сам становился к операционному столу. В 1943 году Николаю Ниловичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Бурденко остался в народной памяти вдохновителем и организатором военной медицины. Но как в дни мира он думал о войне, так и во время войны думал о развитии науки после победы. Создание Академии медицинских наук. Здесь воплотился один из главных жизненных замыслов ее первого президента. Отечественная медицина получила свой генеральный штаб. На одном из первых заседаний АМН Бурденко готовился выступить с докладом, но прийти не смог.

Не смог он уже вернуться и к другому своему детищу — в институт нейрохирургии. Смертельный недуг приковал его к постели. Он потерял дар речи, но скупно и трезво написал консилиуму историю своей болезни, историю нескончаемых боев.

«1905 год — контузия, от которой я начал глохнуть.

1917 — другая контузия.

1941 — ездил на фронт, и вскоре у меня был инсульт.

1945 — вновь инсульт.

Мне уже 70, пора умирать».

Н.Н. Бурденко не стало 11 ноября 1946 года. Память о нем жива в России, жива на его малой родине. Крупнейшая больница области с достоинством носит славное имя ученого. С 1977 года в Пензе проводятся важные для всего российского здравоохранения научные чтения, посвященные памяти академика Н.Н. Бурденко.

Дмитрий МУРАШОВ

**ВАСИЛИЙ СЛЕПЦОВ:
ПРОВОДНИК
ВО ВРЕМЕНИ**

**К 190-летию
со дня рождения писателя**

При жизни писатель Василий Алексеевич Слепцов (1836—1878) имел недолгую славу. В некрологе «Отечественных записок», опубликованном в месяце, следовавшем за кончиной Слепцова, он назван «почти забытым»¹. Все попытки классиков мировой литературы — Л.Н. Толстого, А.М. Горького, К.И. Чуковского — возродить интерес читателя к творчеству В.А. Слепцова так и не увенчались успехом². До известности своих великих ходатаев Слепцов так и не дошел. Он и сегодня пребывает в статусе «забытого», как и многие другие писатели второго и третьего ряда русской литературы.

Однако для того, кто желает погрузиться в атмосферу пореформенных лет — 60—70-е годы XIX века, совершить путешествие во времени, Василий Алексеевич является самым надежным проводником. Фактографом он был отменным. Литературный критик Юлий Айхенвальд (1872—1928), говоря о Слепцове, заметил: «Бездушно, неумолимо и сухо воспроизводит он жизнь, протоколирует ее, а сам как бы остается ни при чем, в стороне, и не берет на себя никакой ответственности за сообщаемое. Выходит ли смешно, выходит ли печально (чаще всего — то и другое одновременно) — все это делается само собою, помимо него. Он ничему не удивляется. Ему все равно, услышит ли он пристойное или непристойное: он не брезглив, он все повторит и дойдет до самых пределов того, что выносит печатное слово, а иногда переступит и эту грань. Он не любит многоточий, употребляет их в самом крайнем случае и только там, где они прозрачны; напротив, охотно раскрывает многоточие самой жизни, и она порою как бы скромнее его...»³

Славист из США Уильям Брумфилд, защитивший диссертацию по жизни и творчеству В.А. Слепцова, высказывался еще более конкрет-

В.А. Слепцов

но: «И хотя Слепцов не смог выйти за рамки шестидесятых годов, как их представитель, он отражает эпоху более точно, чем его хорошо известные современники — Толстой, Достоевский и Тургенев, которые благодаря более широкому кругозору и популярности своих книг смогли перешагнуть границы десятилетия»⁴.

В Пензенский край Василий Слепцов впервые попал в тринадцать лет. Он родился в Воронеже, где служил отец военный, который после отставки с семьей переехал в Москву. Жили в доме матери отца, и Василий, первенец, не раз наблюдал бурные склоки между бабушкой и матерью — полькой и бесприданницей, на которой его отец женился вопреки своим родителям. Рос Слепцов замкнутым, но наблюдательным мальчиком. Отец постоянно болел.

В пять лет Василий научился неплохо читать, любил мастерить руками, в одиннадцать пошел в гимназию. Мать приобщила его к театру; эта страсть сохранилась у Слепцова на всю жизнь. После смерти деда в 1845 году бабка писателя выделила сыну 1,5 тысячи десятин и 178 крепостных душ в деревне Александровке (или Дубовке) Сердобского уезда Саратовской губернии⁵. Так Василий оказался с родителями в Пензенском крае. С созданием Пензенской области в 1939 году эта часть Сердобского уезда вошла в ее состав. Сегодня Александровки не существует: в 1975 году она исчезла с карты Пензенской области. Располагалась деревня (в современной топографии) западнее села Мещерское Сердобского района. Важная деталь: в деревне, куда приехали Слепцовы, даже не было дома, где они могли жить. Дом возвели за свой счет.

В Великую Отечественную войну, в 1944 году, Александровку посетил краевед А.В. Храбровицкий, утверждавший по визуальному обзору мест, что местом действия повести «Трудное время», самого известного сочинения В.А. Слепцова, является Александровка. А.В. Храбровицкий писал: «Усадьба Слепцовых не сохранилась, но Александровку можно узнать по описаниям в «Трудном времени». В начале повести говорится: «Направо, в саду, на пригорке — помещичий дом. В самом виду под горою шумит водяная мельница». Так и было в Александровке при Слепцове, и следы этого сохранились; видны остатки плотины под горой, и заметно место, где был помещичий дом на пригорке. Город, о котором много говорится в повести и куда

ездили герои повести Рязанов и Щетинин, несомненно, Сердобск»⁶.

По словам матери, в детстве Слепцов был «нрава кроткого и тихого, сердца мягкого», не выносил, когда мучили животных, и был очень набожен, даже хотел в семь лет уйти в монастырь»⁷. Другой современник, знако-

*Кузьмин Н.В. Вид Сердобска начала XX в.
Рисунок из книги Н.В. Кузьмина «Круг царя Соломона»*

мый с детством писателя, указывал, что он даже носил под одеждой «ржавую цепь от старых весов», своеобразные вериги, для укрепления веры⁸.

В год приезда в Александровку (1849) Василий вместе с братом Колей (он станет следующим владельцем усадьбы) поступил в Пензе в Дворянский институт, который, впрочем, не окончил. Ушел с последнего курса. Учился Слепцов хорошо, но серьезный внутренний кризис, обычный для подростка, радикально поменял жизненные планы. Василий из глубоко верующего человека стал атеистом. Карамазовский вопрос «есть Бог или нет» Слепцов решил практически: во время богослужения он зашел в алтарь институтской церкви, куда никому кроме священников нельзя заходить. «Если Бог есть, то Он меня убьет, если нет — останусь жить» — таков был тест Слепцова. Смерть не пришла — только сильнейшее нервное потрясение и уход из института.

Несмотря на уговоры родных выбрать, как и отец, карьеру военного, Василий Слепцов отказался и стал жить так, как хотел сам, здесь и сейчас. Именно такой подход к собственной жизни в «Трудном времени» исповедует Яков Васильевич Рязанов — alter ego Василия Слепцова (его диалог с Марьей Николаевной Щетининой перед отъездом). Об этом же пишет В.С. Марков со слов брата писателя: «Я думаю, не будет особенной натяжкой утверждать, основываясь на различных фактах его жизни, что он вплоть до самой смерти продолжал оставаться не вполне установившимся человеком, и даже занятие литературой не всецело поглощало его [...] Эта неустойчивость и постоянное искание чего-нибудь нового рельефно выразились в его вечном скитании с одного места на другое, от одного занятия к другому, что родители его старались объяснить особенной выработкой его характера»⁹. Получилось, как в третьем законе Ньютона: «Сила действия равна силе противодействия».

Действительно, после Пензы В.А. Слепцов, увлекаясь естествознанием, поступает на медицинский факультет Московского университета,

*Дом в имении Слепцовых в Александровке.
Журнал «Исторический вестник», 1903, №3*

учится год и после знакомства с великим М.С. Щепкиным, высоко отозвавшимся о нем как артисте, бросает медицину и уезжает в Ярославль, где под псевдонимом «Лунин» играет в труппе местного театра, в том числе роль Хлестакова. В 1860 году увлекается этнографией и уходит собирать народные песни, но в

ходе своей пешей экспедиции переключается на изучение быта крестьян и рабочих. Итог всему — первая публикация в журнале «Русская Речь» очерков «Владимирка и Клязьма» (1861), сделавшая Василия Слепцова знаменитым и давшая возможность познакомиться с Н.Г. Чернышевским, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедриным. Публикация рассказов «Питомка», «Ночлег», «Свиньи» (под названием «Казачи») в журнале «Современник» в 1863—1864 годах еще больше расширяет известность Слепцова. «Прочел ли ты, — пишет И.С. Тургенев В.П. Боткину, — в «Современнике» рассказ под названием «Питомка» некоего В. Слепцова? Это пробирает до мозга костей, — и, пожалуй, тут сидит большой талант»¹⁰. Слепцов погружается в писательство. И вершиной на этом пути (после покорения которой — спуск вниз) становится повесть «Трудное время» (1865). Это рассказ о провинциальной России лета 1863 года, когда все — от крестьян до дворян и от чиновников до духовенства — приспособивались к новым условиям повседневной жизни после отмены крепостного права. Отсюда и «говорящее» название повести.

В Николае Чернышевском Василий Слепцов нашел поддержку своего атеизма. Знавший Чернышевского еще с Саратова историк Н.И. Костомаров писал: «Учение, которое он везде и повсюду проповедовал, где только мог, было таково: отрицание божества; религиозное чувство в его глазах было слабость суеверия и источник всякого зла и несчастья для человека, бог нашей религии — это отвлеченная идея [...] К христианству Чернышевский относился с уважением, но не иначе как только к историческому явлению, которого сила испарилась со временем»¹¹. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1862) побудил Слепцова организовать по образу мастерской Веры Павловны свою коммуну на Знаменской улице Петербурга. Она была одной из десятков таких коммун, но из-за плохих

отношений В.А. Слепцова с Н.С. Лесковым стала объектом критики в его романе «Некуда» (1864), что сделало ее знаменитой. Полиция считала коммуну Слепцова политически вредным объединением¹².

В 1866 году Слепцов из-за репутации «нигилиста» был арестован по делу Дмитрия Каракозова, стрелявшего в Александра II. Один из вопросов, адресованный писателю, просил разъяснить порядки в коммуне. Он пояснил, что пять-семь человек, живавшие в ней, объединились только ради денежной выгоды. Жить в складчину было в Петербурге дешевле, чем по одному¹³. Привязать В.А. Слепцова к Каракозову не получилось. Однако под арестом он пробыл семь недель.

Дважды официально женатый, В.А. Слепцов не раз жил гражданским браком. Такие нравы среди молодых людей в те годы были нормой. Адвокат В.И. Танеев вспоминал: «Он был очень красив. Женщины его любили. Он, по его собственным словам, пробирался иногда по ночам в женские монастыри. [...] Он был избалован женщинами и чувствовал потребность постоянно менять их. [...] Женщины были от него без ума и просто толпами бежали его слушать и всячески старались заслужить его расположение, склонить его на любовь»¹⁴. После «Трудного времени», где Слепцов затронул тему женской эмансипации, как съездив Танеев, у писателя в квартире, как в приемной у доктора, всегда сидели 8—9 дам. «Каждая спрашивала у него, что ей делать. У одной было несогласие с мужем, у другой неприятности с родителями»¹⁵.

«Один раз зашел к нему наш общий приятель Иванюков. Приемная была полна дамами. Слепцова не было. Иванюков думал, что в спальне сидит одна из этих дам и исповедуется, как у духовника. Он постучал в дверь спальни.

— Можно войти?

— Войдите, — отвечал каким-то отчаянно печальным голосом Слепцов.

Иванюков вошел.

Слепцов был один. Он не был одет. В одном белье и в маленьком пиджаке он ходил взад и вперед по комнате с видом совершенного отчаяния и держал в руках свою голову.

— Что мне делать, что мне делать? Это каждый день. Ради бога, посидите у меня хоть немного. Пристают невыносимо. Одна с мужем не хочет жить, другая требует работы, третья просит указать ей, что делать. Сил моих нет»¹⁶.

В последние годы Василий Слепцов тяжело болел (предполагают, что у него был рак). Он лечился на Кавказе, пил кумыс недалеко от Сердобска в Беково, но болезнь оказалась сильнее. Умер Слепцов на руках матери и был погребен в Сердобске. В этой же могиле в 1891 году похоронена и его мать¹⁷.

Предметом внимания В.А. Слепцова всю жизнь был человек. Была ли это общественная деятельность (знаменская коммуна и женский вопрос) или работа писателя — не важно. Слепцова интересовал человек. В

*Могила В.А. Слепцова.
Фото Н.С. Ермакова (2023 г.)*

вень, вполне возможно, Сердобского уезда. К слову, ничто из сочинений Слепцова не экранизировано...

1865 году в свою записную книжку он внес такую мысль: «Человек всегда был и вечно останется неистощимым предметом исследований во всех возможных отношениях. С тех незапамятных времен, когда малопомалу стали выступать перед ним его же собственные свойства, с тех пор как пробудилось в нем сознание своего бытия, постоянно и неизменно преследует он одну и ту же идею — узнать самого себя»¹⁸.

Многие тексты Слепцова — как сценарий для фильма. Рассказ «Вечер» (1862), публикуемый ниже, — один из них. Взгляд Василия Алексеевича, как камера оператора, выхватывает, а перо показывает на бумаге сцены одного вечера в одной из деревень,

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слепцов В.А. Некролог // Отечественные записки. 1878. № 4. С. 348.
2. Чуковский К.И. Жизнь и творчество Василия Слепцова // Чуковский К.И. Собр. соч. в шести томах. М.: Художественная литература, 1967. Т. 5. С. 207—253.
3. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1908. Вып. 2. С.154—155.
4. Brumfield W. C. Sleptsov Redivivus // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. № 2. P. 358.
5. Норцов А.Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями. Тамбов, 1904. С. 269—270.
6. Храбровицкий А.В. Русские писатели в Пензенской области. Пенза, 1946. С. 64.
7. Слепцова Ж. Василий Алексеевич Слепцов // Русская старина. 1890. Январь. С. 234.
8. Евстигнеева Л.А. Роман Л.Ф. Нелидовой «На малой земле» как источник для биографии Слепцова // Литературное наследство. М.: Академия наук СССР, 1963, Т. 71. С. 504.
9. Марков В.С. Василий Алексеевич Слепцов // Исторический вестник. 1903. № 3. С. 967.
10. В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869 гг. М — Л., 1930. С. 184.

11. Костомаров Н.И. Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 574.
12. «Знаменская коммуна» // Литературное наследство. Т. 71. С. 439.
13. Слепцов под арестом по делу Каракозова // Там же. С. 468—470.
14. Из воспоминаний В.И. Танеева // Там же. С. 521—522.
15. Там же. С. 523.
16. Там же. С. 524.
17. Марков В.С. Василий Алексеевич Слепцов. С. 974.
18. Записная книжка 1860—1864 годы // Литературное наследство. Т. 71. С. 384.

Василий СЛЕПЦОВ

ВЕЧЕР

По обеим сторонам большого черноземного оврага стоят вытянутые в два порядка сероватые крестьянские избы с почерневшими крышами. По оврагу вьется речка с грязными берегами, кое-где поросшими ветляником. Поперек речки идет навозная плотина с ветлами, на которых с криком усаживаются на ночлег стаи грачей. Перед крестьянскими избами, обращенными лицом к оврагу, тянется вязкая улица. На завалинках кое-где сидят бабы. Старуха смотрит в окно. По косогору к речке спускаются огороды. На них видны торчащие в разных местах пугала в старых бабьих зипунах. На одном пугале сидит ворона. У самой воды кузница. Кругом села со всех сторон поле; только в одном месте из-за пригорка виднеются два крыла ветряной мельницы. По другую сторону оврага, над крутым обрывом, стоит ветхая деревянная церковь с покосившеюся колокольней. За церковью виден одним боком обращенный к речке помещичий дом, широкий и низкий, с посеревшими стенами и зелеными ставнями. Из отворенных окон слышны звуки фортепьяно. По двору ходят две борзые собаки. Лакей несет в кухню тарелки. На крыльце стоит горничная и встряхивает скатерть. Из конюшни выводят лошадей на водопой.

В барском доме, в кабинете, ходит из угла в угол помещик лет сорока пяти, с голою жирною шеею, в парусинном пальто и батистовой рубашке сурового цвета. У дверей стоит, заложив руки за спину, приказчик — отставной унтер-офицер, с большими черными бакенбардами, в долгополом сюртуке и суконном галстуке.

Помещик, не глядя на него, говорит скороговоркой:

— Да, так ты им и скажи; от моего имени скажи! Слышишь? Что барин, мол, лес бережет.

— Слушаю-с.

— Да-да-да. Так и подтверди, что барин, мол, этого не желает.

— Слушаю-с. Да только они говорят, что, говорят, нам без оглобель тоже никак невозможно.

— Ну, так что ж мне делать? Подумай сам, ну!

— Это точно так-с.

Приказчик, помолчав немного, сделал три шага вперед, один назад, откашлялся и сказал:

— Осмелюсь доложить, васскобродие, насчет работы как изволите приказать?

— Что же?

— Да поздно выходят-с. Я было по вашему приказанию от дуги колокольчик отвязал и велел старосте, чтобы то есть неуклонно звонить-с.

— Да.

— Ну, смеются-с. Старосту звонарем прозвали, а на работу все-таки поздно выходят.

— Гм. Так как же быть?

— Не могу знать-с.

— Надо что-нибудь придумать.

Помещик зачастил по комнате, а приказчик, подумав, сказал:

— Я полагаю, васскобродие, для хозяйства барабан завести не мешает, и недорого стоит. Вот онамедни, татарин медведя приводил, так я приценялся. Я, говорит, для вас уступлю.

— Это что? медведя?

— Нет-с, барабан. Я то есть насчет барабана...

— Да. Нет, уж это... Да ты, любезный, я ведь тебе говорил: скажи им от меня, что барин, мол, просит.

— Я это им внушал.

— Ну что же?

— Ничего-с. Они говорят: это точно-с, и мы, говорят, это понимаем, ну, однако, все напротив.

— Нет, я вижу, ты не умеешь. Ты видел, как я с ними говорю? Братцы! говорю, мы все, говорю, из одной земли сделаны. Вы, говорю, поймите! Ведь мы братья по Христу, кровные братья. Сейчас им то, другое; ну, они и почувствуют. Я никого не хочу принуждать. Я тебе еще раз повторяю: все это надо кротко, мирно; надо больше увещаниями действовать, а не то что: раз, два.

— Я и так увещаниями. Уж, кажется, довольно хорошо им говорю: вы, говорю, свиньи, должны чувствовать. Помещик, говорю, из-за вас ни дня, ни ночи покою себе не имеет; пищи совсем решил. Все это им говорю. А впрочем, как угодно, васскобродие; ну только я так считаю, что без острастки ничего нельзя сделать.

— Ни, ни, ни! Ни под каким видом! Что ты?

— Позвольте, васскобродие! Это я понимаю. Извольте говорить — мирно. Хорошо-с. Третьего дня, то бишь на той неделе, сказываю я старосте: что ж ты, братец мой, не смотришь? Почему у тебя мужики не в

порядке? А он: да что ж мне делать, говорит. Помилуйте, Иван Денисыч! Ведь они, говорит, черти. Нешто с ними, с каторжными, сообразишь? Опять насчет баб позвольте доложить.

— Что еще?

— Да сладу никакого нет. Как изволили приказывать, чтобы в эвтим случае, значит, не принуждать, я и не принуждаю; ну только что-то уж часто. Я это и не слыхивал. Как сам я человек женатый и все эти дела довольно коротко знаю, но для меня это даже удивительно. Дней пять, шесть прошло — опять! Что за оказия! Еще одну бабу нарядил я летошный овес пересыпать. Баба она холостая, что ж ей? Я и нарядил. И какую же она историю сплела? Он, говорит, то есть я-то-с, он меня, говорит, в ригу звал. А я, то есть хоть бы в помыслах у меня было. Да и баба-то самая непутящая. Свои даже судьей прозвали ее. Вот ведь они какие! А вы изволите приказывать, чтобы то есть вежливо обращаться. Опять вот тоже перекличка. Отдал я по селу приказ, чтобы, значит, как в колокол ударят, чтобы все были на месте, против флигеря, на площадке. На что лучше? Вот вчера собрались: вдруг один мужик выходит и сейчас мне лепортует: «Я, говорит, Иван Денисыч, здесь». — «Да разве тебя спрашивали?» Ну, я записал. «Ты, говорит, меня и на завтрашний день тоже пометь, почему что, говорит, я завтра не приду». — «Так зачем же помечать, коли не придешь?» — «А я мальчишку пришлю». — «Ну, тогда мальчишку и пометим». Вот, извольте рассудить! Что же они понимают?

— Да, это нехорошо.

Помещик опять стал ходить по комнате и, задумавшись, начал петь полголоса: «Да, плохисто, плохисто, шюходыровато...» Приказчик следил за ним глазами.

Через несколько минут приказчик спросил:

— Так как же-с, васскобродие, насчет тревоги — прикажете отменить?

— Какой тревоги?

— А что в колокол то есть ударять?

— Да, да. Уж лучше отменить.

— А то не прикажете ли, вон я в кладовой намедни трубу такую отыскал, охотницкую...

— Ну?

— Я велю мальчишке кирпичом ее почистить...

— Зачем?

— Да, то есть как ежели позволите, опять-таки в случае сигнал подавать.

— Ах, нет, нет. Уж это тоже лучше оставить.

— Как угодно-с.

— Так больше ничего? Все, кажется?

— Все, васскобродие!

— Ну, ступай!

— Счастливо оставаться, васскобродие!
Унтер-офицер повернулся на каблуках и ушел.

В то же время в людской происходит следующее: за столом, на котором горит ночник, сидит ткач и пишет письмо. У стола стоит крестьянская баба, старуха, повязанная белым платком, и плачет, ежеминутно сморкаясь в конец того же платка. В растворенное окно виден двор; не-подалеку, на погребнице, слышны голоса: «Акулина?» — «Чего?» — «Где давишная сметана, что от обеда осталась?» — «Не знаю». — «Кто же знает?» — «А я почему знаю» — и прочее.

— Ну, еще-то что же писать? — спрашивает у старухи ткач.

— Да ты как написал-то, касатик? Почитай-ка-ся, я послушаю.

— Вот написал, что, мол, любезному нашему сыну, Егор Тимофеичу, низко кланяемся и желаем тебе доброго здоровья.

— Ну! ну!

Баба внимательно смотрит в письмо.

— Ну, что, мол, живы-здоровы. Чего ж еще?

— Ну, так, так. А от старика-то поклон писал?

— От какого старика?

— Да от дяди-то?..

— А почему я знаю? Что ж ты не говоришь? Как его звать-то?

— Дядю-ту?

— Да, да. А то кого же? Неужели ж мерина?

— То-то не знаю. Мудрено звать-то его.

— Как же нам теперь с этим делом быть?

— Да мы, признаться, промеж себя Стручком его кличем. Стручок да Стручок, другого имени ему нет.

— Ну так как же? Так и писать, что, мол, кланяется тебе дядя Стручок?

— Да ладно ли так-то?

— На что лучше.

— То-то, ну.

— А, да что с тобой толковать.

И ткач опять принимается строчить. Старуха следит за его пером и молча утирает беспрестанно набегающие слезы.

— Дальше что?

— Да ты про что?

— Писать-то, писать что еще?

— Да ты, я чай, сам лучше знаешь. Где мне тебя учить?

— Почему же я знаю, что писать? Дура! Нешто я сидел у тебя в нутре?

Старуха задумывается.

— Что ж ты?

— Да вот... как бишь его?.. Эх, памяти-то у меня нет! Хотела я тут словечко такое прописать...

— Ну!

— То-то запомнявала.
— Да ну, вспоминай скорей!
— Дай срок. Ты меня не торопи. Я так-то хуже не вспомню. Ну-ка-ся, прочитай-ка-ся — я, может, вспомню,
— Да ну тебя совсем! Сколько тебе раз читать?..
— Постой, постой! вспомнила! Вот оно, слово-то. Пиши, я тебе буду сказывать.
— Ну, валяй!
— Пиши: которые, типерича любезному нашему сыну, Егор Тимофеичу, посылали мы тебе, любезному нашему... То бишь, нет; не так... Которые посылали мы два рубля денег...
— Да уж это писано: которые посылали два рубля денег... Вот они! гляди сюда!
— Да, да, писано. Ну так вот как пиши: любезному вашему... Нет, опять не так. Как живем мы, слава богу, а что будет впереди, не знаем.
— А, дура, черт беспонятная! Говорят, писано уже это.
— Ну, уж теперь не знаю, как и сказывать. Окроме этих, у меня и слов больше нет.

Между тем начинает уже смеркаться. Носятся по селу разные вечерние звуки: ворота где-то скрипят; заблудившаяся овца с блеянием как полоумная бежит по улице.

«Бяшка! бяшка!» — слышен затерявшийся в коноплях голос крестьянской девчонки. Грачи с криком садятся на ветлы. Приказчик стоит на крыльце барского дома и кричит кучеру, стоящему с лошадей у колодца:

— Матвей! сколько вам раз говорено было — трубку не курить? Слышишь?

— Слышали, — нехотя отвечает кучер, засовывая трубку в карман.

— Но! дьявол, волки ты ешь! Облопаешься, жид ненасытная! — вдруг начинает он кричать на лошадь и, не дав ей напиться, уводит в конюшню.

Позади барского двора, на площадке, горничные собрались играть в горелки. Между ними виден барчонок, шестнадцатилетний мальчик в палевом пиджаке, с едва пробивающимся пушком на усах.

— Девушки! бегите, я вас буду ловить, — говорит барчонок.

— Ну! Раз, два, три...

Две горничные бегут по площадке, придерживая платья, причем сильно работают локтями; наконец барчонок загоняет их на гумно, и там уже слышны визг и крики: «Ба-рин! Маменьке скажу...»

— Ишь ты, мерин, черт разыгрался! Право, мерин! — стоя на крыльце, говорит с досадой лакей.

Через несколько минут горничные возвращаются запыхавшиеся, с растрепанными волосами, в которых видна солома. Барчонок, веселый и тоже вывалявшийся в соломе, идет за ними.

На пороге скотной избы сидят дворовые: садовник, повар и старый, отравивший бороду лакей.

— Ваше дело десятое, — рассуждает лакей. — Ну, теперече мне как быть? Должен я об своей жизни подумать или нет? То-то вот и есть.

— Это что говорить, — подтверждает повар. — Холостой — как можно! Холостому все ничего. Ну, а женатый человек — совсем разница.

— Да, вот ты и думай! — продолжает лакей. — Ведь они как понимают про нашего брата? Место, говорит, тебе дадено на скотном дворе, ну и живи. Чего ж тебе еще? Конечно, другой на моем месте и за это будет вечно бога молить, ну только не я. Теперь хоть бы, к примеру, взять этого самого ундера. Я ему: Иван Денисыч, говорю, вы как, говорю, насчет нас рассуждаете? А он мне, братец ты мой, на это сейчас: как ты, говорит, можешь со мной так похабно говорить? Ты, говорит, должен против меня мельчать. Так вот оно что! Да у меня, может, и сейчас десять местов открываются. Я один на тридцать перцон могу сослужить или теперь в швейцары. Да как я пойду? кто меня возьмет с женой да с детьми? Так-то. Главная вещь, не обидно бы, кабы ежели я там насчет вина или прочих делов был замечен. Понятное дело. Ну, я, кажется, этих поступков делать не согласен никогда.

— Это натурально, — подтверждает повар. — Который ежели человек хорошей жизни и насчет этих глупостей не занимается, да как ежели жена типерича живет своим рассудком, своим благородием, как должно, — ну, и сейчас он может сделать оборот.

— Да я не то что, — не слушая, продолжает лакей, — я сейчас могу себе место иметь; да еще спокой-то какой! Мне вон генерал Толкачев сейчас говорит: приходите, говорит, ко мне, я могу вас успокоить. Я, говорит, тебя, Архип, при старости при твоей не оставлю, потому, говорит, ты мне довольно известен, как еще при покойнице я полку вместе служили. Я об вас, говорит, завсегда помню и всегда жалею. Как теперь об родном об своем, так все одно и об вас жалею. Ну, слышно, на теплые воды уехал за границу лечиться.

— А вот я слыхал, — перебивает лакея садовник, — правда ли, нет ли, мне тоже солдатик один сказывал про эти про теплые воды. Коли ежели, говорит, здоровый человек станет эту воду пить, то ничего, только что вот быдто кисло; ну, однако, вреда тебе никакого не будет. А который ежели хворый, то сейчас, говорит, зачнет тебя мутить. Замутит, замутит и вон. И то из тебя пойдет, что ах. Одного солдата вот так-то — сердцем, значит, нездоров был — тоже этой теплой водой отпаивали; так его, говорит, трое суток тянуло, и все землей, все одной землей, как есть вот черная-расчерная — даже перегорела; одно слово, сажа, нечисть — это, значит, вся. На четвертые сутки пошли из него, друг ты мой, черви длинные, говорит, косматые. И столько, говорит, этих самых червей — может, вот этакую кучу навалял; примерно, говорит, с полмеры вышло одних червей. Ну, а потом, как, значит, очистило, и ударило его в сон.

— Да, да, да. Ну, а потом-то что же?

— Потом ничего, выздоровел; только, значит, этот самый солдат теперь начал пить. Такой-то отчаянный пьяница стал, беда.

— Н-да! Вот она, история, — глубокомысленно заключает лакей. — Ну, и как же теперь слышно: с чего это он начал пьянствовать? С воды, что ли, с этой?

— Кто?

— Да солдат. Вы про кого? про солдата говорите?

— О! Нет. Тот совсем другой. Что водой отпаивали, тот помер в больнице. А я про этого вам говорю, что рассказывал-то мне. Ну, он самый первеющий пьяница-то и есть.

— Да. Так вот они, дела-то! А я так полагал, что с воды, мол, это он.

— Нет. Где с воды? Этот теперь как запьет, то ему руки назад, и сейчас мое почтение — в анбар. Что ты станешь делать? Главная причина — дерется. И я теперь считаю, что он мне все это врал, про теплую воду, потому мошенник темный, и верить ему то есть ни в чем, как есть ни в чем невозможно. Что сейчас скажет, глядишь, обманул. Вот жид каторжный какой! Вы слушайте-ка! Он меня летошний год как сапогами наказал, так я вам скажу, в лучшем виде.

— Барыня идет! барыня! — говорит, высунувшись из окна, птичница. Дворовые встали.

Идет барыня в белом широком платье, черная косыночка на голове. Барыня из себя видная, роста высокого; идет, точно гусыня выступает; только глазами из стороны в сторону поводит. Рядом с нею дочь — длинная сухопарая девица с зеленым лицом и костлявыми локтями. Впереди бежит собачка, ловко поджимая свои тоненькие ножки, и пугливо обнюхивает двух тощих, шляющихся без всякой цели по двору борзых собак.

— Paul! Как тебе не стыдно? все с девками, — уходя, говорит барыня. — Viens ici!¹

— Я сейчас, — отвечает Paul. — Вы ступайте, я вас догоню. Девушки, давайте капусту сажать!

— Что ж вы с мамашей-то? Слышите, что она говорит?

— Ну ее совсем! Очень мне нужно вашу мамашу.

— Ишь ты, набаловался как! Маленький! Эх! Палки на тебя нет! — с сердцем бормочет на крыльце лакей.

— Барыня идет! Барыня идет! — слышно по селу.

— Чу! чу! — сидя у окна, унимает старуха расплакавшегося ребенка. — Вон она, барыня-то!..

Ребенок сейчас же перестает плакать.

— Вставай! вставай скорей! — будит жена мужа.

— Что ты?

¹ Иди сюда! (франц.)

— Барыня идет...
— Где? где? — Мужик вскакивает как полоумный и натягивает на плеча зипун.

— А вон она по улице идет.

— О дьявол-лешая! Испугала до смерти. Полоротый черт!

Стоят две соседки у ворот и бранятся.

— Хочешь, сейчас барыне скажу? — говорит одна.

— А мне что? Пожалуй сказывай! Я сама скажу. Она, мол, сударыня, так и так; она, скажу...

— Здравствуйте, бабы! — говорит барыня, подходя к соседкам.

— Здравствуйте, сударыня! пожалуйста ручку!

— Что это вы, кажется, ссоритесь?

Бабы переминаются.

— Это мы так, сударыня, промеж себя, — отвечает одна.

— Это мы шуткой, — добавляет другая.

Барыня идет дальше.

Из кузницы смотрит заезжий мужик и говорит про себя:

— Ишь ты! Кобелек-то у ей какой! Ну, кобелек! Ишь ты! ишь ты! А, чтоб те пусто!... Как он лапками-то подгребает? Уши-то! уши-то! Ха-ха, ха! О, пропади ты совсем! Ученый.

— Нешто это кобель? это заяц, — серьезно говорит кузнец, отбивая косу.

— Может ли быть?

— Уж я тебе верно сказываю.

— Неужто вправду заяц?

— Без сумления.

— Что за диковина! Да почему ж его собаки не рвут?

— А, чудак! Нешто можно? Чать он барский.

— Да, да. Ну, это точно.

На завалинке своего дома сидит старый священник в ветхом подряснике, с заплетенной в ленточку косой. На плече у него котенок. В окно смотрит попадья.

На селе народ ужинать собирается. По самому краю речки в разных местах зажжены огни: бабы грибную похлебку варят, а ребятишки смотрят и подкладывают прутики в огонь. Запоздавшие мужики въезжают в улицу, громко стуча телегами, и перекликаются так, как будто их друг от дружки за сто верст отнесло.

— Э-ей-ей! Фадюшка, а-ой! — раскатывается по селу.

— Ого-го-го! — откликается Фадюшка.

Грачи, потревоженные мужиками, тоже поднимают крик.

Заскрипели ворота, отставший жеребенок несется через плотину и заливадается своим тоненьким голоском.

— Мамка! наливай, что ли, скорей! Мужики приехали, — сбега в овраг, кричит босоногий мальчишка.

— Где они, мужики? Что ты брешешь? Нешто это наши?

— А вон он, тятка-то!

— Ну, успеешь еще натрескаться; дай срок! Авось не издохнешь.

— Тятка, иди скорей грибы хлебать! — другой мальчик уговаривает мужика, отпрягающего лошадь.

— Сейчас, сейчас. Стой! оглашенная! — кричит он на лошадь. — Что? небось набегались, есть захотели?

— Набегались, — отвечает мальчик, растягивая себе пальцами рот.

— В лес ходили?

— В лес. И мамка с нами ходила.

— Ну что же? грибов много набрали?

— Нет, немного. Там в лесу тетка Арина мамке сказывает: ты, говори, с таким хвостом хошь бы в люди-то выйти постыдилась.

— Да. Ну, а еще-то что? Да стой! Драть ты на шест! Что ты не постоишь? Ну!

— Ну, мамка ей и говорит: у меня, говорит, хвост-от, может, почище твоего глазу, а не то что.

— А еще?

— А еще ничего. Иди скорей ужинать!

Смерклось. Позади села, на берегу того же оврага, горит огромный ворох полыни. У огня лежат на траве, прикрывшись веретьем, два молодых мужика — караульщики. Кругом темно. Из мрака виднеется только освещенный бок на косогоре пасущейся лошади. Караульщики смотрят в огонь и время от времени подгребают палкой горящую золу.

— Ишь ты, как разгорелось, ровно печка, — говорит один.

— А ты не вороши — скоро прогорит, — говорит другой, покрываясь зипуном.

— Семен!

— Чего?

— Гляди, как шибко горит!

— Да нешто я слепой?

— Вот ведь и мы так-то будем гореть.

— Еще это там видно будет.

— Знамо, что видно. Вот я так-то лежу, лежу, да и вздумаю: давай мне сейчас сто рублей, полезай в огонь! Ни в свете не полезу. А то, слышь, мне дьячков сын сказывал, что, говорит, в писании это там все описано.

— Ну, тоже дьячкову сыну много верить нельзя.

— Почему ж так?

— А потому — врать здоров. Он меня ноне летом как обманул! Сейчас, братец ты мой, встрелся мне: «Здравствуй, говорит». — «Здравствуй».

— «Тебе, говорит, велел кланяться». — «Кто такой?» — «Из кабака пьяница...» — Ах, волки ты ешь! Ну хорошо. Только он этим не пронялся. Намедни опять зачал мне хвастать: «Могу, говорит, я у тебя в шапке яичницу сварить». Ведь как божился-то! В книжке, говорит, вычитал. Чудесно! Нет, ты слушай, что будет. Я сдуру-то и поверил, дал ему шапку. И что же он, в рот ему сто рожнов, сделал? Всю шапку у меня как есть испакостил, даже скверно. Уж я его ругал, ругал... Шапку хошь брось. Теперь ни в жись ни в чем не поверю. А нонче опять набивается. Прибежал ко мне: «Хочешь, говорит, я то сделаю, что ты на карачках станешь ползать?» Так он меня этим обидел! Ах, шелудивый черт! Сейчас сходил я на двор, взял хворостину и принес в избу. Убег. Теперь где увижу, непременно масла наковыряю. Незомь его жалуется... А, чтоб ты розорвало.

— Что ты?

— Да вот лягушка. Совсем было за пазуху впрыгнула, гадина!

— Кидай в огонь; пушай ее жарится. Это она к огню погреться пришла.

Лягушка взвилась и шлепнулась в раскаленную золу. Там она еще раза два дрыгнула ногами, вздулась, лопнула и затрещала.

— Жирная, дьявол, какая! Ишь ты, сало-то как топится! — говорит один из караульщиков, тыкая в лягушку палкой.

— Эй, робята! Вы бы шубой оделись — неравно озябнете, — раздается в темноте чей-то голос, и вслед за ним выступает из мрака пегая лошадь, на которой виден мальчик. За ним еще несколько мальчиков верхом.

— А, беспортошники! Вот она, беспортошная команда! Аль в ношное срядились?

— В ношное. Прощайте, братцы! Мотрите крепче караульте, не унес бы кто огонь-то у вас... — И мальчишки пускаются с хохотом по оврагу вскачь.

— Вот он вас, леший-то, в лесу там съест! — кричат им вслед караульщики.

— Небо-ось! — весело откликаются мальчики, погоняя лошадей, и опять исчезают во мраке.

Ночь. Народ давно уже заснул, только где-то мычит запертый на ночь теленок. В барском доме еще виден огонь. В открытое окно несутся звуки фортепьяно, и слышно, как барышня голосом, полным неведомой муки, поет:

Меня душит тоска, и на сердце свинец...

Кто-то крадется по двору. Женская тень пробирается около забора, позади флигелей, к бане. У бани видна другая тень, мужская.

— Прасковья, это вы?

— Я.

— Что ж вы? Сказали — сейчас, а наконец того, дожидался, дожидался, может, несколько времени...

Сторож начинает колотить в доску.

ОБ АВТОРАХ

АГАПОВ Виктор Данилович (1939 — 2009 гг.). Член Союза писателей России. С 1972 года в Саратове, Саранске, Куйбышеве и Пензе были изданы свыше 100 сборников его стихов («Вечные огни», «Солнечные кудри», «Музыка света», «Солдатская мать», «Энергия добра», «Годы любви», «Линия жизни», «Витрина времени», «На родине Радищева», «Спасибо, музыка!» и мн. др.). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

АГАФОНОВ Захар. Студент факультета педагогики, психологии и социальных наук ПГУ. В «Суре» публикуется впервые.

БАЛТИН Александр Львович. Родился в 1967 году в Москве. Поэт, эссеист, литературный критик. Автор 84 книг и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США и др. Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017), литературного журнала «Дети Ра» (2017), Ахматовской премии (Болгария, София, 2019), газеты «День литературы» (2019). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат литературной премии им. В.Б. Смирнова «Отчий край» (2020). Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

БЕЛОУСОВ Вадим Вячеславович. Родился в 1965 году. Окончил Пензенский политехнический институт (химическое машиностроение) и Мордовский государственный университет (юриспруденция). В 90-х годах организовал сеть предприятий в области переработки вторсырья, аудита, охранной деятельности, торговли. В тот же период времени исполнял обязанности Председателя Совета Пензенского РО «Ассоциации ветеранов и сотрудников служб безопасности президента». В настоящее время руководит адвокатским кабинетом. Является соучредителем ряда предприятий. В «Суре» публикуется впервые.

БУТОВ Валерий Григорьевич. Поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Родился в 1940 году в с. Песчаное Павлодарской области. Окончил Пермское военное авиационно-техническое училище. Воин-интернационалист. Автор двадцати пяти книг стихов и прозы, во-

семь из них — для детей. Награждён Грамотой ПВС СССР «За мужество и воинскую доблесть при исполнении интернационального долга» и более чем тридцатью государственными и ведомственными орденами и медалями. Член Союза журналистов и Союза писателей России, член Академии российской литературы. Активно участвует в ветеранском движении Пензенской области и России.

ГУЛЯЕВСКИЙ Сергей Николаевич (1958 — 2012 гг.). Родился в селе Солонцы Воробьевского района Воронежской области. Окончил Пензенский инженерно-строительный институт, Литературный институт им. А.М. Горького. В течение двенадцати лет (1992 — 2003 гг.) работал редактором отдела прозы журнала «Сура». Автор книги стихов и переводов «Пора тополиного пуха», циклов сказок. Член Союза писателей России.

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич (1949 — 2020 гг.). Родился в Пензе. Окончил Саратовский медицинский институт. Работал анестезиологом-реаниматологом в Пензенской областной детской больнице им. Н.Ф. Филатова, Пензенском областном родильном доме. С 1992 по 2002 г. — редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор поэтического сборника «Небесный пояс Зодиака», книг «Избранное» (2017) и «Хопёрские хроники» (2019). Лауреат Губернаторской премии, литературной премии «Гранатовый браслет», премии им. М.Ю. Лермонтова (2018). Член Союза писателей России.

ДАРИН Дмитрий Александрович. Родился в 1964 году в Ленинграде. Поэт, писатель, публицист. Автор 11 поэтических сборников и трёх книг прозы. Лауреат Большой премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2005), Международного фестиваля патриотической песни «Красная гвоздика» (2015, 2016, 2023), литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2019), других многочисленных конкурсов и премий. Сопредседатель комитета, председатель отборочного жюри Международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами». Член Союза писателей России, ДНР и ЛНР, Союза журналистов России, песенной комиссии Союза московских композиторов, редколлегии литературных журналов ««Невский альманах» (СПб), «Новая Немига литературная» (Беларусь), ряда других. Доктор экономических наук. Активный участник фронтовых агитбригад СВО. Живёт в Москве.

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич. Родился в 1976 году в с. Нижняя Елюзань Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации, заслуженный работник культуры Пензенской области. Член Союза писателей России с 2004 года,

председатель правления Пензенского регионального отделения Союза писателей России.

ЗЛОБИНА Дина Дмитриевна (1936 г. — 2004 г.). Родилась в селе Чернозерье Пензенской области. Советская и российская поэтесса. Окончила техническое училище (специальность «токарь по металлу»), Литературный институт имени Горького. После его окончания работала корреспондентом радиостанции «Юность». Автор тринадцати сборников стихов, из них один — для детей. Член Союза писателей СССР (1962), заслуженный работник культуры РФ (1996).

ИНЮШКИН Николай Михайлович (1936 — 2023 гг.). Родился в Пензе. Культуролог, эстетик, краевед, журналист. Автор книги «Провинциальная культура: природа, типология, феномены». Автор книг, кино-сценариев, пьес об истории и культуре Пензенского края. Один из разработчиков (в сотрудничестве с К.Д. Вишневым) комплексной программы «От культуры края — к культуре мира», осуществляемой в Пензенской губернии. Доктор философских наук, профессор. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

КАДНИКОВА Татьяна Владимировна. Родилась в 1970 году. Окончила Московский литературный институт им. А.М. Горького. Работает главным библиографом в библиотеке города Заречного. Руководит литературным объединением прозаиков «Былина». Автор восьми книг. Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет», Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, международного конкурса «Перекресток-2009». Член Союза писателей России. Работала редактором отдела прозы журнала «Сура» с 2010-го по 2016 год. Живёт в городе Заречном Пензенской области.

ЛУНЁВА Лилия. Родилась в 1999 году в городе Сердобске Пензенской области. Окончила педагогический институт им. В.Г. Белинского ПГУ. Работает учителем русского языка и литературы. Живёт в Пензе.

МУРАШОВ Дмитрий Юрьевич. Родился в 1971 году в селе Беково Бековского района Пензенской области. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Кандидат исторических наук. Ученый секретарь Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Автор 12 книг, статей по историческому и литературному краеведению, истории России XIX — XX вв. Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2014, 2019) в составе творческой группы Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова.

МЯГКОВА (РЫЖОВА) Евгения Владимировна. Родилась в 1939 году на ст. Байка Ртищевского района Саратовской области. Окончила Саратовский университет им. Чернышевского (филологический ф-т),

Пензенский педагогический институт им. В.Г. Белинского (ф-т иностранных языков). Работала учителем немецкого языка в г. Сердобске. Отличник народного просвещения. Автор поэтических и прозаических сборников: «Ведьмина любовь» (1992), «Древо жизни» (1997), «Рябины гроздь» (1999), «Над рекой Сердобой» (2002), «Приметы осени» (2004), «Соло во славу Творца» (2005), «Зарастает иван-чаем» (2008), «Серебряное соло» (2014), «Вот такая история» (2016), «Сказки с былью пополам» (2019), «Избранное» (2020), «Гимн жизни» (2021), «Памяти бессмертные цветы» (2022), «Моё блаженство — говорить стихами» (2023), «О Боге факелы поют» (2023). Член Союза писателей России. Живёт в городе Сердобске Пензенской области.

ОВЧИННИКОВ Сергей Михайлович. Родился в 1963 году. Врач и писатель. Главный редактор, издатель литературного альманаха «Тула». Автор восьми книг прозы. Лауреат литературной премии им. Л.Н. Толстого (Тула, 2011, 2021), премии «Золотое перо Тулы» (2011). Обладатель «Золотого диплома» конкурса «Золотой Витязь» за книгу «Пересечение судеб» (2022). С 1996 г. ежегодный участник Яснополянских писательских чтений. Живёт возле Ясной Поляны. В «Суре» публикуется впервые.

РОГОЖКИНА Екатерина Дмитриевна. Окончила факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Заместитель главного редактора газеты «Пензенская правда». Заслуженный работник СМИ Пензенской области. Обладатель премии губернатора, многократный победитель и призер регионального конкурса СМИ «А мы из Пензы», призер конкурса фонда «Защитники Отечества» «Памяти героев верны!» и других областных и всероссийских конкурсов. Автор сборника лучших статей «А без этого мне не прожить» (2018). В «Суре» публикуется впервые.

САЗОНОВ Александр Александрович (1932 — 1992 гг.). Родился в г. Нижний Ломов Пензенской области. Известный пензенский журналист, поэт, прозаик. Окончил ПГПИ им. В.Г. Белинского. Работал учителем русского языка в Кузнецке. С 1956 года на журналистской работе. Возглавлял Пензенское отделение Союза писателей РСФСР (1984 — 1990 гг.). Заместитель главного редактора журнала «Сура» (1991 — 1992 гг.). Автор сборников стихов и прозы: «Ровесники» (1963), «Водоворот» (1966), «Песни весеннего ручья» (1969), «Отцовский дом» (1973), «Перекресток» (1976), «Осенний сев» (1980), «На всех одно солнце» (1982) и др. Заслуженный работник культуры РСФСР. На доме по ул. Суворова в Пензе, где жил А.А. Сазонов, в его честь была открыта мемориальная доска (2012).

СИНЕНКОВА Мария. Родилась в 2003 году в Пензе. Студентка факультета русского языка и литературы ПГУ.

СТЕПАНОВ Евгений Викторович. Родился в 1964 году в Москве. Поэт, прозаик, бард, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты», премий журналов «Нева» и «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг», член Совета по поэзии Союза писателей России. Живёт в поселке Быково Московской области.

СУРОВ Артём Юрьевич. Родился в 2001 году. Окончил факультет промышленных технологий ПензГТУ. Инженер-конструктор отдела продукции сельскохозяйственного назначения АО «Радиозавод».

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1959 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт и аспирантуру. Кандидат филологических наук. Автор семи сборников стихов. Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура» с 2020 года. Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, Международной премии им. С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийской премии им. Бориса Корнилова «На встречу дня». Живёт в Пензе.

ТЕРЕНТЬЕВ Виктор Васильевич. Родился в 1955 году в селе Колемас Малосердобинского района. Окончил физический факультет Саратовского университета. Неоднократно публиковался в периодической печати Саратова. В 2003 году в Приволжском книжном издательстве вышла первая книга — «Вопросы», в 2006 году — «Малая Родина». Автор книг «По дороге домой» (2014), «Соавторы или оппоненты?» (2015), «Ожидание рассвета» (2020). Почетный предприниматель Пензенской области. Награжден Почетным знаком губернатора «Во славу земли пензенской». Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет». Член общественного совета журнала «Сура». Член Союза писателей России.

ТЕРЁХИНА (ДОРОШИНА) Лидия Ивановна. Родилась в 1950 году в деревне Тучковке Пензенской области. Окончила художественно-графическое отделение Пензенского педагогического училища, факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического института. Работала редактором отдела поэзии журнала «Сура» (2003 — 2020 гг.). Автор 35 книг стихов и прозы. Литературный редактор журнала «Четверговая соль». Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова. Живёт в Пензе.

ХУДЯКОВА Валерия. Родилась в 2004 году в селе Чемодановка Пензенской области. Студентка историко-филологического факультета педагогического института им. Белинского ПГУ. Стихи публиковались в Интернете.

ЧЕБАЛИНА Елена (Лычагина Елена Геннадьевна). Родилась в 1984 году в г. Баку (Азербайджан). Окончила ПГУ по специальности «Математик-программист», магистратуру по направлению «Экономика» Всемирного технологического института ВТУ. Автор книг стихов «Шахматы» (2004) и «Веретено» (2015). Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии Губернатора Пензенской области, Всероссийского открытого поэтического фестиваля «Мцыри», конкурса им. А.И. Куприна «Гранатовый браслет», фестиваля им. Д.Д. Злобиной, конкурса авторской песни «Аккорд» и фестивалей авторской песни «Возрождение», «Большая медведица», «Часовые любви». Член Союза писателей России. Живёт в Пензе.

ШАЙБАКОВА Виктория. Родилась в 2001 году в Пензе. Выпускница факультета иностранных языков ПГУ. Работает учителем. Занимается литературными переводами.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович. Родился в 1952 году в Москве. Окончил Московский инженерно-строительный институт. Автор 15 книг стихотворений. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Креативный главный редактор журнала «Второй Петербург». Лауреат премии Правительства Российской Федерации (2013) в области культуры, литературных премий журналов «Наш современник» (1999, 2005), «Молодая гвардия» (2004), «Юность» (2005, 2007), «Российский колокол» (2008), «Нева» (2010), «Север» (2020) и других. Удостоен ордена преподобного Сергия Радонежского и Патриаршего знака «За вклад в развитие русской литературы». Кавалер ордена «Русская звезда» им. Ф.И. Тютчева литературного фонда «Дорога жизни». Член Союза писателей России. Живёт в городе Рузе Московской области.

ШИГИН Борис Владиленович. Родился в 1952 году. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Журналист, поэт. Автор многих поэтических книг и песенных альбомов. Публиковался в журналах «Москва», «День и ночь», «Русское эхо», «Подъем», «Странник», «Волга — XXI век», «Простор», в «Литературной газете», а также в Израиле, Италии, Германии, США. Лауреат Всесоюзной премии имени Карпинского, губернаторских премий за достижения в области журналистики и литературы (1997, 2000, 2003), Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова (2007, 2008, 2014, 2019), премии Московской организации Союза писателей РФ «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М.Ю. Лермонтов. 1814 — 1841». Главный редактор литературного журнала «Сура». Заслуженный работник культуры РФ.

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала:

Владимир АРТАМОНОВ (Ульяновск), **Семён ВАХШТАЙН**,
Геннадий ГОРЛАНОВ, **Дмитрий ЖАТКИН**, **Максим ЗАМШЕВ** (Москва),
Александр ЛОМОВЦЕВ, **Андрей НОВИКОВ** (Липецк),
Александр ТУГАРОВ, **Оксана ЧУБАРЬ**, **Виктор ТЕРЕНТЬЕВ**,
Игорь ШИШКИН, **Михаил ФЁДОРОВ** (Воронеж)

Главный редактор

Борис Владиленович ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Валерий СУХОВ — редактор отдела поэзии

Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения

Ольга МАКАРОВА — технический редактор

Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**

Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано 7 августа 2008 г. Управлением Федеральной службы по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: 440026, Пензенская обл., г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20

Адрес учредителя и издателя: 440066, Пензенская обл., г. Пенза, пр. Строителей, 168-а

Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте
областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)

Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),
rendom55@yandex.ru (редактор отдела поэзии), alteule@yandex.ru (редактор отдела
истории и краеведения), olgamakarova13d1966@mail.ru (технический редактор),
alena_boo@mail.ru (редактор-организатор)

Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции в электронном виде.

Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Редакционные консультации для авторов по средам с 14 до 18 часов.

Сдано в набор 24.06.2026 года. Подписано в печать 24.07.2026 года.

Дата выхода в свет 24.08.2026 года. Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16.

Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 14.

Заказ № 61. Тираж 600 экз. Цена свободная.

Отпечатано в АО «Областной издательский центр».

Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Кирова, 65/2. Тел. 52-06-64, e-mail: Oblizdat@yandex.ru

1. В. Агапов
2. К. Вишневский
3. В. Власов
4. Г. Горланов
5. Р. Давыдов
6. Н. Инюшкин
7. Т. Кайманова
8. В. Кельх

9. Т. Кольян
10. Ю. Кузнецов (Арбеков)
11. Н. Куленко
12. Т. Мельникова
13. Д. Мурашов
14. Е. Попов
15. Н. Потапова
16. Ф. Ракушин

17. Л. Рассказова
18. В. Сазыкин
19. В. Стенькин
20. В. Терентьев
21. А. Тугаров
22. П. Фролов
23. В. Шварёв
24. Л. Яшина

25. Г. Штурмин

К 35-летию журнала «Сура».
Самые активные авторы журнала

СУРА

СУРА

№4 (194) июль - август 2026